

Выпуск 9

**АЛЬМАНАХ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Издательство
«Знание»
Москва 1970

от составителя

В новом альманахе научной фантастики отражены многие традиционные для нее проблемы.

Писатели Г. Гуревич, М. Емцев и Е. Парнов касаются социального аспекта открытий, отношения к изобретениям. Авторы еще раз напоминают, что прогресс цивилизации определяется не только уровнем техники, но и гуманизмом общества. Без гуманистической направленности общественного прогресса новые машины, сколь бы совершенны они ни были, изобретения сами по себе не способны принести счастье людям.

Очерк кандидата исторических наук А. Горбовского посвящен проблеме бессмертия человека. Основанный на обширном историческом материале, он интересен не только с познавательной точки зрения. Поднятые автором вопросы при всей их гипотетичности заставляют задумываться и над нравственными аспектами проблемы.

Писатель А. Шаров продолжает в этом сборнике публикацию «редких рукописей». На этот раз он привлекает внимание к проблеме нетерпимости, демонстрируя нам исторические корни фашизма сквозь восприятие... жука-точильщика.

Из зарубежной фантастики в сборник включены переводы с японского и английского.

Англичанин Дж. Боллард в своем «Хронополисе» довольно реалистически обрисовал современный ему капиталистический мир. Он только «убрал из него» часы, и... сквозь респектабельную внешность пресловутого «потребительского общества» проступили его социальные язвы.

Сюжетом для своего фантастического рассказа японский автор Таку Маюмура взял подготовку к Всемирной выставке «ЭКСПО-70». Он ничего не убрал из окружающей его действительности. Напротив, к пейзажу «японского экономического чуда» он добавил путешественников во времени. И мы увидели, что «экономическое чудо» слепо, человек, его благо, его счастье в буржуазном обществе ничего не стоят.

СТУЧАВШИЕ В ДВЕРИ БЕССМЕРТИЯ

НЕСОРАЗМЕРНОСТЬ

Оглянись назад — там безмерная бездна
времени.
Взгляни вперед — там другая беспредельность.
Марк Аврелий

Зеленый росток пробился из почвы в полдень, когда солнце стояло уже над верхушками пальм. К вечеру с моря подул ветер, предвещающий дождь. А утром над островами снова вставало солнце, и только размытые ливнем камни говорили о том, какой была эта ночь.

Так минули первый день и первая ночь в жизни растения, которое потом станет деревом, огромным деревом и даже получит название «драконового». 6000 лет отделяют нас от того дня. То было время, когда мир походил на огромную немую карту, потому что не было еще ни границ, ни городов, безымянны были моря и горы, а люди, ютившиеся вдоль побережий и у подножий гор, молились вою ветра, свету костра и не знали больших богов, чем божки из необожженной глины.

Проходили века. Где-то на отдаленных островах росло неизвестное дерево. В мире возникали первые государства и первые войны прошли по земле. В год, когда колесницы фараона Рамсеса II встретились в битве с войском царя хеттов Муваталлиса, дерево впервые зацвело. На нем раскрылись большие белые цветы, через несколько часов они опали.

Минули еще века. Человечество переживало величайшие события и трагедии. Менялись очертания государств, рушились империи, гибли народы. Начались и минули крестовые походы, воцарилось и отошло средне-

вековые, первые каравеллы Колумба отправились через океан. А дерево все так же стояло на берегу залива, и в листве его шелестел ветер.

Оно дожило до наших дней. Над ним, слышавшим стук каменного топора, проносятся теперь спутники. Кто знает, свидетелем и современником каких еще событий может стать это дерево, «драконовое дерево», растущее на острове Тенерифе, одном из группы Канарских островов.

Такова чудовищная несоизмеримость времени жизни какого-то дерева на богом забытом острове, и человека, провозгласившего себя (в одностороннем порядке) «венцом творения». Несоизмеримость эта будет еще большей, если мы обратимся к самым примитивным живым существам — к бактериям. Самые древние живые бактерии были обнаружены недавно в кристалле поваренной соли. Их возраст 500 000 000 лет. Сколь безмерно мала по сравнению с этой протяженностью жизнь человека!

ТЕ, КТО В ПУТИ

Геродот повествует, что когда царь персов Ксеркс в 480 г. до н. э. делал смотр своим войскам, он вдруг заплакал и сказал:

— Воистину, мне печально подумать о краткости человеческой жизни. Через каких-нибудь сто лет ни одного, ни единого человека из всех них не будет среди живых.

Людям всегда казалось, что природа несправедлива к ним, отводя человеку столь краткое существование и обрекая его на смерть. Уже обитатели древнего Шумера, 5000 лет назад жившие на болотистых берегах Тигра и Евфрата, мучительно размышляли об этом. Почему боги, давшие человеку разум, наградившие его чувством, не наделили его бессмертием? С глиняных табличек, испещренных клинописью, сквозь провалы времен до нас доносится полный недоумения и скорби голос Гильгамеша:

...Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею,
Энниду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков.

Но никогда не стал бы человек тем, что он есть, если бы ограничивался лишь причитаниями. Вот почему Гильгамеш, герой первого в мире эпоса, отправляется в опасный путь за далекое море, чтобы достать там «цветок как терн», дающий бессмертие. Его, цветок этот, хочет Гильгамеш принести своему народу.

Бессмертие! Таков был первый крик, первое слово, которым человек возвестил о своем несогласии с тем неизбежным концом, на который обречен его природа. Проходили тысячелетия, менялись представления о добре и зле, умирали боги и рождались новые, но неистребимой оставалась эта мечта, эта вера, что есть путь, единственный среди множества,

ведущий к бессмертию. И к чести человечества всегда находились безумцы, искавшие этот путь. Кто скажет, сколько было их: безвестных и безымянных, рискнувших отправиться по следам Гильгамеша и не дошедших до цели, сбившихся с дороги и погибших на ложных тропах.

Эпос о Гильгамеше говорил о цветке, несущем бессмертие. «Махабхарата», эпос, принесенный в древнюю Индию племечами ариев, упоминает о соке какого-то дерева, продлевающим жизнь человека до 10 000 лет. Очевидно, из индийских же источников позднее предание это было взято греческими историками, Мегасфеном и Страбоном. А Элиан, римский автор, живший в II—III веках, ссылаясь на Феополипа, рассказывал о деревьях, плоды которых способны якобы возвращать утраченную молодость.

Все сообщения эти восходят, очевидно, к какому-то единому древнему источнику. Вот что говорит о дереве вечной жизни, произраставшем в раю (или месте первоначального обитания людей) библейский текст:

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни и не вкусил, и не стал жить вечно». Чтобы этого не случилось, человек был изгнан из рая, у входа в который был поставлен страж «и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Первоначально и древнешумерский «цветок как терн» и дерево жизни выступали в качестве неких символов. И только позднее, когда сокровенный смысл их был утрачен, они превращаются в обыкновенное растение или дерево, сок и плоды которого удлиняют жизнь или возвращают молодость.

Подобная же утрата первоначального смысла или переосмысление произошло, очевидно, и с «водой жизни». В Древнем Египте эквивалентом православного «царство ему небесное» была фраза: «Да дарует ему Озирис прохладную воду вечной жизни!»

Эту воду вечной жизни индийцы представляли себе в виде источника или родника, древние иудеи — реки. О ней упоминает Геродот. Предания о воде вечной жизни существовали и у африканских народов, и у народов Америки, и у славян (живая и мертвая вода). По русским былинам, источник живой воды находится на острове Буяне, который стоит посреди океана. Но нет пророка в отечестве своем. Жители океанских островов, в частности Гавайских, наоборот, помещали источник вечной жизни далеко от своей родины, в стране, находящейся за много дней пути. Туда, на поиски источника вечной жизни, подобно Гильгамешу, отправлялся герой гавайских преданий Камапикиа.

В 1347 году арабский ученый Ибн-Батута беседовал с двумя путешественниками, утверждавшими, что ручей, несущий воды жизни, находится в Китае и впадает в море неподалеку от Кантона. Казалось бы, жителям Китая незачем искать воду жизни где-то еще. Но подобно гавайцам и, очевидно, в силу той же логики они предпочитали отправляться на ее поиски далеко за пределы своей страны. Много лет путешественники из Китая упорно искали источник живой воды... в Индии.

Там их пути пересекались с путями незунтов и католических миссионеров, также веривших, что именно в Индии им удастся найти источник

вечной жизни. Один из таких миссионеров-путешественников в своем письме в Европу в 1291 году горестно сетовал, что многие годы тщетно искал воду жизни в Северной Индии. Кстати, мнения богословов, где точно находится этот источник, расходились. Одни склонны были считать, что следует продолжить поиски в Индии. Другие, ссылаясь на туманные места писания и недомолвки древних авторов, называли Цейлон. Третьи — Эфиопию.

Но задолго до них «индийской версии» придерживался якобы и сам Александр Македонский. Существуют предания, будто свой поход в Индию он предпринял в поисках все того же источника вечной жизни.

Но, пожалуй, ни завоеватели, ни путешественники, ни иезуиты не были первыми, кто отправился на поиски источника жизни.

В «Этюдах оптимизма», посвященных проблеме продления жизни, И. И. Мечников упоминает о китайском императоре Цинь Ши Хуанди (246—210 гг. до н. э.), снарядившем на поиски островов бессмертия целую экспедицию.

«Говорят, что посреди Восточного моря есть три необыкновенных острова,— писал об этих островах историк тех лет.— Они не так далеки от мест, обитаемых людьми, но, к сожалению, едва кто-нибудь пытается пристать к ним, как поднимается ветер, который относит лодку далеко прочь. Если говорят правду, то в древние времена были люди, которым удавалось достичь этих островов. На этих островах живут бессмертные и есть состав, который оберегает от смерти. Все живое там, даже птицы и животные — белого цвета».

На одном из этих островов был якобы источник вина цвета нефрита. Выпивший этого вина, утверждало предание, обретал бессмертие.

Император Цинь Ши воздвиг Великую Китайскую Стену, оградившую страну от кочевников. Там самым он избавился от забот, тяготивших его предшественников, а освободившееся таким образом время посвятил размышлениям о путях достижения бессмертия. Особенно благоволил император к даосским монахам, полагая, что им известна эта тайна. Вот почему нельзя было обрадовать его большим, чем просьба, с которой припал к его высоким стопам подданный Су Ше: «Мы умоляем,—просил он,—чтобы нам разрешили, пройдя должное очищение, отправиться с юношами и девушками на поиски островов бессмертия».

Поскольку просьба совпала с его тайными устремлениями, император решил, что страна его не обезлюдует, если выделить для экспедиции 3000 девушек и юношей, а также большое число различных слуг, работников и мастеровых.

Многие дни император проводил на берегу или в плавании вдоль побережья, часами всматриваясь в неясный горизонт. Но корабли так и не вернулись.

«Су Ше отправился в плавание,— писал о финале этой экспедиции китайский историк.— Он открыл земли, замечательные своим миролюбием и плодородием. Там он поселился, стал королем и не вернулся назад».

Когда стало ясно, что Су Ше и его люди так и не возвратятся, император стал искать других путей, чтобы обрести секрет бессмертия. Не решаясь сам отправиться на поиски острова, император приближает к

себе великих мудрецов, людей, причастных к тайным знаниям и магии. Долгие годы они изготавливали для него сложные составы и снадобья. Каждому самому последнему подданному было известно, что император повелел своим мудрецам сделать так, чтобы он жил вечно. А в империи не было человека, который не знал бы, что воля их повелителя священна. За долгие годы своего царствования Цинь Ши пролил реки крови, дабы утвердить в этой справедливой мысли всех — от нищего пастуха до высшего сановника.

Вот почему, когда в предначертанный час император все-таки умер, подданные его и царедворцы оказались перед нелегкой дилеммой: что считать действительностью — священную волю императора, пожелавшего жить вечно, или свершившийся факт. Впрочем, колебания были недолги. Императора решено было считать живым. Он был посажен на трон и оттуда, из-за ширмы, долгие месяцы давал базмоланные аудиенции сановникам, наместникам провинций и дипломатам. Все такой же базмоланный и неподвижный, восседая на троне, император совершил долгое путешествие по стране и лишь на исходе девятого месяца, преодолевая страх и сомнения, приближенные решились предать императора земле.

ОСТРОВ ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

Там на острове Бимини
Протекает ключ волшебный,
Удивительные воды
Юность людям возвращают...

Г. Гейне

Но надежда никогда не умирала с теми, кто надеялся, а вера — с теми, кто веровал. Вот почему, когда адмирал его величества Христофор Колумб открыл за океаном новые, неизвестные земли, он открыл и новую главу в поисках обетованной страны бессмертия. Вслед за конкистадорами и купцами на запад переместились и надежды. Итальянский гуманист Педро Мартир, живший в те годы и лично знавший великого мореплавателя, писал папе Льву X: «К северу от Эспаньолы, между прочими островами, есть один остров на расстоянии трехсот двадцати миль от нее, как говорят те, которые отыскиали его. На острове том бьет неиссякаемый ключ проточной воды, такого чудесного свойства, что старик, который станет пить ее, соблюдая при том определенную диету, через некоторое время превратится в юношу. Я умоляю, ваше святейшество, не подумайте, чтобы я говорил это из легкомыслия или наобум; этот слух действительно утвердился при дворе, как несомненная истина, и не только простой народ, но и многие из тех, которые стоят выше толпы по своему уму или богатству, тоже верят ему».

Приходится ли удивляться, что в числе верявших в существование источника жизни оказался и знатный кастильский идадьго Хуан Понс де Леон. Ему было уже более пятидесяти лет, когда от живших на Пуэрто-Рико стариков-индейцев он узнал о какой-то стране, расположенной на

севере, где есть источник, возвращающий вечную молодость. За несколько лет до этого многие индейцы с острова Куба поплыли на ее поиски. Поскольку ни один из них так и не вернулся, это служило, как считали оставшиеся, бессловесным доказательством, что им удалось найти эту страну.

Другие индейцы возражали: зачем отправляться так далеко, если среди Багамских островов есть остров Бими́ни, где бьет точно такой же источник вечной жизни?

Понс де Леон был не единственным из испанцев, слышавшим эти рассказы. Но он оказался единственным, кто решился на свой страх и риск снарядить специальную экспедицию на поиск этого острова. Конечно, если бы слухи касались золота, и средства, и корабли, и участники не заставили бы себя ждать. Но речь шла всего-навсего о бессмертии. Сам же Понс де Леон был уже в том возрасте, когда люди начинают пожимать относительно ценность золота и абсолютную — жизни.

Вложив все свои средства в покупку трех кораблей, Понс де Леон набирает экипаж и 3 марта 1512 года под пушечную пальбу приказывает поднять якоря. Ветер надувает паруса, и флотилия, созданная для поисков бессмертия, отправляется в путь.

Погода благоприятствовала плаванию, и вскоре на горизонте показались зеленые острова Багамского архипелага. День за днем корабли обходили остров за островом, но все поиски и все расспросы оставались тщетны. Напрасно, не доверяя помощникам, капитан сам сходил на берег и пил из всех источников, какие только попадались на пути. Он пробовал даже воду из зловонных болот острова Бурка. Желанного перерождения не происходило, молодость не возвращалась к нему.

Через двадцать четыре дня после отплытия вахтенный на мачте увидел новую, неведомую землю, которую сначала тоже приняли за остров. Это была Флорида. Так была названа эта земля Понс де Леоном в память о том дне («Паска Флорида» — вербное воскресенье), когда он высадился на ее цветущие берега. Разбив своих людей на отряды, капитан отправил их в разных направлениях в глубь неведомой страны. Но один за другим посланные возвращались ни с чем. Образцы воды, доставленной капитану в медных солдатских флягах, не радовали его. Вскоре появились основания и для тревоги. На некоторые отряды напали индейцы. Позднее в одной из таких стычек был ранен и сам Понс де Леон.

С большим трудом, борясь с враждебными ветрами и пассатами, искатели бессмертия возвратились на Пуэрто-Рико. Неужели экспедиции суждено было завершиться полной неудачей? Но нет, в порт вернулось только два судна. Третье, на котором был сам Понс де Леон, продолжало поиски. И упорство было вознаграждено. В конце концов они нашли этот легендарный остров Бими́ни. Он был покрыт прекрасными лесами и волнистыми лугами, множество чистых и прозрачных источников орошало остров. Но, увы, среди них не было ни одного, который обладал бы свойством возвращать утраченную молодость.

По возвращении в Испанию Понс де Леон был благосклонно принят королем. Ему было высочайше пожаловано звание «губернатора острова Бими́ни и острова Флориды».

Через несколько лет Понс де Леон, человек, искавший бессмертия,

погиб от раны, полученной на Флориде. «Таким-то образом,— назидательно заметил автор одной старинной испанской хроники,— судьба разрушает планы человеческие; открытие, которым Хуан Понс надеялся продлить свою жизнь, послужило сокращению ее».

Но разве не усмешка судьбы: сами жители Пуэрто-Рико, откуда он отправился на поиски вечной жизни, были убеждены, что испанцы, завоевавшие их, бессмертны! Именно поэтому несмотря на все притеснения и произвол, который чинили конкистадоры, гордые индейцы сносили все. И действительно, разве можно представить себе предприятие более безнадёжное, чем восстание против бессмертных?

Как это часто бывает, открытие началось с сомнения. Нашелся вождь, который высказал некоторую неуверенность в том, что жестокие белые боги не знают смерти. Чтобы проверить обоснованность такого предположения, решено было провести довольно смелый эксперимент. Узнав, что один молодой испанец по имени Сальседа собирается проследовать через его владения, вождь приставил к нему почетный эскорт, дав своим людям соответствующие инструкции. В соответствии с этими инструкциями, переходя реку, индейцы уронили носилки и держали Сальседу под водой, пока тот не перестал вырываться. Затем они вытащили его на берег и на всякий случай долго и витиевато извинялись перед богом за то, что посмели нечаянно уронить его в реку. Но тот не шевелился и не принимал их извинений. Чтобы убедиться, что это не хитрость и не притворство, индейцы не спускали с испанца глаз несколько дней, то наблюдая за ним исподтишка из высокой травы, то вновь приближаясь и в который раз повторяя свои извинения.

Только после этого индейцы убедились, что их завоеватели такие же смертные люди, как и они сами. А убедившись, в один день и час подняли восстание по всему острову, истребив и изгнав испанцев всех до одного. Правда, ненадолго.

Впрочем, в своем представлении о бессмертии владык обитатели Пуэрто-Рико не так уж далеко ушли от подобных же заблуждений, которые питали куда более цивилизованные народы в отношении своих правителей. Так, во время похода Александра Македонского народы Ближнего Востока считали, что захвативший их царь греков бессмертен. Точно так же, в первые годы воцарения императора Августа подданные его искренне считали своего императора бессмертным.

Готовность поверить в бессмертие правителя была столь велика, что нужно было очень немного, чтобы превратить ее в уверенность. Это понимали, очевидно, западоримские императоры Аркадий и Гонорий (395—408 гг.), в 404 году обнародовавшие эдикт о своем небесном происхождении. Основным аргументом при этом был следующий: «Те, кто осмелится отрицать божественную сущность наших личностей, будут лишены должностей и имущество их будет конфисковано».

Обращаясь к императорам с момента обнародования эдикта следовало уже не «Ваше величество», а «Ваша вечность». Судя, однако, по тому, что, кроме эдикта, нам известно и другое — даты смерти обоих императоров, мера эта не обеспечила им вечной жизни.

Со столь же сомнительным результатом титул «бессмертных» вот уже

три века носят члены французской Академии наук. Звание это не больше приблизило их к бессмертию, чем членов некоего клуба, и нынче существующего в Лос-Анджелесе, устав которого провозглашает телесное бессмертие всех его членов.

ПУТИ И СРЕДСТВА

Я сказал бы творцу:
— Почему вместо половинного метода — беспрерывного создания новых людей и уничтожения живущих — ты не позволишь совершенствоваться и жить в вечности тем, кто уже живет!

Шопенгауэр

Первые христиане, которые таились в пещерах и пустошах, которых травили дикими зверями на аренах Рима, имели мало общего с пресыщенными и надменными князьями церкви последующих веков. Но кто знал, кто мог помнить тысячи лет спустя, что обязательное безбрачие католического духовенства восходило к представлениям именно этих ранних христианских сект? Первые христиане считали, что вступление в брак, появление детей были первопричиной, лишившей человека вечной жизни. И когда много позднее, в IV веке, известный философ и богослов Августин Блаженный также решительно выступал против брака, он обращался при этом к тем же аргументам.

Как ни странно, подобное представление издавна бытовало далеко от Европы, на противоположном конце Азии — в древнем Китае. Легенды рассказывали о стране бессмертия, где люди не имели детей и поэтому якобы жили вечно.

Но известно, что каждому тезису соответствует свой антитезис. В противоположность концепции воздержания как пути к бессмертию существовала и другая, столь же древняя концепция, которая, наоборот, призывала как можно чаще общаться с юными девушками, чье дыхание заставляет отступать годы и возвращает молодость. К такому способу продления жизни прибегали китайские императоры, средство это было распространено и на Ближнем Востоке и в Риме. О молодых девушках, как о лекарстве, могущем вернуть якобы уходящую молодость, писал в свое время такой авторитет, как врач Гален. И такой король, как Фридрих Барбаросса, следовал этому совету. Средство это рекомендовали с такой же легкостью, как сейчас врачи прописывают аспирин или таблетки от головной боли.

До нас дошла следующая эпитафия, сделанная по завещанию одного жизнерадостного римлянина на его надгробной плите: «ЭСКУЛАПУ И ЗДОРОВЬЮ ОТ Л. КЛАВДИЯ ГЕРИМПА, КОТОРЫЙ ПРОЖИЛ 115 ЛЕТ И 5 ДНЕЙ ПРИ ПОМОЩИ ДЫХАНИЯ ЮНЫХ ЖЕНЩИН И К УДИВЛЕНИЮ ВРАЧЕЙ. СТАРАЙТЕСЬ ЖИТЬ ТАК ЖЕ, КАК И ОН».

Правда, до нас не дошло иных доказательств успешности подобного метода, кроме свидетельства самого Геримпа. Возможно, впрочем, после-

дователи Геримпа были слишком поглощены выполнением его совета, чтобы отвлекаться на что-либо еще.

Куда больше времени да и сил на проповедование своих взглядов оставалось у сторонников воздержания. Они призывали не только к безбрачию, но и к воздержанию от желаний, от пищи, даже воздержанию от дыхания и т. д.

Один из восточных авторов рекомендовал, например, сделав вдох, задерживать дыхание в течение 120 ударов сердца. Тому, кто научится делать это, следует постепенно увеличивать паузу, пока он не сможет не дышать в течение тысячи ударов. «Когда старый человек достигнет этого состояния, он превратится в юношу».

Для достижения той же цели венецианский аристократ Корнаро (1464—1566 гг.), всемерно ограничивая себя в пище, довел свой рацион до 12 унций в день и прожил 102 года. Правда, при этом остается открытым вопрос, не дожил ли бы он до тех же самых лет и без столь мучительного поста? Ведь если бы все сводилось только к ограничению в пище, самыми великими долгожителями во все времена были бы, очевидно, бедняки.

Но, к счастью, подобное сомнение не зародилось в возвышенной душе венецианского аристократа. Если бы это случилось, досада по поводу несъеденных бифштексов наверняка отравила бы его дни и едва ли позволила бы ему дожить до столь почтенного возраста.

Впрочем, даже Корнаро выглядит человеком, склонным к излишествам, по сравнению с другими, искавшими бессмертия на путях воздержания. В древнекитайских «биографиях бессмертных» сообщалось, что некоторые из них, благодаря умеренности и постам, вообще освобождались от унизительной необходимости принимать пищу. «Они питаются воздухом и пьют росу». Как известно, и более поздние правители были далеко не безразличны к проблеме бессмертия. Стремясь как можно больше prolongить свою жизнь, они окружали себя алхимиками, астрологами, врачами.

Французский король Людовик XI был одержим страхом, что судьба, насмешливая и злая судьба, дарует ему короткую жизнь, и он не доживет до шестидесяти лет. Однажды, следуя высочайшему повелению, несколько молчаливых людей в сопровождении не менее молчаливой стражи поднялись на борт корабля и туманным осенним утром покинули берега Франции. После долгих недель блужданий по океану корабль достиг наконец цели своего путешествия — островов Зеленого Мыса.

Прошло много дней, прежде чем паруса были подняты снова и скалистые побережья островов остались позади. Команде и остальным, пlying на корабле, пришлось потесниться — в каютах расположились несколько необычные пассажиры. Там на подстилках из свежей травы ползали и медлительно переваливались друг через друга огромные черепахи. Это были черепахи, известные своим долгожитием. Они должны были передать это высокое качество королю Франции.

Из тонкого бокала работы венецианских мастеров каждое утро его величество пил зеленоватую горькую жидкость — черепашую кровь.

— Мне становится лучше, — уверял он врача, приходившего, чтобы

почтительно пощупать королевский пульс.— Я чувствую, что молодею...

Между тем, видя, что король с каждым днем становится слабее и выглядит все хуже, приближенные наперебой выражали свою преданность и любовь его наследнику. Всякий другой заметил бы этот тревожный признак. Но не Людовик. Он был слишком поглощен черепахами, которые должны были одарить его небывалым, сказочным долголетием.

Но если французский король помышлял всего лишь о шестидесяти годах жизни, американский мультимиллионер Дж. Рокфеллер (1839—1937 гг.) поставил своей целью во что бы то ни стало дожить до ста лет. Он поселился в специальных комнатах, совершенно изолированных и стерильных, подвергался постоянным медицинским осмотрам и освидетельствованиям. Если когда-либо и существовал человек, живший в абсолютно благоприятных и тепличных условиях, так это был именно Дж. Рокфеллер. И все-таки, несмотря на все эти условия (а кто знает, может, именно благодаря им!) он не достиг поставленной цели и сошел с дорожки всего за два метра, за два года до финиша.

Заботы подобного рода не были чужды и столь трезвому и жестокому политику, как Чингисхан. Однажды ему рассказали о даосском монахе Чанг-Чуне, владеющем якобы секретом вечной молодости и прожившем благодаря этому 300 лет. Тотчас же в Китай в сопровождении конвоя и свиты был отправлен чиновник, которому было дано поручение привезти монаха. Чиновник был облечен высшей властью — ему был вручен так называемый «тигровый ярлык». Надпись на ярлыке, скрепленная печатью Чингисхана, гласила: «Этот человек уполномочен действовать так же беспрепятственно, как если бы я находился на его месте».

В марте 1221 года отшельник отправился в путь, в декабре прибыл он в Самарканд и только в мае следующего года состоялась встреча с ханом. Дела в то время делались медленно, хотя и неотвратимо.

— Посвященный ты, — спросил его Чингисхан, — какие средства долгой жизни принес ты мне издалека?

— У меня нет эликсира, продлевающего жизнь, — отвечал монах, — мне известны лишь пути, которые могут охранять жизнь...

И он стал перечислять разочарованному повелителю различные способы воздержания и умеренной жизни.

Справедливости ради стоит отметить, что подобно тому, как безбрачие противостояла противоположная концепция, идея воздержания противостояла идея, отрицавшая ее. И когда профессор медицины С. Альбикус по распоряжению чешского короля Венчеслова написал для него трактат о продлении жизни, он завершил свою книгу советов следующей фразой: «Нет напитка, кроме вина; нет пищи, кроме мяса; нет радости, кроме женщины».

Но все эти способы: диета, дыхание, безбрачие, как и противоположные им, — все это были лишь различные ключи, которые люди пытались подобрать к одному и тому же замку, замыкавшему вход в царство бессмертия. Есть в этой связке и ключ, окрашенный в красный цвет.

Кровь, считалось, играет в достижении бессмертия исключительную роль. Именно в крови человека видели дравние носительницу особой жи-

ненной силы. Если бы можно было создать состав, равнозначный крови (но не подверженный действию времени), и влить его в вены, время было бы бессильно над человеком. Именно так и поступает в поэме Овидия волшебница Медея со старцем Эссоном.

...Медея свой меч обнажила,
Вскрыла им грудь старика и, прежней вылиться крови
Дав, новым составом его наполняет. Лишь Эссон напился,
Раной и ртом то зелье впитав, волосы и борода,
Сбросив свою седину, вновь цвет восприняли черный...
Выгнана вон худоба, исчезают и бледность и хилость,
Члены пышно цветут.

Когда человек теряет кровь, он умирает. Кровь равнозначна жизни. Принявший в себя чужую кровь как бы вливает и частицы чужой жизни. Вот почему в Риме во время боев гладиаторов можно было видеть, как после очередной схватки зрители выбегали на арену и пили с каменного пола еще теплую кровь. Правда, патриции не поступали так. Они пили обычно кровь молодых рабынь, мешая ее с их молоком. Этот метод продления жизни просуществовал столетия. Еще в XV веке известный богослов Марсилио Фичино (1433—1499 гг.) «находил молодую, здоровую, веселую и красивую женщину и, когда наступало новолуние, сосал молоко из ее груди». Если ему казалось, что он не чувствовал на себе достаточного омолаживающего влияния этой процедуры, он принимался «подобно пиявке», высасывать из нее кровь.

До нас дошло и своего рода теоретическое обоснование подобных путей продления жизни. «Если человек достиг 10×7 или 9×8-летнего возраста,— писал уже известный нам М. Фичино,— дерево его тела становится все более и более сухим, оно нуждается в жидкостях молодого тела».

В Европу этот изуверский обычай пришел с Ближнего Востока. Пресыщенные жестокостями и наслаждениями восточные сатрапы прибегали к нему как к последнему средству перед лицом приближающейся старости. Дряхлая рука не удержит власти. И они жадно, кубками пили кровь молодых рабов.

Другие, не насытившись вкусом крови, подобно царю Эссону, пытались ввести чужую кровь в свои вены. Такую попытку сделал папа Иннокент VIII, решивший ввести себе кровь трех юношей. Эксперимент оказался фатальным. Папа умер мгновенно среди чаш с приготовленной для него кровью.

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

Когда земное мое существование завершится
и начнется для меня жизнь вечная...

Из завещания Магеллана

Как известно, ведущие религии бессмертия, жизнь вечную обещают лишь за порогом смерти.

В противоположность этому некоторые мистические и философские

школы считают бессмертие достижимым и при жизни человека. При этом называются два пути: «надлежащий» и «преступный». Первый предусматривает сложную систему дыхательных, физических и психических упражнений. Преодолеть его могут только люди, сильные духовно. Другой путь имеет в виду различные оккультные способы продления жизни. Это путь преступный, таящий возмездие в себе самом. Решившийся вступить на него может якобы удлинить собственную жизнь за счет жизни других людей, лишая их так называемой «энергии жизни», или «жизненной силы».

Тот, кто ищет бессмертия на первом пути, должен прежде всего воспитать в себе величайшее безразличие. «Когда человек приходит в такое состояние,— писал один восточный философ,— когда «иметь» или «не иметь» для него совершенно равнозначно, когда для него безразличны жизнь и смерть, когда чувства его в гармонии с природой, а внутренний и внешний мир составляет единое целое, тогда человек может освободиться от рабства материи и оставить позади солнце, луну и звезды. Для него не будет иметь значения, ел ли он сто раз в день или один раз в сто дней».

К этому состоянию возвышенного безразличия удалось якобы приблизиться индийцу Тапасвиджи (1770—1955 гг.), прожившему, как утверждают, благодаря этому, 186 лет. В возрасте пятидесяти лет он, будучи раджой в Патнале, решил удалиться в Гималаи, чтобы стать «по ту сторону человеческих горестей». После многолетних упражнений Тапасвиджи научился погружаться в так называемое состояние «самадхи», когда жизнь полностью, казалось, покидала его тело и он подолгу мог не принимать ни питья, ни пищи.

Среди прочих средств неограниченного продления жизни особое место занимал эликсир бессмертия. Непосредственное отношение к этому составу имели боги, именно они считались в древности основными его потребителями. Греческие боги вкушали дарующую вечную жизнь амброзию, индийские — амриту, боги иранцев — хаома. И лишь боги Древнего Египта, проявляя величественную скромность, предпочитали пище богов воду. Правда, воду бессмертия.

После богов никто из людей не подходил к эликсиру бессмертия так близко, как алхимики.

Наиболее распространенным было убеждение, что эликсир представляет собой не что иное, как спиртовой раствор философского камня.

Впрочем, системе воззрения искателей вечной жизни нельзя отказать в логике. Прежде всего они давали дефиницию — определение предмета. Бессмертием, в их понимании, следовало считать то, что не подвержено изменениям. Таким веществом прежде всего было золото. Оно не подвержено воздействию щелочей и кислот, не подвергается коррозии. Само время бессильно перед ним. Следовательно, металл этот содержит некое начало, делающее его таким. Значит, нужно или выделить из него эту субстанцию, или привнести ее в человеческий организм вместе с золотом. «Кто примет золото внутрь,— гласит один древний восточный текст,— тот будет жить так же долго, как золото. Кто примет нефрит, будет жить долго, как нефрит».

Некоторое представление об эликсире дает рецепт, составленный личным врачом папы Бонифация VIII. Мы рискуем привести его, надеясь, что благоразумие удержит наших читателей от чересчур поспешного его применения. Согласно этому рецепту следовало смешать в измельченном виде в различных пропорциях золото, жемчуг, сапфиры, изумруды, рубины, топазы, белые и красные кораллы, слоновую кость, сандаловое дерево, сердце оленя, корень алоэ, мускус и амбру.

Столь же сложен был, очевидно, и состав знаменитых «пилюль бессмертия». «Солнце, луны и звезды должны семь раз завершить свой круг и четыре времени года должны вернуться девять раз. Ты должен промывать состав, пока он не станет белым, и сбивать, пока он не превратится в красный,— тогда ты получишь эликсир, который дарует тебе жизнь продолжительностью в 10 000 эпох».

Но что особенно важно, эликсир, как и «пилюли бессмертия», нельзя было принимать так, как сейчас, скажем, пирамидон. Следовало обязательно сочетать это с определенным образом жизни, строгой диетой, развитием высоких духовных и нравственных качеств.

Если перед ошибками
Ты замыкаешь вход,
Ты забываешь об истине,
Как же она войдет!

Р. Тагор

Заблуждения, дающие пышные всходы в любой области человеческой деятельности, здесь принесли особенно небывалый урожай.

Трудно передать то волнение, которое испытал исследователь, впервые расшифровавший египетский папирус, который позднее получил название «папируса Смита». Текст этот, написанный 4000 лет назад, был озаглавлен весьма многообещающе: «Начальная книга превращения старых в молодых». Правда, при дальнейшем чтении ученого ожидало разочарование: речь шла всего-навсего о различных косметических смесях и масляных притираниях. Папирус говорил не столько о том, как «стать» молодым, сколько о том, как «казаться» молодым. Хотя и существует формула «казаться — значит быть», идентичность эта чаще всего бывает ошибочна.

Но даже при всей своей химеричности этот способ был не худшим в ряду прочих. Среди прочих же можно было бы назвать, например, изыскания одного известного французского ученого XV века. В поисках жизненного эликсира он сварил 2000 яиц, отделил белки от желтков, и, смешивая то и другое с водой, многократно перегонял, надеясь таким путем извлечь искомую субстанцию жизни. Известен также рецепт, содержащийся в трактате одного восточного автора, который рекомендовал для той же цели «взять жабу, прожившую 10 000 лет, и летучую мышь, прожившую 1000 лет, высушить их в тени, истолочь в порошок и принимать».

Эксперименты в этой области облегчались тем обстоятельством, что, к счастью, ставились они преимущественно на себе. Неудача не могла

огорчить самого экспериментатора, поскольку сам он оказывался уже по ту сторону черты, отхуда и печали и разочарования этой жизни воспринимаются, очевидно, в иных масштабах.

Так случилось в прошлом веке с одним богатым баринном-филантропом, которого в Москве все звали просто по имени-отчеству — Андрей Борисович. К старости он стал предаваться различным изысканиям в области эликсира вечной жизни, руководствуясь при этом главным образом собственной интуицией. Вскоре Андрей Борисович был в полной уверенности, что нашел искомый состав. Он настолько уверовал в это, что искренне чувствовал себя помолодевшим, стал ходить на танцы, предаваться самым отчаянным похождениям, и до последней своей минуты нисколько не сомневался в собственном бессмертии.

Вопреки усилиям продлить свою жизнь, намного раньше положенного срока отправился к своим царственным предкам и китайский император Сюаньцзун (713—756 гг.). Произошло это только потому, что он имел неосторожность принять эликсир бессмертия, изготовленный его придворными лекарями.

Но как бы ни были велики заблуждения и многочисленны ошибки, вопреки всему, вопреки неудачам и разочарованиям, этот безумный поиск не прерывался. Любая ошибка, невежество, неудача тотчас становились всеобщим достоянием и тут же подвергались ликующему осмеянию. Зато каждый шаг к успеху замыкала тайна. Лишь одна сторона происходившего была открыта взгляду любопытных — неудачи. Другая постоянно оставалась в тени.

Вот почему сведения об успехах, которых удалось достичь на этом пути, единичны, разрозненны и малонадежны.

Есть, например, сообщение о епископе Аллен де Лисль, — лице, реально существовавшем (умер в 1273 году), занимавшемся медициной, которого исторические анналы именуют не иначе, как «универсальным целителем». Ему известен был якобы состав эликсира жизни. Когда епископу было 50 лет и он умирал от старости, при помощи этого эликсира ему удалось якобы продлить свою жизнь еще на целых 60 лет.

Еще больше удалось продлить свою жизнь Чжан Дао-лину, основоположнику даосизма, также лицу историческому (35—157 гг. н. э.). После многих лет упорных опытов он преуспел в изготовлении некоего подобия легендарных пилюль бессмертия. Когда ему было 60 лет, он вернул себе молодость и дожил до 123 лет.

Возможно, эти или подобные им факты имел в виду знаменитый врач и ученый средневековья Парацельс, когда писал в одном из своих трактатов: «Нет ничего, что могло бы избавить смертное тело от смерти, но есть нечто, могущее отодвинуть гибель, возвращать молодость и продлять краткую человеческую жизнь». Такого же мнения придерживался и другой выдающийся ученый той эпохи — Роджер Бэкон.

Всех же дней Мафусаила было девятьсот
шестьдесят девять лет...

Из Библии

О том, в каких пределах может быть продлена человеческая жизнь, среди ученых нет единого мнения. По всей вероятности, это является не столько результатом противоречивых данных, сколько зависит от меры оптимизма. Лучше всего поэтому будет, если мы обратимся непосредственно к фактам и сообщениям, дошедшим до нас.

В советской печати не раз писалось о случаях удивительного долголетия жителей нашей страны. Так, в Советском Союзе проживает 21 000 человек, достигших 100 лет, и около 600 — возраста свыше 120 лет.

Факты подобного долголетия известны и далеко за пределами нашей страны. В 1965 году в Кении умер человек по имени Атамбала, оставивший 10 безутешных вдов и 105 детей. Такое количество детей объясняется, однако, не только числом жен, но и тем, сколько лет имел Атамбала в своем распоряжении. Жил же он достаточно долго — 140 лет.

Правда, это далеко не рекорд. Один индонезийский крестьянин с острова Суматра прожил 194 года. Основываясь на этих сообщениях, логично было бы предположить, что жизнь в тропиках необычайно способствует долголетию. Однако это опровергается записью в английских церковных книгах, согласно которой некий Томас Карне прожил на туманных берегах Темзы ни много ни мало 207 лет. За время его жизни сменилось 12 английских королей.

Не менее удивительные свидетельства находим мы в прошлом. Так, Демосфен пишет о царе Литорнусе, также дожившем до двухсотлетнего возраста. Другие авторы упоминают Эпименида, известного поэта с острова Крит, который смог продлить свою жизнь до 300 лет. Но и эта дата не является пределом. Португальский придворный историк рассказывает в своей хронике о некоем индийце, с которым он лично беседовал и встречался и которому было в то время якобы 370 лет.

Следует заметить, впрочем, что подобные сообщения несколько напоминают известный софизм Евбулда. «Составляет ли одно зерно кучу?» — спрашивает он. «Нет». — «А еще одно зерно?» — «Также нет». Вопрос повторяется много раз, пока в итоге не оказывается куча.

Точно так же, если один человек прожил 207 лет, почему другой не может дожить до 208? А если кто-то может дожить до 208 лет, то третий способен дожить и до 209 лет. Иными словами, прибавляя по одному году, мы никогда не достигнем той черты, когда следовало бы с полной уверенностью сказать: «Это исключено!»

Если бы спросили, что думает по этому поводу сам автор, то его позицию можно сформулировать примерно так. Как известно, абсолютное знание (или абсолютная истина) не может быть исчерпано, путь к нему бесконечен. Сейчас мы находимся где-то на отрезке этого бесконечного пути. Нам известно, сколь недавно началась эпоха человеческого познания. Следовательно, часть, которая осталась позади, должна быть несомненно

меримо меньше той, которая находится впереди. Поэтому, чем дальше от наших сегодняшних представлений то или иное допущение, тем ближе должно быть оно к истине.

Автор отлично понимает, что это положение является достаточно спорным. Однако, согласно соображению, изложенному выше, именно это должно свидетельствовать в пользу его истинности.

Итак, сделав эту оговорку и резервируя тем самым место для скепсиса тех, у кого он окажется, мы хотим вернуться к нашей теме и сообщить о книге, вышедшей в Турине в 1613 году и содержащей биографию одного жителя Гоа, дожившего почти до 400 лет. Близки к этой цифре и даты жизни одного мусульманского святого (1050—1433 гг.), также жившего в Индии. И сейчас в Раджастане (Индия) бытует предание об отшельнике Мунисадхе, еще в XVI веке удалившимся в пещеры возле Дхолопура и скрывающегося там якобы до сих пор.

Роджер Бэкон в своем сочинении «De secretis operibus» рассказывает об одном немце, по имени Палалице, который, много лет проводя в плену у сарацин (арабов), узнал тайну изготовления какого-то снадобья, благодаря которому дожил до 500 лет. До стольких же лет, по свидетельству Плиния, удалось продлить свою жизнь и некоему иллирийцу.

Однако самое странное сообщение связано с именем индийца Тапасвиджи, о котором мы уже упоминали. Он сообщает о встрече у отрогов Гималаев со стариком-отшельником, который выглядел чрезвычайно бодрым и энергичным. Но удивительное дело, отшельник не говорил ни на одном из современных индийских языков, изъясняясь только на санскрите, языке древней Индии. Из рассказа старика выяснилось, что с тех пор, как он пришел сюда, прошло 5000 лет. Продлить свою жизнь до таких пределов ему удалось якобы благодаря составу, тайной которого он владел.

Однако как ни велики эти сроки, все это еще не само бессмертие, это лишь какие-то пути к нему, подходы, дальние ступени. Вот почему ученые и фанатики, философы и безумцы, цвет человеческой мысли, равно как и ее отбросы, так упорно продолжали искать некое средство, единственное, способное даровать вечную жизнь, — эликсир бессмертия. Они отдавали этим поискам годы, десятилетия. Иногда целую жизнь.

ИЗУВЕРЫ И ГЕНИИ

...От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка...

Ф. М. Достоевский

Немецкий провинциальный городок с улицами, мощенными плитами, с традиционными красными черепичными крышами и неизбежной готикой. Под одной из таких красных крыш, на мансарде, в фантастическом окружении колб, реторт и тиглей сидит молодой человек. Он занят делом не менее фантастическим, чем его окружение, — отысканием эликсира вечной жизни. Но самым странным для нас покажется даже не это, а то, кто

этот молодой человек. Это Гёте, молодой Гёте, несколько лет своей жизни посвятивший упорным поискам эликсира бессмертия. Не желая повторять те же ошибки, попадать в те же тупики и блуждать в тех же лабиринтах, что его предшественники, он тщательно изучает работы алхимиков, разыскивает самые забытые и скрытые их труды. «Я тайно пытаюсь, — писал он в те годы, — почерпнуть хотя бы какие-то сведения из великих книг, перед которыми ученая толпа наполовину преклоняется, наполовину смеется над ними потому, что не понимает их. Вникать в секреты этих книг составляет радость людей мудрых и отмеченных тонким вкусом».

Так Гёте-алхимик, Гёте — искатель эликсира бессмертия оказывается в одном ряду с людьми довольно странными, с людьми, рядом с которыми трудно представить себе великого поэта. Одним из таких людей был Калиостро. Величайший шарлатан и обманщик, каких только знала история. Так считали одни. Человек, обладавший беспредельным знанием и могуществом. Так утверждали другие.

Если бы мы вздумали рассказать о всех авантюрах и похождениях этого человека, нам едва ли хватило бы отведенных здесь страниц. Кроме загадки своего происхождения и неизвестного источника богатства, Калиостро имел еще одну тайну. «Говорят, — писала в то время одна из газет, — граф Калиостро обладает всеми чудесными тайнами великого адепта и открыл секрет приготовления жизненного эликсира». Ни этот ли слух делал Калиостро столь значительной фигурой при дворах королевских особ? Настолько значительной, что французский король Людовик XVI объявил, что любая непочтительность и любое оскорбление в адрес этого человека будут караться наравне с оскорблением его величества. Заявление, беспрецедентное, пожалуй, в истории французского двора.

Во время пребывания Калиостро в Петербурге светские дамы, удивленные тем, как молодо выглядит его жена Лоренца, изумлялись еще больше, узнав, что ей более сорока лет и что ее старший сын давно уже служит капитаном в Голландской армии. В ответ на естественные расспросы Лоренца открывала, что муж ее владеет секретом, возвращающим молодость.

Странное обаяние, которым владел Калиостро, тайна, которая его окружала, привлекли к нему внимание русского двора. Личный врач императрицы, англичанин Робертсон, не без оснований почувствовал в приезжей знаменитости потенциального соперника. Пользуясь методами, принятыми при дворе, он постарался очернить графа в глазах тех, кто был близок к трону. Нанятый придворный лекарь рассчитывал сразить Калиостро тем оружием, которым владел лучше всего, — оружием интриг. Однако граф предпочел скрестить шпаги на своих условиях. Он вызвал Робертсона на дуэль. Но это должна быть странная дуэль — дуэль на ядах. Каждый должен был выпить яд, приготовленный противником, после чего волен был принять любое противоядие. С твердостью человека, не сомневающегося в успехе, Калиостро настаивал именно на таких условиях поединка. Это не походило на браваду и, напуганный его странной уверенностью, Робертсон отказался принять вызов.

Дуэль не состоялась. Возможно, до Робертсона дошли слухи об элик-

сире бессмертия, которым якобы владеет его противник, возможно, он сам верил этому.

Но Калиостро слишком часто бросал вызов судьбе, слишком часто делал рискованные ставки, чтобы не исчерпать даже того великого числа счастливых исходов, которые были дарованы ему. В конце концов ему выпал нечет, и эта карта оказалась последней в его жизни. Граф был схвачен инквизицией, заточен в тюрьму, где и умер, прикованный цепью к стене глубокого каменного колодца.

Бумаги Калиостро, как обычно поступали в подобных случаях, были сожжены. Правда, уцелела копия одной его работы, предусмотрительно снятая в Ватикане. В ней дается описание процесса «регенерации», или возвращения молодости. «...Приняв это (эликсир.— А. Г.), человек теряет сознание и дар речи на целых три дня, в течение которых он часто испытывает судороги, конвульсии и на теле его выступает испарина. Очнувшись от этого состояния, в котором он, впрочем, не испытывает ни малейшей боли, на тридцать шестой день он принимает третью и последнюю крупичу, после чего впадает в глубокий и спокойный сон. Во время сна с него слезит кожа, выпадают зубы и волосы. Все они вырастают снова в течение нескольких часов. Утром сорокового дня пациент покидает помещение, став новым человеком, испытав полное омоложение».

Сколько бы фантастическим ни казалось приведенное описание, оно до странного напоминает индийский метод возвращения молодости «кайка-калиа». Курс этот дважды в своей жизни проводил Тапасанджи, о котором мы уже писали и который прожил 186 лет. Впервые сделал он это, когда ему было 90 лет. Лечение также продолжалось сорок дней, большую часть которых он провел тоже в состоянии сна и медитации. После сорока дней у него выросли новые зубы, поседевшие волосы обрели прежний черный цвет, а телу вернулась былая бодрость и сила.

Но даже когда, вопреки скепсису и усмешкам, весть о подобном исцелении и становилась достоянием многих, состав эликсира и сам процесс лечения оставались тайной. Вот почему не было такой цены, не было такого преступления, которым не были бы готовы заплатить за эту тайну.

В Версале, в маршальском зале и сейчас можно видеть портрет маршала Бретани — Жиль де Рэза. Написанный в XV веке портрет, по словам современников, довольно точно передает внешность этого человека. С портрета на редких посетителей довольно равнодушно смотрит человек средних лет с каким-то отсутствующим взглядом. Его выделяет только борода, такая черная, что кажется даже синеватой, и еще четкая, волевая линия плотно сжатого рта. Эти сомкнутые уста уже пять веков хранят тайну преступлений маршала Жиль де Рэза.

Маршал ценил роскошь и всяческую пышность, что, впрочем, соответствовало как нравам эпохи, так и его положению. Кроме того, он был снисходителен к беднякам. Последнее выражалось в том, что владелец Рэза охотно принимал в свой хор мальчиков, детей бедных родителей, великодушно обещая вывести их в люди и позаботиться об их будущем. Попасть в замок в услужение к сеньору считалось величайшей удачей, и каждый вечер во многих домах Бретани возносились горячие молитвы за милостивого и сердобольного господина Жиль де Рэза.

Правда, оказывая это благодеяние, сеньор ставил одно условие. Родители, отдавшие ему своих детей, не могли ни требовать их обратно, ни даже навещать их. Но ради того, чтобы сын их выбился в люди, родители были согласны на все.

В замке мальчиков хорошо кормили, им были выданы красивые голубые ливреи с желтыми пуговицами. Правда, каждую неделю одного из них зачем-то требовали к маршалу и обратно он уже не возвращался. Остальным строжайшим образом запрещено было расспрашивать об участии своего товарища. Так продолжалось довольно долго.

В первый день пасхи 1440 года Жиль де Рэз, простившись с женой, покинул замок. Дела требовали его поездки в Нант. Кроме пышной и многочисленной свиты, маршала сопровождал один из самых доверенных его людей, флорентиец Перлати. Это был человек замкнутый, внешне довольно набожный, так что никому не могло прийти в голову, что уже много лет основным его занятием были чернокнижие и магия.

Когда, оставшись одна, госпожа Рэз сидела у окна, раздумывая, чем бы заняться, взгляд ее случайно упал на старую башню. Вход в нее был давно замурован, и Жиль де Рэз запретил кому бы то ни было приближаться к башне: сооружение это очень ветхо, говорил он, и может обрушиться на неосторожного. Однако супруга несколько раз замечала, как поздно ночью в одной из бойниц башни мелькал огонь. Она так и не решилась заговорить об этом с мужем, которого боялась. Зато сейчас ей представлялся прекрасный случай удовлетворить свое любопытство. Дождавшись, когда через несколько дней в замок прибыла ее сестра, она рассказала ей о таинственной башне.

После долгих поисков женщины нашли, наконец, за церковным алтарем потайную дверь, которая через подземный ход вела в башню. Но удивительное дело, внутренность башни не имела запущенного вида. На первом этаже было оборудовано нечто вроде часовни. Но это была странная часовня. На возвышении стояли черные свечи, перед ними лежала большая книга, испещренная непонятными знаками, в углу горела лампада с черным маслом. Но горела она не перед распятием, вместо него стояла бронзовая фигура какого-то чудовища.

На втором этаже были расставлены реторты, гигантские колбы и прокопченные тигли, словом, все принадлежности лаборатории алхимика. Поднявшись выше, женщины оказались в темной комнате, и здесь госпожа Рэз, задев платьем какой-то сосуд, опрокинула его на пол. Когда через минуту ее сестра вернулась со свечой, их взгляду открылась большая комната с высокими стеллажами вдоль стен, уставленными медными сосудами с темной жидкостью и помеченными номерами. Один такой сосуд лежал на полу, и черное пятно растекалось по мраморной плите.

Но это было не все.

Посреди комнаты стоял стол, и на нем лежал труп одного из мальчиков.

Конечно, госпожа Рэз была женщиной своего времени, хорошо знакомая со всеми его жестокостями и ужасами, но то, что она увидела здесь, потрясло ее. Все же у нее хватило самообладания попытаться скрыть следы своего посещения. Она подняла упавший сосуд, и женщины

принялись, правда, тщетно, стирать с пола темное пятно. Это занятие и погубило их.

Говорить о том, что произошло дальше, значит пересказывать сюжет «Синей бороды», который всем хорошо известен. Но не все, возможно, знают, что в основе его лежат действительно имевшие место события, о которых мы рассказываем.

Неожиданно возвратившийся в замок маршал, не видя нигде своей жены, заподозрил неладное, бросился в башню, где и застал обеих сестер. По его приказу флорентиец начал служить черную мессу, а Жиль де Рэз приготовился принести женщин в жертву, когда у ворот вдруг послышался шум. В замок въезжали братья госпoжи в сопровождении своих рыцарей. Они освободили обеих женщин, но (что тоже характерно!), несмотря на все свидетельства совершенных злодеяний, не посмели задержать самого маршала. Настолько недостижимо высоко было его общественное положение.

На следующий же день, прискакав на взмыленных лошадях в столицу Бретани, братья бросились к Герцогу Иоанну I, прося защиты и правосудия. Замок Рэз был осажден. Видя бессмысленность сопротивления, маршал Жиль де Рэз сдался.

Парламентом было назначено следствие, которое установило, что в старой башне было умерщвлено свыше восьмисот детей. Там же было найдено около двухсот женских скелетов. Маршал признался, что еще большее число было сожжено.

На суде выяснилось, что эти бесчисленные садистские убийства были совершены им в поисках «жизненного начала», заключенного в человеке. Он пытался извлечь это начало с тем, чтобы изготовить из него эликсир, дарующий бессмертие.

Его судили за убийства — светский суд и за черную магию — суд церковный. Оба приговорили его к смертной казни на костре.

Синяя борода был сожжен на площади Магдалины в Нанте. Он откасался от священника и умер без покаяния.

И, странно подумать, это был тот самый человек, который когда-то славился благородством и отвагой. Именно за эти качества король Франции назначил некогда молодого лейтенанта Жиль де Рэза адъютантом Жанны д'Арк. Он поддерживал стремя ее коня и сопровождал Жанну д'Арк во всех битвах, своей головой отвечая за ее безопасность.

Так начинал он свою жизнь. Мы видели, как кончил. Мысль о бессмертии, погоня за призраком превратила его в чудовище.

Итак, от И.-В. Гёте до Жиль де Рэза, от великого поэта до изувера и убийцы — таковы крайние точки этого своеобразного спектра, вобравшего в себя все цвета и оттенки человеческих личностей, всю гамму мотивов и побудительных причин, от самых возвышенных до самых низких. Но в этой огромной, простирающейся несколько хвастает взгляда толпе нам видны лишь отдельные лица и известны только некоторые имена. Большинство из армии искателей бессмертия как пришли, так и уходят безымянными.

Среди великого множества стучавшихся в двери бессмертия лишь несколькими, как утверждает традиция, удалось войти в эту дверь. Поистине много званых, но мало избранных. Эти немногие и сейчас якобы живут среди людей, тщательно оберегая свою тайну.

В 1000 году известный арабский ученый Аль Бируни писал о некоем Элиасе, нашедшем путь к бессмертию еще в древности и продолжавшем жить и в его время. Аль Бируни назвал Элиаса «вечноживущим».

Среди других, кого можно было бы вспомнить в этой связи, одним из первых приходит на ум философ пифагорейской школы Апполоний Тианский. Вот что рассказывает о нем в своей диссертации Д. И. Писарев.

В самой ранней молодости он отказался от мясной пищи, считая ее «нечистой и омрачающей ум», стал ходить босиком, обходился без шерстяного платья и т. д. Наложив на себя обет молчания, он хранил его пять лет.

В поисках высшего знания Апполоний Тианский отправился в Индию, известную своими отшельниками, учеными и тайными науками. По пути к нему присоединился попутчик Дамид.

— Пойдем вместе, Апполоний. Ты увидишь, что я способен принести пользу. Хотя я и немного знаю, однако знаю дорогу в Вавилон и города по этой дороге. Знаю я, наконец, языки варваров, сколько их есть. Одним языком говорят армяне, а другим — мидяне и персы, а третьим — кадуяне. Я все эти языки знаю.

— И я, дорогой мой, — возразил Апполоний, — знаю все языки, хотя ни одному из них не учился.

Дамид выразил удивление.

— Ты не удивляйся, — заметил философ, — что я знаю все языки людей. Я и то знаю, что умалчивают люди.

Вернувшись из Индии, Апполоний совершил много удивительных вещей, которые остались в памяти его современников. Во времена Нерона он побывал в Риме, посетил Египет, Сицилию, Гибралтар.

Он пережил пять римских императоров, и когда воцарился шестой, Апполоний Тианский уже семидесятилетним старцем возвратился в Рим. Здесь по приказу императора Домициана он был схвачен и заключен в тюрьму. Желая показать всем беспределность своей власти, император приказал организовать суд над ним, чтобы в лице философа покарать само инакомыслящее начало. В назначенный день и час в величественно убранном зале собрались все знатнейшие граждане города. Под усиленной охраной был введен Апполоний. Но в самый разгар суда, когда прокурор с пафосом клеймил его, обвиняя в чернокнижии и неуважении к императору, на глазах у всех Апполоний исчез из переполненного зала.

В тот же день, несколькими часами позднее, люди, знавшие Апполония, видели его якобы на расстоянии трех дней пути от Рима.

Последние годы Апполоний Тианский провел в Греции, где он жил при

храме. Странно, однако, что остались неизвестны время и место смерти этого философа. Не было известно это и его современникам. В анналах истории он числится «без вести пропавшим». Вот почему, помня о многих других удивительных вещах, которые совершал этот человек, молва приписала ему еще одно качество — бессмертия.

Ряд веков считалось, что Апполоний, избежав смерти, продолжает скрываться где-то среди людей. Прошло около тысячи лет, прежде чем слух этот, казалось бы, подтвердился. Впрочем, можно ли считать это подтверждением?

Жалкий глупец, неужели ты настолько наивен, что думаешь, будто каждое наше слово следует понимать буквально, и что мы откроем тебе самую удивительную из тайн!

Артефиус

В XII веке жил философ и алхимик, называвший себя Артефиусом. До нас дошли два его труда — сочинение о философском камне и трактат о путях продления жизни. Кроме того, он известен тем, что по мнению современников, ему принадлежит право считаться не кем иным, как самим Апполонием Тианским.

Так думали не только современники. Когда появилось книгопечатание и трактат Артефиуса о бессмертии увидел свет, в предисловии к нему говорилось, что автор имел особые основания для того, чтобы написать эту книгу, поскольку к тому времени, когда он сделал это, сам он прожил уже 1025 лет.

Через пятьсот лет появляется личность не менее загадочная и странная — человек, также знающий якобы путь, ведущий к бессмертию. Он называет себя графом Сен-Жерменом.

Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного? Вы знаете, он выдавал себя за вечного жидя, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня и прочая и прочая.

А. С. Пушкин

В 1750 году граф объявляется в Париже внезапно, не имея ни прошлого, ни даже какой-либо мало-мальски правдоподобной истории, которая могла бы сойти за прошлое. Словно где-то в стене вдруг открылась дверь и из нее вышел этот человек только для того, чтобы, когда придет время, снова исчезнуть за той же дверью. И о нем самом, и о происхождении его фантастического богатства сегодня мы знаем так же мало, как и те, кто были его современниками.

О себе граф предпочитал не говорить, но иногда, словно случайно, «проговаривался». И тогда из слов его яствовало, что ему случалось лично беседовать с Платоном, с Сенекою, знать апостолов, присутствовать на пире Сардапала и т. д. Всякий раз, однако, граф спохватывался, как человек, сказавший лишнее.

Принятый в лучших домах, он очаровывал всех своими манерами, удивительной эрудицией и необычайной осведомленностью о прошлом. Его появление приводило в изумление и растерянность пожилых аристократов, которые припоминали вдруг, что видели уже этого человека, видели давно, в детстве, в салонах своих бабушек. И с тех пор, поражались они, он совершенно не изменился внешне. Сам Сен-Жермен не поддерживал подобных разговоров, но и не опровергал их.

Эти смутные толки, догадки и разговоры породили слух, что графу известна тайна эликсира бессмертия.

Об этой тайне графа почтительно упоминала весьма respectable газета «Лондон Кроникл» от 3 июня 1760 года в связи с посещением Сен-Жерменом Лондона. В статье, выдержанной почти в благоговейных тонах, перечислялись высокие достоинства графа и говорилось о его мудрости, открывшей ему тайну эликсира вечной жизни. Об этом эликсире для своего короля и возлюбленного тщетно умоляла его «первая дама Франции» госпожа Помпадур.

В протоколах суда инквизиции над Калиостро сохранился рассказ Калиостро о посещении им Сен-Жермена в Гольштинии, куда тот переехал позднее. Калиостро утверждал, будто видел сам сосуд, в котором граф хранил эликсир бессмертия.

Переезд Сен-Жермена в Гольштению был внезапен и необъясним. Вопреки покровительству госпожи Помпадур, вопреки величайшему почтению, которым окружил его король, этот странный человек неожиданно исчезает из Парижа, с тем чтобы некоторое время спустя объявиться вдруг в Гольштинии, где в полном одиночестве в своем замке он проводит несколько лет. Там же он и умер, как утверждали некоторые, в 1784 году.

Правда, история жизни Сен-Жермена не прерывается на этой дате. Сначала она имела несколько неожиданное продолжение в прошлом. Оказывается, того, кто называл себя графом Сен-Жерменом и внезапно, словно из небытия, возник в 1750 году в Париже, до этого видели в Англии, знали в Голландии, помнили в Италии. Он жил там под разными именами и титулами. И, если бы не свидетельства его современников, можно было бы думать, например, что маркиз Монтфера, граф де Беллами и тот же граф Сен-Жермен — разные лица. Но все это не так удивительно, как то, что после смерти графа (или мнимой его смерти) нашлись люди, которые снова видели этого человека. В годы французской революции его опознали якобы в одной из тюрем, где содержались аристократы.

Затем на несколько десятилетий все следы этой личности теряются, пока в последние годы правления Луи-Филиппа в Париже не появляется человек, скрывавшийся под именем майора Фразера. Несмотря на свое английское имя, он не был англичанином. Жил он один, имел неограниченные средства, об источнике которых, так же как и о происхождении его самого, ничего не было известно. Иногда, когда он говорил о прошлом, об эпохах самых отдаленных, собеседникам, как утверждали они, казалось, что они слышат не пересказ чего-то читаного, а воспоминания очевидца.

Так и не удалось установить, кем был этот человек, сообщения о

котором дошло до нас только потому, что в его время нашлись люди, отождествлявшие его все с тем же бессмертным графом Сен-Жерменом.

В свое время Наполеон III, который проявлял повышенный интерес к этой личности, приказал собрать свидетельства и все, что сохранили архивы, о Сен-Жермене. Это было сделано, но... помещение, где хранились с трудом отысканные бумаги, сгорело дотла, и документы безвозвратно погибли. В итоге отделить правду от лжи, истинные свидетельства от вымысла оказалось еще труднее.

В 1938 году в печати промелькнуло сообщение, что этот ставший легендарным человек останавливался якобы в одном из отелей Венеции.

Попытаемся, однако, на минуту допустить невозможное. Представим себе, что из тысяч и сотен тысяч искавших эликсир бессмертия одному удалось найти некое средство неограниченного продления жизни. То, что неограниченное удлинение жизни возможно, не отрицается современной наукой. Зададим себе вопрос: как мог бы вести себя человек, убедившийся, что подобное средство действительно у него в руках?

Очевидно, ему предстоял нелегкий выбор: либо скрыть его от людей, либо сделать всеобщим достоянием.

Как мы знаем, последнего не произошло. И сегодня нам трудно представить себе все последствия, если бы это случилось. Остается первое — скрыть от людей. Как бы вел себя человек в этом случае? Очевидно, он старался бы не привлекать к себе надолго внимания, менял бы имена, переезжал бы из страны в страну, лишь изредка рискуя на какое-то время появляться на поверхности жизни.

Но насколько мы знаем, такая линия поведения полностью соответствует тому немногому, что нам известно об Артефусе, Сен-Жермене, о тех или том, кто скрывался под этими именами.

Правда, мы забыли еще об одной возможности. Об отказе от бессмертия. Сколь бы странной ни показалась эта мысль на первый взгляд, но именно так поступил, как утверждают легенды, царь Соломон. Когда ему был предложен эликсир бессмертия, он отказался принять его, потому что не хотел пережить тех, кто был близок ему и кого он любил. Эта легенда, в основании которой лежит грустная мысль о том, что бессмертие может оказаться проклятием, предвосхищает чем-то предание о «вечном жиде», об Агасфере.

ВРЕМЯ БЕССМЕРТИЯ

...Красивая и жуткая легенда о человеке, который извечно ходит по земле, бессмертно живет среди людей, являясь свидетелем их заблуждений и ошибок, радостей и горя, глупости и зверства.

М. Горький

Предание гласит, что когда Христа вели, чтобы предать мучительной казни, он нес на себе тяжкий деревянный крест. Путь его к месту распятия был тяжел и долг. Изнемогающий, он хотел было прислониться к стене дома, чтобы передохнуть, но хозяин этого дома Агасфер не разрешил:

— Иди! Иди! — прикрикнул он под одобрительные возгласы фарисеев. — Нечего отдыхать!

— Хорошо, — разжал спешившие губы Христос. — Но и ты тоже всю жизнь будешь идти. Ты будешь скитаться в мире вечно, и никогда не будет тебе ни покоя ни смерти.

Возможно, предание это было бы в конце концов забыто, как и многие другие, если бы на протяжении ряда веков не появлялся какой-то человек (или разные люди), которых многие отождествляли с личностью бессмертного Агасфера.

О нем писал итальянский астролог Гендо Бонатти, тот самый, которого Данте в своей «Божественной комедии» угодно было поместить в аду. В 1223 году Бонатти встретил его при испанском дворе. По его словам, человек этот был в свое время проклят Христом и поэтому не мог умереть.

Пятью годами позднее о нем упоминает запись, сделанная в хронике аббатства св. Альбана (Англия). В ней говорится о посещении аббатства архиепископом Армении. На вопрос, слышал ли он что-нибудь о бессмертном скитальце, архиепископ отвечал, что не только слышал, но и несколько раз лично разговаривал с ним. Человек этот, по его словам, находился в то время в Армении, он был мудр, чрезвычайно много повидал и много знает, в беседе, однако, сдержан и рассказывает о чем-нибудь, только если его об этом спросят. Он хорошо помнит события более чем тысячелетней давности, помнит внешность апостолов и многие подробности жизни тех лет, о которых не знает никто из живущих ныне.

Следующее сообщение относится уже к 1242 году, когда человек этот появился во Франции. Затем наступило молчание, которое было нарушено только через два века.

В 1505 году Агасфер объявился в Богемии, через несколько лет его видят на Арабском Востоке, а в 1547 году он снова в Европе, в Гамбурге.

О встрече и разговоре с ним рассказывает в своих записках епископ Шлезвига Пауль фон Эйтзен (1522—1598 гг.). По его свидетельству, человек этот говорил на всех языках без малейшего акцента, вел замкнутый и аскетический образ жизни. У него было только то, что было надето на нем; если кто-нибудь давал ему деньги, он тут же до последней монеты все раздавал бедным. В 1575 году его видели в Испании и беседовали с ним Кристофор Краузе и Якоб Хольстейн, папские легаты при испанском дворе. В 1599 году его видели в Вене, откуда он направляется в Польшу, собираясь добраться до Москвы. Вскоре он действительно оказался в Москве, где многие также разговаривали с ним.

В 1603 году на обратном пути он появляется в Любеке, что было засвидетельствовано бургомистром Колерусом, историком и богословом Кмовером и другими официальными лицами. «Die 14 Januarii Anno MDCIII, — гласит городская хроника, — adnotatum reliquit Lubekae fuisse Judaeum illum immortalem, que se Christi crucifixioni interfuisse affirmavit» *.

* «14 января 1603 г. в Любеке было замечено появление еврея, который утверждал, что присутствовал при распятии Христа».

В 1604 году мы находим эту странную личность в Париже, в 1633 — в Гамбурге, в 1640 — в Брюсселе. В 1642 году он появляется на улицах Лейпцига, а в 1658 году — в Стратфорде.

Когда в конце XVII века вечный странник снова объявился в Англии, скептически настроенные англичане решили проверить, действительно ли он тот, за кого его принимают. Оксфорд и Кембридж прислали своих профессоров, которые устроили ему пристрастный экзамен. Однако познания его в древнейшей истории, в географии самых отдаленных уголков Земли, которые он посетил или якобы посетил, были поразительны. Когда ему внезапно задали вопрос на арабском, он без малейшего акцента отвечал на этом языке. Он говорил чуть ли не на всех языках, как европейских, так и восточных.

Вскоре человек этот появляется в Дании, а затем в Швеции, где следы его снова теряются.

Впрочем, упоминание об этой загадочной личности мы встречаем и позднее. В 1818, 1824 и 1880 годах он же или некто, выдававший себя за него, появляется в Англии...

Последнее из известных нам упоминаний об этом человеке отстоит от нас менее чем на сто лет. В тот день издававшаяся в Соединенных Штатах газета «Дезерт Ньюс» поместила заметку о посещении арендатора О'Гради человеком, назвавшимся Агасфером. В память о своем приходе он оставил арендатору томик Талмуда.

Эта странная фигура встречается, однако, не только на страницах исторических хроник и в воспоминаниях очевидцев. Агасфер в литературном, естественно, преломлении появляется в драмах Шиллера, в стихах Гёте, Беранже и Шелли. О нем писали Жуковский и Пушкин. Он стал героем известного и до сих пор читаемого романа Эжена Сю. Не удивительно поэтому, что личность его стала восприниматься в первую очередь как персонаж чисто литературный. Агасфер занял место где-то по соседству с графом Монте-Кристо и Дон Кихотом.

Однако до того, как стать обитателем бумажных страниц и героем книжных полок, Агасфер, как мы видели, воспринимался как личность историческая и вполне реальная. Именно это обстоятельство сделало возможным, например, появление такой работы, как диссертация немецкого ученого Миттернахта, написанная в XVII веке. На 450 страницах своего трактата Миттернахт во всеоружии науки своего времени на примере Агасфера подробно разбирал вопрос о возможности человеческого бессмертия.

ПРЕВЫШЕ ЛОГИКИ!

...Нет ничего прекраснее правды, кажущейся неправдоподобной.

Ст. Цвейг

Было время, когда даже самые крупные ученые не могли объяснить происхождение «камней, падающих с неба» — метеоритов. А если явление не может быть объяснено с позиций сегодняшних знаний, то его можно

отрицать! Именно так поступила Французская Академия наук, объявив метеориты несуществующими, а разговоры о них — проявлением невежества. Руководствуясь той же логикой, мы будем совершенно правы, отрицая все, что связано с именем Агасфера: в легенде нет ни крупницы истины, все от первого и до последнего слова в ней ложь, а многочисленные исторические свидетельства и сообщения — чья-то изощренная фальсификация. При такой постановке вопроса все ставится на свои места и обретает столь привычную ясность.

Правда, всегда находились люди, которые предпочитали подобной ясности поиски более дорогой и трудной истины. Путь истории усеян костями этих людей.

Но почему человек все-таки стремится за грани рационального, за пределы логически объяснимого? Почему вопреки всей видимой неправдоподобности нам так хочется поверить, что были люди, которым удалось достичь недостижимого — бессмертия? Не потому ли, что, как сказал Ст. Цвейг, «нет ничего прекраснее правды, кажущейся неправдоподобной!»?

Мечта об осуществленном бессмертии и есть та прекрасная неправдоподобность, которая оказывается дороже привычных истин, валяющихся под ногами.

Некогда, лишь начиная осмысливать окружающий мир, человек считал себя практически бессмертным. Если бы злые духи и колдуны не прерывали нить бытия, человек жил бы вечно. Это представление о человеке как о существе бессмертном до сих пор бытует у многих племен Африки и Америки.

Поколение за поколениям сменяли друга друга, и постепенно люди приходили к мысли, что никто из них не бессмертен. Так человек впервые осознал великую пустоту бытия, которая разверзлась перед ним. Но тогда же, словно спасая его от отчаяния, родилась другая иллюзия. Представление о бесконечном продолжении жизни в Царстве Теней. Христианский Эдем, райские сады ислама, индуистское переселение душ — все это были звенья единой цепи.

Так, уверовав в реальность нового призрака, человечество вновь обрело утраченное было ощущение бессмертия.

Но пришло время, когда и эта концепция бессмертия с исторической неизбежностью исчерпала себя. И тогда, все с той же неотвратимостью, на смену ей пришла новая. Сегодня мысль о достижении бессмертия связывают с наукой.

Одним из первых, кто пришел к этому, был Р. Бэкон. «Человеческое тело, — писал он, — можно освободить от всех неправильностей и продолжить жизнь на многие столетия». Бэкон имел в виду осмысленное, направленное воздействие на человеческий организм.

В то, что со временем такое воздействие окажется возможным, верил и другой великий ученый прошлого — Бенджамин Франклин. Он заявил, что в будущем жизнь человека будет продлена более чем на тысячу лет. Это было сказано в годы, когда люди жили при свечах и ез-

дили в каретах, когда лучшие умы не имели ни малейшего понятия о вещах, известных сейчас любому школьнику.

Еще бóльшим оптимистом, верившим в возможности науки, был французский философ-гуманист XVIII века Кондорсе. Он считал, что продолжительность жизни человека, увеличиваясь из века в век, может в конце концов приблизиться к бесконечности, то есть к бессмертию.

О проблеме человеческого бессмертия размышлял К. Э. Циолковский. «Жизнь не имеет определенного размера и может быть удлинена до тысячи лет, — писал он. — Неопределенного удлинения жизни наука рано или поздно достигнет». Известный английский философ Дж. Бернал также считает, что со временем люди постигнут тайну бесконечного продления своей жизни.

В основе этой надежды лежит, однако, не просто обожествление науки, которая, мол, все может, а если не может сегодня, то сможет завтра. И не слепое стремление человека жить как можно дольше, а мысль о вполне принципиальной возможности неограниченного продления жизни отдельного индивида.

Еще в конце прошлого века биолог Август Вейсман пришел к выводу, что гибель индивидуума вовсе не является неизбежным финалом, порожденным самой его биологической природой. По его мысли, если бессмертие практически возможно для одноклеточных, то принципиально оно достижимо и для человека.

По словам лауреата Нобелевской премии профессора Р. Н. Фейнмана, если бы человек вздумал соорудить вечный двигатель, он столкнулся бы с запретом в виде физического закона. В отличие от этой ситуации, в биологии нет закона, который утверждал бы обязательную конечность жизни каждого индивида. Вот почему, считает он, вопрос заключается только во времени, когда человеческое тело избавится от обреченности.

Известный советский ученый, президент Белорусской Академии наук В. Ф. Купревич также считал, что бессмертие человека принципиально достижимо.

Имеются даже попытки назвать время, когда это будет сделано. Так, по мнению английского ученого и писателя А. Кларка, бессмертие будет достигнуто уже к 2090 году. Безусловно, это смелый прогноз. Потому что одно дело утверждать, что проблема разрешима в принципе, и другое — называть конкретные сроки ее решения. Правда, смелость нигде не нужна так, как в науке. А проблема бессмертия, перестав быть объектом трагических поисков одиночек, все больше становится проблемой науки. Вот почему уже сегодня можно назвать основные направления этого поиска.

Внешние факторы. Ряд исследователей считает, что главным, что определяет продолжительность жизни человека, является его непосредственное окружение, род занятий и образ жизни.

Некоторые исследователи пытаются найти закономерность, подробно опрашивая долгожителей об их образе жизни, склонностях и т. д. Это, действительно, выявляет некоторые любопытные факты. Так, из числа живущих свыше ста лет 98% мужчин и 99% женщин состояло в браке; 61%

из них работал в сельском хозяйстве, 16% — в промышленности. И только 4% из числа долгожителей составляют работники умственного труда. Казалось бы, сопоставление это убедительно говорит, что пахать землю гораздо полезнее для организма, чем писать стихи или заниматься высшей математикой.

Но так ли это? Оказывается, цифры действительно отражают закономерности, однако совершенно иные: они отражают всего лишь соотношения профессиональной занятости, каким оно было лет сто назад, когда теперешние долгожители избирали себе род деятельности. Иными словами, если из 100 человек приблизительно 61 занимался тогда сельским хозяйством, а 4 — умственной деятельностью, то соотношение это неизбежно должно было сохраниться и среди долгожителей. Таким образом, цифры эти не дают ответа на главный вопрос — в чем причина долгой жизни людей.

Когда Демокрита, прожившего свыше ста лет, современники спрашивали, каким образом удалось ему так удлинить свою жизнь и сохранить здоровье, он отвечал, что достиг этого благодаря тому, что всегда ел мед и натирал свое тело маслом.

Конечно, Демокриту можно было бы возразить, что так поступали многие в его время, однако столь блистательных результатов никому из них это не принесло. Следовательно, как и в предыдущем примере, оказывается, трудно установить прямую связь между образом жизни и ее продолжительностью.

Известны также попытки проследить некоторую зависимость между пищевым рационом и долголетием. В свое время И. И. Мечников полагал, что причина старения — самоотравление организма обитающими в кишечнике человека микроорганизмами. Чтобы подавить их губительное действие, он предлагал каждый день съедать на ночь стакан простокваши.

Определенная связь между питанием и старением организма, очевидно, есть. Это подтверждают эксперименты сотрудников Института физиологии АН УССР. Введя особый режим питания для подопытных крыс, они добились потрясающих результатов: двухгодовалые крысы, находившиеся, как считается, «в старческом» возрасте, стали вести себя, словно молодые трехмесячные. Но самое главное — в их организме, как сообщают, не было обнаружено никаких изменений, связанных с наступлением старости.

Следует заметить, что всегда существовала точка зрения, пытавшаяся объяснить долгую жизнь как своего рода воздаяние за добродетель. Так, во времена расцвета христианства принято было усматривать связь между долгой жизнью и ревностной верой и праведными поступками. В наше время некоторые журналисты, пишущие о долгожителях, особо подчеркивают такое их качество, как любовь к труду.

Вопреки попыткам установить те или иные признаки, якобы удлиняющие жизнь человека, есть мнение, что делать это бессмысленно, ибо долгожительство — качество наследственное. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи. Этот взгляд получил, казалось бы, экспериментальное подтверждение. Проводя среди крыс искусственный

отбор по этому признаку, исследователям удалось вывести особую, долгоживущую породу. Однако это качество крыс определялось не особым режимом содержания или питания, а какими-то врожденными и переданными по наследству свойствами их организма.

Новый эликсир бессмертия? Как известно, проблемой бессмертия человеческой личности занимался известный русский ученый В. М. Бехтерев. Над этой задачей упорно работал И. И. Мечников. Мечников стремился, в частности, найти некую сыворотку, которая стимулировала бы деятельность клеток и тем самым омолаживала бы весь организм. По сути дела, это был один из вариантов все того же неуловимого «эликсира бессмертия», только уже на уровне науки. Некоторое подобие такой сыворотки было изготовлено советским академиком А. А. Богомольцем. Состав этот повышал устойчивость стареющего организма и действительно производил несколько омолаживающее действие.

К той же цели, но иными путями стремится швейцарский врач П. Ниганс. Он пытается омолаживать организм, вводя в него сыворотку из тканей новорожденных ланей.

Подобным свойством обладает, оказывается, различные составы. Так, в экспериментах, проведенных во 2-м Медицинском институте в Москве, мышам вводилось маточное молочко пчел. В результате продолжительность жизни подопытных увеличилась вдвое!

Недавно в нескольких странах проведены эксперименты по введению пожилым людям гормона щитовидной железы. Результаты были поразительны: началось буквально омоложение всего организма. Однако благотворный эффект был непродолжителен.

Один из исследователей, работающих в этой области, американский врач Роберт А. Вильсон поставил перед собой благородную, но трудную задачу — вернуть молодость женщинам. Им был разработан сложный курс лечения, включающий определенную диету, прием витаминов и солей, в сочетании с инъекцией женских половых гормонов эстрогена и прогестерона. Курс оказался успешным. Как утверждает, удалось не только приостановить возрастные сдвиги, происходящие в организме, но и вызвать нечто вроде обратного процесса. И, что особенно важно, изменения эти коснулись не только общего состояния, но и внешности, чему женщины, не без основания, придают столь большое значение.

Советскими учеными был разработан препарат НРВ — нефтяное ростовое вещество. После приема НРВ повышалась работоспособность, у седых людей темнели волосы, улучшался тканевый обмен и т. д. Однако при длительном испытании и этот вариант «эликсира молодости» не оправдал себя. Сейчас НРВ как стимулирующее средство разрешено только для наружного применения.

Несколько лет назад промелькнула публикация о том, что ученым одной из лабораторий удалось выделить для некоторых насекомых особый «омолаживающий гормон». Введение этого гормона способно якобы обеспечить пребывание насекомого в «молодом возрасте» неограниченное время. Если сообщение это истинно, можно ожидать, что рано или поздно подобный состав будет найден и для млекопитающих, в частности, для человека.

Следовательно, не такими уж наивными сказками и мечтами были сообщения о различных эликсирах молодости и вечной жизни, известных древним и хранимых ими в глубокой тайне. Надо думать, какое-то рациональное зерно, какой-то отзвук реальности несомненно есть в дошедших до нас сообщениях.

С чужим телом. В одном из зарубежных научно-исследовательских институтов демонстрировали странную лягушку. Странной была не ее внешность, странным было ее поведение. Вместо того, чтобы прыгнуть в воду, как поступила бы на ее месте любая другая, она принималась искать в земле нору, чтобы зарыться в нее, и т. д. Это непонятное поведение объяснялось довольно неожиданным образом.

— Мы пересадили мозг жабы в голову лягушки,— пояснил ученый.— И вот результат: лягушка движется, подобно жабе...

Этот эксперимент был проведен в 1963 году. Тогда многие полагали, что если подобные опыты и могут удаваться у низших животных, то у высших они обречены на неудачу. Но это было заблуждение. Оно было опровергнуто, когда советский врач-экспериментатор профессор В. Н. Демихов сумел пересадить голову одной собаки к туловищу другой. Созданные таким образом из двух особей существа проявляли все признаки осмысленного бытия и жили по два-три дня.

Опыты профессора Демихова вызвали большой резонанс в научном мире. Комментируя его открытие, известный американский нейрохирург Р. Уайт писал, что «пока эти работы, по-видимому, почти невозможно дублировать на человеке, хотя принципиально такая возможность должна быть признана».

Возможность эта во многом зависит от того, насколько успешными окажутся в конечном счете пересадки других органов человеческого тела — почек, печени, сердца. Если удастся окончательно решить проблему тканевой несовместимости, путь к экспериментам в этой области окажется открыт. Во всяком случае, уже сегодня дискутируется вопрос, что окажется целесообразнее — пересадка ли всей головы или только мозга человека. Р. Уайт высказывает при этом предположение, что пересадка только мозга может оказаться предпочтительнее. Уже имеются данные, позволяющие надеяться, что, в отличие от других органов, пересаженная мозговая ткань по истечении нескольких дней не переживает процесса отторжения.

«Возникает предположение,— заметил Р. Уайт в своем интервью «Литературной газете»,— что мозг, самый благородный орган человеческого тела, возможно, и не будет подвержен тому процессу отторжения, которому подвержены менее важные, менее «благородные» органы». Можно представить себе в будущем людей, чей мозг, носитель их индивидуальности, будет много раз переходить из одного тела в другое.

Космическая ракета одно за другим роняет в полете свои секции только для того, чтобы как можно дальше забросить в пространство небольшую капсулу. Так же и человек. Одно за другим будет он отбрасывать состарившиеся и ставшие ненужными ему части тела. Но каждое из них будет все дальше уносить его по прямой времени — из века в век и из тысячелетия в тысячелетие.

Так индивидуум, живущий в самом начале становления коммунистического общества, меняя свои телесные оболочки, сможет увидеть его расцвет и его зенит. Человек, помнящий первые попытки космонавтов высадиться на других планетах Солнечной системы, века спустя сам будет участвовать в полетах к другим галактикам.

Его жизнь, его память вместят в себя целые эпохи человеческой истории. Вполне понятно, что мышление, восприятие мира будут весьма отличаться от наших. Это будет мировосприятие человека не только иной, более высокой общественной формации, но и человека, привыкшего к собственному бессмертию, считающего это естественным.

Все, что было раньше,—борьба династий, войны, дипломатические интриги и т. д.—все это будет в его глазах, по выражению К. Маркса, всего лишь «предысторией человечества». И где-то там, в этой «предыстории», невооруженно останутся поколения, на чьем труде и крови был замешен фундамент общества будущего. Того будущего, которое мы бессильны предугадать во всей его полноте, но смутным предчувствием которого были исполнены некоторые пророчества даже далекого от нас прошлого. Не о том ли будущем писал два тысячелетия назад автор «Апокалипсиса»? Он писал о днях, когда «смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет».

Мы говорили о возможности неограниченно продлевать жизнь индивида, перенося его сознание из одного тела в другое. Не исключено, однако, что на каком-то этапе человек вообще откажется от дарованного ему природой тела. Высказывается мысль, что к 2000 году будет создан почти полный набор искусственных органов человеческого тела: искусственные легкие, искусственные сердца, которые будут работать надежнее настоящих, искусственные руки и ноги, управляемые биотоками человека, и т. д. В Москве в одном из НИИ уже создана модель человеческой руки, которой можно управлять и манипулировать при помощи биотоков. Если вы сжимаете и разжимаете руку, импульсы, которые снимаются с вашей руки и направляются на ее искусственную копию, заставляют ее повторять каждый ваш жест, каждое движение. Вполне возможно, что, заменяя хрупкие и недолговечные части своего тела этими устройствами, человек когда-нибудь научится смотреть на свое тело, доставшееся ему от рождения, как на некий ненужный и варварский атавизм, тягостное напоминание о животном происхождении. Тогда человек будет так же легко расставаться с этим излишним придатком своего «я», как сегодня он расстается со своим аппендиксом. Вместители же его индивидуальности, его сознания — мозг — обретет более вечную и надежную оболочку. Это будет тело, построенное из синтетических материалов, повинующееся приказам, исходящим из помещенного в нем человеческого мозга. Отдельные узлы и детали этого «тела», как и все оно, будут заменяемы и поэтому практически вечны.

Говоря об этой форме симбиоза человека и машины, американские профессора М. Клайпс и Н. Клайни создали особый термин для обозначения этого существа будущего — «киборг». Утверждается, что именно в этой форме разумная жизнь с Земли будет расселяться по другим мирам и планетам.

Действительно, велики преимущества «киборгов» по сравнению с людьми, обремененными телом. Во-первых,—и самое главное—это практически неограниченный срок жизни. Во-вторых, «киборгам» не нужна будет атмосфера, они не дышат и могут обитать в безвоздушном пространстве—на Луне, на астероидах, на планетах с атмосферой из метана или углекислого газа, где человек, прикованный к своему телу, не мог бы просуществовать и мгновения. В-третьих, им не нужна пища. Единственное, что нужно, это получение энергии из какого-то внешнего источника для поддержания биологических условий существования мозга. Получение энергии из окружающего пространства с каждым годом становится все более простой задачей.

Что же касается поддержания жизнедеятельности мозга, отделенного от тела, то это давно уже перестало быть областью научной фантастики. В лабораториях изолированные мозги обезьяны и собаки были помещены в условия, которые поддерживали их существование. Оказалось, что все показания изолированного мозга удивительно похожи на показания мозга в нормальных условиях. Следовательно, если бы удалось привносить информацию в этот изолированный мозг, а импульсы, адресованные различным частям тела, передать искусственным (и уже имеющимся) моделям, первый вариант «киборга» был бы создан. Естественно, сначала это будет «киборг», созданный на базе животного.

Когда же эксперименты будут перенесены на человека и первые «киборги» сделают первые неуверенные шаги где-нибудь в создавшей их лаборатории, очевидно, только начальные их экземпляры внешне будут походить на человека. Возможность свободно конструировать свое тело открывает перед человеком самые неограниченные перспективы. Действительно ли две ноги—это самая удобная конструкция для передвижения? Достаточно ли двух рук, не лучше ли заменить их дюжиной щупалец, расположенных по всему телу? А разве не упущение природы, что человек не различает ультрафиолетовых или инфракрасных лучей, что он видит только происходящее спереди, но не сзади и не сверху? Или вопрос о контактах. Не прибегая к радио или телефону, люди могут вступать в контакт только на расстоянии, которое предусмотрено возможностями их голосовых связей. Очевидно, это не лучшая из возможностей. Киборги, наверное, смогут переговариваться на огромных расстояниях, используя УКВ или иные каналы связи. Эволюция, на которую природе потребовались бы сотни веков, будет совершаться в лабораториях в течение считанных лет или даже месяцев.

Первые «киборги», неумело повторяющие *Homo sapiens*, станут со временем тем самым «промежуточным звеном» между человеком и столь же похожими на него последующими «киборгами». Не исключено, что усовершенствованные «киборги» будут смотреть на нас так же, как мы смотрим сегодня на наших лохматых предков, впервые поднявшихся на задние лапы или взявших палку. И так же, как мы спорим и ломаем голову сегодня об исчезнувшем «промежуточном звене» между человеком и обезьяной, так и они будут, возможно, размышлять и спорить о своем потерянном «промежуточном звене», через которое земной разум совершил чудовищный скачок, придя к «киборгам» и бессмертию.

Хотя работы в этом направлении ведутся довольно интенсивно, трудно сказать, когда, через сколько десятилетий картина, нарисованная нами, начнет обретать черты реальности. По мнению Р. Уайта, пересадка мозга человека в другое тело станет возможной лет через пятьдесят, не раньше. Это весьма осторожный прогноз. Как ни странно, когда речь заходит о сроках предполагаемого открытия, многие выдающиеся ученые проявляют подобный скептицизм и сдержанность. Не кто иной, как А. Эйнштейн, на вопрос, удастся ли людям в ближайшие столетия освободить энергию атомного ядра, воскликнул:

— О, это совершенно исключено!

Как известно, вопреки этому столь категорическому предсказанию, первая атомная бомба была взорвана всего через 10 лет.

Воспроизводящие копии с самих себя. Как ни странно, но все складывается так, что в научных поисках бессмертия союзником и помощником человека оказывается не столько традиционная морская свинка или обезьяна, сколько лягушка. Это она проложила первую тропку к пересадке мозга. Она же, лягушка, указала и другой путь, ведущий к бессмертию,— воспроизводство индивидом копий себя самого.

Каждая клетка, из которой состоит живое существо, хранит в своем ядре всю генетическую информацию, необходимую для образования нового организма. Эта информация как бы дремлет, и до последнего времени все попытки активизировать ее были тщетны. Недавно это удалось сделать ученым Оксфордского университета в Англии. В ходе эксперимента доктор Герден из клетки эпителия кишечника взрослой лягушки вырастил новую особь, которая явилась как бы биологическим двойником первой. Это была копия, отличавшаяся от оригинала только возрастом.

Эти эксперименты вызвали сенсацию, «поскольку,— как писала одна из газет,— из них следует, что, по крайней мере теоретически, возможно массовое производство идентичных близнецов. В том числе и близнецов человека». По словам директора Международной лаборатории генетики и биофизики в Неаполе А. Буззати-Траверсо, «применяя этот метод к человеку, т. е. взяв у взрослого человека ядра клеток (которых у него имеется почти неограниченное количество) и вырастив их в клетках, лишенных ядра, мы могли бы вырастить любое нужное количество индивидуумов, генетически идентичных нам; мы могли бы в определенном смысле обеспечить свое бессмертие, поскольку эту операцию можно было бы повторять неограниченное число раз».

Это значит, когда человеку исполнится, скажем, восемьдесят или девяносто лет, он смог бы повторить себя самого, вновь появившись в качестве новорожденного. Однако сколь бы точной копией биологически и внешне ни был двойник, он будет наделен собственным сознанием. В этом смысле это будет другой индивид, и его память, его радости и печали, любовь и нелюбовь будут далеки от прототипа, и мало его трогать.

Правда, известный советский ученый П. К. Анохин выдвинул гипотезу, согласно которой принципиально возможна наследственная передача информации, полученной человеком в течение жизни. В этом случае такой «человек-копия» будет носить в себе память обо всем, что произошло

с «оригиналом», будет хранить их в себе, как воспоминания своей собственной жизни. Тем самым окажется возможным добиться полной идентичности индивидуальностей. Цель индивидуального сознания, переходя из тела в тело, не будет прерываться. Память о жизни прошлых, уже состарившихся и не существующих телесных оболочек, будет так же беспрерывна, как наши воспоминания о дне, прожитом вчера, месяц назад или в прошлом году.

Через холод к вечности. Поздно ночью ленинградский шофер Василий Ш. возвращался домой. На одной из пустынных улиц ему внезапно стало плохо, он упал в снег и потерял сознание. Стоял тридцатиградусный мороз. Когда к утру его подобрала скорая помощь, пульс уже не прощупывался. Подбородок, кисти рук и ноги были покрыты инеем и корочкой льда. Лед был во рту. Врачи констатировали — смертельное замерзание. Тем не менее было сделано все, чтобы вернуть пострадавшего к жизни.

— Сначала Ш. поместили в теплую ванну, — рассказал корреспондентам профессор Л. Ф. Волков, — затем ввели сердечные и тонизирующие средства, после чего положили на постель под каркас, на котором укреплены электролампы. Благодаря энергичному согреванию больной стал чувствовать себя все лучше. Сейчас он уже ходит, настроение отличное.

Подобные случаи, когда людей, казалось бы, без признаков жизни удавалось возвращать к жизни, впервые натолкнули на мысль использовать низкие температуры для временной консервации жизнедеятельности организма. Одним из тех, кто работал в этом направлении, был русский ученый Порфирий Бахметьев.

В состоянии анабиоза организм почти полностью прекращает функционировать. Но где-то глубоко под слоем застывших клеток и очевевших мышц едва теплится слабая искра жизни. Задача заключается в том, чтобы не дать этой искре потухнуть, чтобы суметь возвращать человека к жизни не только несколько часов или дней спустя, а спустя годы или даже столетия.

Человек, погруженный в анабиоз, может поставить будильник своего пробуждения на двадцать четвертый век, двадцать восьмой или тридцатый. Он может пожелать проснуться через тысячу лет или через две тысячи. Если сегодня он болен и неизлечим, он может оговорить условие, чтобы его разморозили тогда, когда лекарство или метод лечения будет найден. Так поступил, например, 73-летний профессор психологии американец Джеймс Бедфорд. Его тело, из которого была откачана кровь и заменена специальной жидкостью, поместили в морозильную камеру, где беспрерывно циркулирует жидкий азот при температуре —196°. Решение профессора в замороженном виде отправиться в будущее вызвало вполне понятный резонанс. Некоторые журналисты острили: «Ну и удивится же Бедфорд, когда останется покойником!» Тем не менее вслед за ним «через холодильник в вечность» отправилось еще несколько человек в США и в Японии.

Несколько десятков французов также решили последовать этому примеру. Каждый из них постоянно носит с собой синюю карточку, где напечатан следующий текст: «Я, нижеподписавшийся, желаю, чтобы в

случае моей кончины тело мое было немедленно заморожено и сохранялось при возможно низкой температуре».

Главное, однако, не в том, что анабиоз позволит человеку преодолевать расстояния времени и жить в разных веках или даже тысячелетиях. Многие пожелают отправиться в будущее, движимые не только чисто туристским интересом и любопытством. Отправляясь в это путешествие в морозильных камерах, они будут надеяться попасть в мир, который приблизится к решению проблемы бессмертия, а может быть, и решит ее.

Надо сказать, что такое путешествие по карману очень немногим. Сегодня во Франции право быть замороженным стоит 128 000 франков. Не удивительно, что первые сорок французов, решивших приобрести шанс на бессмертие, миллионеры. В США при условии «массовости» место в холодильной камере будет стоить 8—9 тысяч долларов.

Подобно тому, как древние загробную жизнь представляли себе повторением и продолжением своего повседневного бытия, так и сегодня многие на Западе не представляют, чтобы будущее общество не было копией нынешнего капиталистического мира. Древние клали умершему копье, топор и убивали его коня, чтобы все это сопровождало его в загробной жизни. Точно так же те, кто решили отправиться через холодильную камеру в будущее, стараются обзавестись приличным счетом в банке, который сопровождал бы их в новой жизни. Оказывается, для того, чтобы через 300 лет проснуться миллионером, достаточно сегодня положить в банк 1000 долларов. 3% годовых через сто лет превратят эту сумму в 19 000, через двести — в 370 000, а к моменту предполагаемого пробуждения каждый из обитателей холодильной камеры будет, согласно расчетам, располагать уже 7 000 000 долларов.

Надо думать, что к тому времени миллионы, уготованные впрок для жизни грядущей, будут так же неиспользуемы практически, как сегодня те каменные топоры и копья, которые заботливо клали древние в захоронения. От денег, утративших смысл, можно будет, конечно, отказаться. Но что делать с тем духовным бременем, которое неизбежно будут нести с собой эти люди в будущее?

Общество будущего представляется нам обществом невиданных ранее темпов эволюции нравственной, эстетической, интеллектуальной. И чем интенсивнее будет совершаться этот процесс, тем больше последующие поколения будут отличаться от живших до них. Представим себе, что произойдет, если в ходе этой ускоренной эволюции люди достигнут бессмертия. Поколения перестанут сменять друг друга, они будут наслаждаться одно на другом, пока люди своего времени не окажутся погребенными под напластованиями родившихся задолго до них.

Следует ли из этого, что бессмертие индивида и эволюция человечества исключают друг друга?

Автор меньше всего хотел бы думать так. Он склонен полагать, что, оказавшись перед этой дилеммой, люди коммунистического будущего найдут решение, достойное своего великого времени.

Не исключено, однако, что на каком-то этапе развития общества придется жертвовать бесконечной жизнью индивида ради бесконечной эволюции человечества. Окажется ли у людей достаточно мудрости и муже-

ства, чтобы пойти на это? Очевидно, да. Ведь мы говорим не о тех выходах буржуазного общества, которые сегодня готовы платить любые деньги ради одной надежды продлить собственное существование в холодильных камерах, а о людях совершенно иного, высочайшего нравственного и духовного уровня.

Ответ на подобный вопрос пытались получить недавно в Советском Союзе в ходе одного из социологических исследований. 1224 человекам предложили ответить, согласились бы они на личное бессмертие, если бы ради этого прогресс на Земле прекратился.

Свыше 90% из опрошенных отвергли бессмертие, купленное такой ценой.

«Нет, при таком варианте скучно,— писал один,— пожалуй, сам застрелишься; бессмертие слишком дешевая цена за прогресс».

«Бессмысленно однообразно кружиться, как белка в колесе,— писал другой.— Находиться вечно на одном уровне, это ужасно. Нет, такого бессмертия я не хочу».

Еще один ответ. «Жизнь в состоянии застоя — пустота. Вечная жизнь на одном уровне, на одной ноте — самое страшное, по-моему, наказание».

Надо думать, что в будущем эту точку зрения будет разделять все большее число людей. Они будут отказываться от собственного бессмертия ради того, чтобы все человечество приблизилось к вершинам интеллектуальной и нравственной эволюции. Ибо именно в этом смысл беспрерывного прогресса человечества. В. М. Бехтерев писал в своей работе «Бессмертие человеческой личности с точки зрения науки», что цель эволюции общества — это создание «высшего в нравственном смысле человеческого существа».

Впоследствии, приблизившись к вершинам своей эволюции, человек обретет не только возможность, но и нравственное право на то, чтобы существовать вечно. Тогда бессмертие явится не наградой за ухищрения человеческого ума, а биологическим венцом всей его нравственной эволюции.

Но если так, если человек сможет воспользоваться бессмертием только на высших этапах своего развития, зачем были тогда все поиски, открытия и находки? К чему усилия современной науки и науки будущего? Не следует ли из сказанного выше, что все это лишено смысла?

Казалось бы, такой вывод напрашивается сам собой и лежит на поверхности. Однако подобно многому, лежащему на поверхности, он ложен.

Как известно, восстание Спартака не ликвидировало рабовладения. Прижок «смерда Никиты» с самодельными крыльями с колокольни не породил самолета. Плавание норманнов через Атлантику за много веков до Колумба не привело к открытию Америки.

Почему же сегодня, когда мы говорим об истории воздухоплавания, истории революций и географических открытий, мы вспоминаем эти события? События, которые, казалось бы, не привели ни к чему.

Дело в том, что каждое из них, даже не приведя к конкретным ре-

зультатам, явилось ступенькой в развитии духовных и нравственных качеств человека. Поэтому не напрасно пролилась кровь Спартака, не были напрасны открытия, сделанные раньше своего времени. Не были тщетны высокие подвиги ума и сердца, даже если о них никто не узнал и они не изменили мира. Все это были ступени развития человечества.

Таковыми же ступенями являются, по сути дела, и поиски бессмертия, предстоящее открытие его и даже возможный отказ от бессмертия во имя совершенства всего человечества.

Когда же человек вторично придет к бессмертию, уже в результате своей эволюции, бессмертие, возможно, не вызовет у него того интереса и не покажется ему таким ценным, каким представляется оно нам сегодня. Потому что нормы, оценки и критерии совершенного человека будут во многом отличны от сегодняшних наших представлений.

ОПРЯТНОСТЬ УМА

«Юленька, приезжая проститься! Торопись. Можешь опоздать.

Папа»

Юля получила эту телеграмму на турбазе в торжественный час возвращения, когда они стояли на пристани, сложив у ног рюкзаки, и подавальщица из столовой обносила героев похода традиционным компотом.

Маршрут был замечательный, такие на всю жизнь запоминаются. Семь дней они плыли по извилистой речке, скребли веслами по дну на перекатах, собирали в заводях охапки белых лилий с длинными стеблями, похожими на кабель: так и гребли — в купальниках и с венками из лилий. Купались, прилепывая слепней, впившихся в мокрое тело. Жгли костры на опушках, в черных от сажи ведрах варили какао, ели задымленную кашу. Потом за полночь пели туристские песни, вороша догорающие угли, сидели и пели, потому что никому не хотелось лезть в палатки, отдаваться на съедение ненасытным, не боящимся никаких метилфталатов комарам.

Группа подобралась дружная, все молодежь, в большинстве студенты, народ выносливый, прожорливый, развеселый и занимательный, каждый в своем роде. Один был студент-историк, черный, тощенький и в очках, неистощимый источник анекдотов о греках, римлянах, хеттах, ассирийцах, о таких народах, о которых Юля и не слыхала вовсе. Другой — из театрального училища, домака немножко, но правосходно читал Пастернака, Заболоцкого и Новеллу Матвееву. Свои стихи тоже читал... но не очень понятные. Еще был один из института журналистики,

этот все видел, везде побывал, где не был — придумывал... Его так и прозвали «Когда я был в гостях у английской королевы...» И еще человек восемь, всех не перечислишь. Женщин было всего три, потому что в недельный поход на веслах мало кто решался идти. Старшая — Лидия Ивановна — бывший мастер спорта, седоватая, жилистая, выносливая, Муська — краснелица, нахлужая, но сильная, и она, Юлька, не тренированная, не жилистая, не могучая, но самая азартная — «рисковая», как говорили ребята. И была она самая изящная, самая подвижная, самая звонкоголосая, и песен знала больше всех, модных и забытых; русских народных, мексиканских, неаполитанских, туристских, студенческих, шоферских и девичьих сентиментальных — о нем, ее покинувшем; о ней, его ожидающей; о них, которые встретятся обязательно. Хорошо звучали эти песни у догорающего костра в ночной тишине над бессильно краснеющими, трепетно вспыхивающими, папелной пленкой подернутыми угольками.

Конечно, все ребята были немножко влюблены в Юлю, все «распускали» перед ней павлиний хвост. Для нее историк тревожил память о хеттах, артист перевоплощался в Пастернака и Матвея, а журналист вспоминал свои встречи с королевами. И даже инструктор, молчаливый Борис, студент географического, тоже обращался к ней, показывая достопримечательные красоты. Глядел на нее в упор и не замечал, как вертится возле него Муська на привалах, заботливо наполняя его миску с верхом, наливая третью кружку какао.

Все взгляды скрещивались на Юле, все острые словечки летели к ней. Она чувствовала себя как на сцене, в фокусе взглядов, взволнованная, напряженная, радостная. И от общего внимания становилась еще живее, еще острее, еще красивее. Так было всю неделю, вплоть до финиша, когда они выстроились над пристанью, сложив у ног опустевшие рюкзаки, сырые от брызг, росы и пота. Борис отдал рапорт начальнику турбазы, подавальщица пошла вдоль шеренги с подносом компота, и тут какая-то горе-туристка из числа побоявшихся похода принесла Юле телеграмму, еще потребовала станцевать. Юля, подбодченая, притопнула три раза, откленила присохшую ленточку и прочла: «Торопись, можешь опоздать...»

У ребят тоже испортилось настроение из-за того, что Юля их покидала. Все пошли провожать ее на рейсовый автобус за четыре километра. Все записали ее адрес, обещали навещать в Москве. Журналист занял ей место в автобусе, историк сказал что-то возвышенно-латинское, артист обещал пропуски в Художественный, а Муська расцеловала ее в обе щеки раз десять... и все ребята смотрели завидующими глазами. И стояли, и махали, и кричали, пока автобус не выехал на лесную дорогу, пыля и переваливаясь на ухабах. Еще некоторое время, на прямом булыжном шоссе и даже на станции возле кассы Юля была с ребятами, если не мыслями, то настроением. Как-то не сразу тревожная телеграмма вытеснила бодрость из ее души. Но в поезде в перестуке колес она уже слышала только одно: «Торопись, торопись, торопись!»

Пожалуй, нельзя так уж винить ее, что не сразу перестроилась. Отец был для нее чужим человеком. Он ушел из семьи, когда девочке было

четыре года, с тех пор Юля видела его раз или два в году. Свидания эти были всегда натянуты и скучны. Отец неумело расспрашивал девочку об отметках и подругах, она отвечала односложно, нехотя, не желая откровенничать с малознакомым, «посторонним» отцом. Ни подарков, ни конфет отец не приносил никогда. Много позже Юля узнала, что так они условились с мамой. Юлина мать не хотела, чтобы отец превратился для девочки в праздничного Деда-Мороза, источник удовольствий в отличие от будничной мамы. И до свиданий и после мать неустанно твердила Юле, что папа избрал себе в жизни легкую долю, посиживает себя в лаборатории, после пяти вечера свободен, раз в месяц присылает денежки, вот и вся забота. И когда в жизни что-нибудь не ладилось, мама всегда говорила: «Если бы твой папа был человеком, заботился о нас, как муж и отец...» Даже, когда отчимы обижали маму (первый пьянствовал, второй был хитроват и скуп), она твердила, всхлиывая: «Если бы твой папа был настоящим человеком...»

Так что Юля не была расположена к отцу, и ничего не изменило последнее их свидание в Александровском саду под стенами Кремля.

Юля чувствовала себя тогда на вершине. Десятилетку она кончила в Новокузнецке, где жил и работал ее второй отчим, одна приехала в Москву, сняла койку у какой-то старушки, зубрила, сидя на бульварных скамейках, сдала экзамены на два балла выше проходного, была зачислена в Московский педагогический и даже общежитие получила. Сама, без поддержки, без помощи устроила свою жизнь... и лишь после этого получила записку от отца с предложением встретиться. Он, видите ли, был в Сухуми в командировке, не знал, что Юля в Москве, только что прочел мамино письмо.

Папа выглядел плохо. Постарел, щеки свалились, седая щетина торчала над висками, как свалившиеся перья, под глазами набрякли мешки. Юля даже пожалела бы его, если бы он не принес зачем-то букет астр. Она не любила эти цветы, крикливо-яркие и непахучие. Букет был умеренно велик, и няньки, которые пасли бутузов, копавшихся в песочке, глядели на Юлю неодобрительно: «Вот, мол, бездельница, пришла среди бела дня на свидание к денежному старику».

Отец начал рассказывать о своей работе. Он занимался нейрофизикой, любил свое дело и при встречах старался заинтересовать им Юлю. Сейчас он сказал прямо, что раскрываются перспективы. Видимо, в ближайшем будущем тайны мозговой деятельности станут понятны. Но работы невпроворот, он уже стареет, хотелось бы оставить помощников, продолжателей... и как приятно было бы, если бы одним из продолжателей стала собственная дочь.

Но Юля ответила решительно, что она свою специальность выбрала не случайно, не куда попало подавала, лишь бы конкурс поменьше. Ее интересует не мозг, не нервы, а люди как целое: чувствующие, думающие, растущие. Дети занимают ее, а не клеточки их мозга под микроскопом.

Тогда отец заговорил о личных юлиных удобствах. Он живет на даче один, три комнаты на одного. Чистый воздух, лес рядом и до метро всего сорок минут. Выдался свободный час — вставай на лыжи, от самой

калитки лыжня. В доме Юля будет полной хозяйкой и отец рядом. Не одна-одинешенька, в трудную минуту поддержка.

Юля молчала, прислушиваясь к шушуканью нянэк. Скорее бы кончился этот утомительный разговор, все равно не хочет она к отцу на дачу. И букет жег ей руки, она положила цветы на скамейку, на самый край. Подумала даже: «Хорошо бы столкнуть в урну незаметно».

Отец тяжело вздохнул и сказал, ковыряя палкой в песке:

— Если не лгать самому себе, мне просто хочется, чтобы ты жила рядом. Пока молод был, мог работать по восемнадцать часов в сутки, наука заполняла жизнь целиком. Сейчас посижу шесть-восемь часов и ложусь с мигренью,— лежу один в пустой даче. Так хотелось бы, чтобы молодые голоса звучали рядом, хотя бы за перегородкой.

«А ты заслужил? — подумала Юля жестоко.— Когда сильным был, бросил меня на маму, а теперь тебе молодые голоса нужны».

Вслух она сказала другие слова, вежливые, необходимые. Сказала, что в общежитии ей удобнее заниматься, рядом другие готовятся, проконсультируют. И к институту близко. А на дачу ехать поездом: два часа ежедневно в прокуренном вагоне. На собрании не задержись, в театре не останься. Чуть засидишься, иди в темноте лесом.

Но, честно говоря, не в темноте дело было и даже не в обиде за маму. Юля в первый раз в жизни жила одна, она упивалась самостоятельностью. Так замечательно было жить по-своему, никого не спрашиваясь, тасовать часы суток вопреки разуму: ночью танцевать, утром отсыпаться, вечером зубрить. Если понравилась кофточка, потратить на нее всю стипендию, две недели питаться только хлебом с горчицей да чаем. И в театр ходить, когда вздумается, и знакомых выбирать по собственному вкусу. Зачем же, выскользнув из-под крылышка мамы, тут же соглашаться на опеку полужнакомого отца.

— А я такая трусиха, папа, я даже темной комнаты боюсь.

Отец не стал ее уговаривать. Поднялся, сторбнившись, тяжело оперся на палку. Сказал грустно: «Ничего не поделаешь, если бросил маму, не рассчитывай на дочь за перегородкой». Такими словами сказал, как Юля подумала. И букет столкнул в урну, словно мысли ее подслушал.

Впрочем, на Юлю он не обиделся. Раз в месяц звонил в общежитие, спрашивал о здоровье и затруднениях. И деньги переводил по почте аккуратно, хотя не обязан был, Юля уже достигла восемнадцатилетия. Она даже хотела отказаться от денег во имя принципов самостоятельности, но не получилось. Папа подгадывал очень удачно, дней за пять-шесть до стипендии, как раз, когда студенты подтягивают кушаки, начинают рассуждать, что «обед — не гигиена, а роскошь». И друзья наведывались к Юле, спрашивая, «не подкинул ли ей предок тугрики?» Просили: «Выдали трешку до стипендии, если не хочешь безвременной кончины...»

Целый год папа играл роль доброй феи, и целый год, подобно фее, не появлялся на глаза. Юля ждала записки, начала даже подумывать, что из вежливости хоть раз надо навестить его на даче. Но зимой откладывала поездку до тепла, а потом шла сессия, надо было съездить в Новокузнецк, тут набежала туристская путевка. И вот: «Приезжай проститься... Торопись. Можешь опоздать!»

Где-то уже в поезде, услышав в перестуке колес «торопись-торопись!», Юля заторопилась. Ей стало стыдно, что она, здоровая, так весело проводила время у костра, когда папа чувствовал себя плохо, посылал отчаянную телеграмму. И совесть начала ей твердить, что она виновата тоже: ради безалаберной вольности своей оставила в одиночестве больного отца, никто за ним не ходит, никто не помогает. Может, он и выздоровел бы, если бы дочь была рядом. И Юля не могла усидеть на своей полке, все стояла у окна, высматривала километровые столбы: сколько осталось еще до Москвы? У проводницы спрашивала, не опаздывает ли поезд. В Москве, не заезжая в общежитие, оставила вещи в камере хранения, с вокзала побежала на другой вокзал. Охваченная тревогой, простояла всю дорогу в тамбуре, от станции через перелесок бежала бегом, обгоняя прохожих, спрашивалась, где тут дача Викентьева, пока какой-то парнишка с корзиной грибов, прикрытых кленовыми листьями, не переспросил ее: — Это который Викентьев? Кого хоронили позавчера?

В душной непроветренной комнатке пахло цветами и лекарствами. Слякани стояли на тумбочке возле кровати и на письменном столе, на полках и на шкафу. Всю комнату заполнили лекарства, которые не помогли человеку... и пережили человека. Под смятой кроватью валялись куски ваты и вафельное полотенце с бурыми пятнами крови. Казалось, больной недавно встал с кровати, перешел в соседнюю комнату. И только зеркало, занавешенное платком, напоминало, что человек ушел навсегда.

Терзаясь запоздалыми угрызениями совести, Юля сидела на стуле, всхлипывая; держалась пальцами за виски. Теперь она корила себя за черствость и бессердечие, со стыдом вспоминала хор у костра. Может быть, папа умирал в тот самый час, когда она веселилась и хохотала. Может быть, думал о ней. А она ничего не чувствовала, ничегошеньки. А еще говорят, что сердце — вещун.

— Он ничего мне не передавал? — спрашивала она снова и снова.

У дверей, скрестив под передником руки на животе, стояла хозяйка соседней дачи, дородная неряшливая женщина с волосатыми бородавками. Сердитым голосом с неприятными подробностями рассказывала она, как тяжело умирал отец и как трудно было ухаживать за ним ей — детной матери, отрываться от хозяйства и сада без надежды на благодарность, зная, что родственники к больному равнодушны, палец о палец не ударили, копейки не заплатят...

— А мне он ничего не передавал? — допытывалась Юля, готовясь услышать самые горькие упреки.

Хозяйка все уклонялась от ответа, многословно рассказывала о своих заслугах, которые, конечно же, останутся без благодарности. Только после четвертого раза ответила, поняв вопрос по-своему:

— Что он мог передать? Безрасчетный был человек, все деньги на стеклянные банки просаживал. Вся соседняя комната его рукодельем завалена: проволоочки и стекляшки. Видимо, одна вещичка была ценная, велел дочери в руки передать. Мне поручил передать. Знал мою честность.

И нехотя выпростав руки из-под передника, она протянула Юле плоскую картонную коробку. На ней круглым детским почерком (видимо, отец диктовал какому-нибудь школьнику) было написано: «Девочка моя, передаю тебе мою последнюю работу. Носи на здоровье, вспоминай обо мне. Хотелось бы помочь тебе лучше понимать людей, чтобы не было у тебя в жизни роковых недоразумений, как у нас с мамой».

Юля открыла коробку, цветное сверканье ударило в глаза. Внутри лежала... диадема, повязка, кокошник (Юля не сразу подобрала слово), затейливо сделанная из цветных камешков и бисера. «Какой драгоценный подарок!» — подумала Юля в первую минуту. Потом разглядела, что диадема сделана из тонюсеньких проволочек, медных и серебристых завиточков, к которым были припаяны разноцветные кристаллики и разной формы деталки. Получилось своеобразное радиокружево, электротехническая корона. Видно, не один месяц трудился отец, готовя это оригинальное украшение для дочери.

— На лоб одевается, — проворчала соседка недовольным голосом, — А на затылке застежки. Мне-то она мала, на девичью головку делалась.

Юля приложила ко лбу, нащупала колючие застежки сзади, невольно бросила взгляд в зеркало. Очень шло это цветное сверканье к ее черным волосам.

И тут же услышала за спиной ворчанье:

— Девка она и есть девка, никакого понятия. Забыла, что комната покойника, сразу к зеркалу, занавеску — дерг! Хорошо, что я ей этот пустой убор отдала, им, девкам, ничего, кроме нарядов, не нужно. А вещички все в подполе, в подпол она не заглянет, как уедет, я вытащу уже шубу и что получше.

Юля вздрогнула. Так вот какова «самоотверженная сиделка!» Можно представить, сколько горьких минут доставила умирающему отцу эта хищница.

— А где тут подпол? — спросила Юля.

— Нет никакого, не знаю, — ответила соседка. И тут же добавила зачем-то глуховатым шепотом:

— Лаз я сундуком в коридоре заставила. Не найдет она сама.

— Покажите, где вы заставили лаз сундуком.

Юля потребовала показать сундук, отодвинула, заглянула в подвал. Не вещи ей были нужны. Не хотелось уступать этой жадине.

— И что вы успели к себе унести? — спросила она строго.

Какую-то удивительную власть приобрела Юля над этой пожилой женщиной. Та ничего не могла утаить, тут же выбалтывала:

— Дура я, что ли, мебель тащить. Соседи мебель знают, увидят. Книжку унесла на предъявителя. Кто докажет, что не моя книжка?

— Сберегательную книжку на предъявителя верните, — потребовала Юля.

— Какую книжку? — крикнула та. — Отвяжитесь от меня, не видала я никаких книжек! — и сама подсказала: — Какую? Потертую с оторванным уголком. Ой, влипла я. И всех-то денег там двести рублей.

Юле стало противно.

— Ладно, — сказала она. — Уходите и оставьте себе эти двести руб-

лей за ваши услуги. Понимаю, что вы за личность. В милицию бы о вас заявить...

День Юля провела на даче, вынесла ведер десять мусора, вымыла полы. Устала, но ночевать не осталась. Жутковато было провести ночь одной в пустом доме, где недавно был покойник. Инстинктивно жутко, как ни уговаривала себя. И Юля ушла, как только начало смеркаться. Взяла с собой только радиодинамо. Не рискнула оставлять на даче. Украсть соседка не решится, но перепрыгает или испортит со зла. А Юля решила носить это украшение почаще, как память об отце.

Почему-то все встречные были на редкость разговорчивы сегодня. Глянув на нее, парни тут же высказывались о ее внешности. «На лицо ничего себя, только тощая. Пойдешь танцевать, руки о кости исцарапаешь». Проходящая девушка хмыкнула: «Фасон устарел. Реглан нынче не в моде». Озабоченная хозяйка с тяжелыми сумками, глянув на Юлю рассеянно, тут же поделилась своими заботами: «Что же я забыла? Муку взяла, макароны взяла, масло растительное взяла, селедку взяла... Пиво я забыла, дуреха. Ну и ладно. Пусть мой пьяница сам за пивом бежит. Я и так руки отмотала».

И даже пожилой рабочий, такой углубленный в себя, и тот кинул Юле на ходу:

— Цапфа шпindel не держит, все дело в колодке. Колодка зажимает и тормозит. Так я и скажу на собрании: наш мастер скупердяй, на переделку не решается, экономит копейки, терлет тысячи. А цапфа шпindel не держит.

Юля ничего не поняла, но кивнула из вежливости. Может быть, и правда: цапфа шпindel не держит.

И на станции все заговаривали с Юлей, и вагон был наполнен гулом, хотя народу было немного, под вечер люди больше едут из Москвы, а не в город. От гула белела голова. Юля нарочно села против дремлющей пассажирки. Дремлет, значит, помолчит, позволит подумать о своих делах, сосредоточиться.

И вдруг Юля увидела змей. Целый клубок, маленькие, черненькие, копошатся, никак не переступишь. И ядовитые ли, неизвестно. Только подумала, тут же одна змея распухла, пасть раскрыла и, шипя, поползла к ней. Юля хотела бежать, но ноги были как ватные, переступали с трудом. Змея обогнала ее и кинулась в лицо...

Женщина на скамейке напротив вскрикнула и широко раскрыла глаза. Змея растаяла в тумане.

— Кажется, я кричала во сне. Змея мне приснилась. Когда сердце болит, всегда снятся змеи. Кинулась на меня, а я убежать не могу, ноги, как ватные.

И Юля почувствовала, что у нее сердце болит, что она пожилая, расплывшаяся, с отеками ногами, что ей дышать трудно, передвигать себя тяжело. И голова у нее мутная, и затылок трещит. Наверное, от этой тесной папиной повязки.

Она нащупала на затылке застежку, отстегнула...

И гул исчез, исчезла боль в сердце, исчезла тяжесть, ноги стали стройными и легкими, дышалось по-человечески...

Защелкнула, опять:

— Эта черненькая симпатичная на вид. Эх, сама я была такой когда-то, парни за мной хвостом...

Отстегнула. Тишина.

Пристегнула.

— Мой Федор красным командиром служил...

Перед глазами незнакомый мужчина с пшеничными усами, на голове буденовка с красной звездой, шинель без погон, на петлицах квадратики. Самое удивительное — нежность чувствует Юля к этому усатому в суконом шлеме.

Отстегнула защелку. Исчез мужчина, и нежность исчезла.

И тут Юля поняла все: и сон про змей, и всеобщую болтливость, и загадочную откровенность вороватой хозяйки, и слова, продиктованные отцом: «Хотелось бы помочь тебе лучше понимать людей». Повязка из радиодеталей не была кустарным украшением, это был аппарат, читающий мысли.

«Интересно-то как!» — подумала Юля. И еще подумала, прослезившись: «Бедный папочка. Себе-то он не помог. Не избежал «рокового недоразумения».

Недели три оставалось до начала занятий, и все это время Юля провела на даче, разбирая письменный стол отца. Теперь она жаждала узнать все, что он не успел рассказать ей при жизни, что она отказывалась слушать.

Отец не оставил последовательного отчета о своей работе, и Юля решила, что она напишет сама. Подобрала, разложила по папкам все, что относилось к чтению мыслей: выписки из книг и журналов, вырезки, служебную переписку, заявки, планы работ, вычисления, заметки, протоколы опытов, схемы. Почерк у отца был неразборчивый, схемы исчерканы и перечеркнуты, но мысли он излагал подробно, не конспективно, так что Юля постепенно разобралась в истории его изобретения. Викентором, по фамилии отца, Юля решила назвать аппарат.

Ее отец был радиоинженером по образованию, занимался усилителями для маломощных приемников. А на мыслепередачу обратил внимание после одного житейского случая. Может, и не такой примечательный был случай, но сам он был его героем. Личное производит больше впечатления, чем сотня прочитанных книг.

С группой товарищей инженер Викентьев написал учебник по радиотехнике и должен был получить гонорар две тысячи сто шестьдесят три рубля — для скромного инженера сумма значительная. Заранее он решил, что все деньги до копейки положит на сберегательную книжку. На дачу он копил тогда, на эту самую, где умер, на свой дом с радиомастерской на чердаке. И вот в праздничном настроении он явился в издательскую кассу, расписался в ведомости и получил кучу денег — две пачки по сто бумажек, заклеенных крест-накрест, с банковским штампом и подписью кассира, а кроме того, еще сто шестьдесят три рубля. Перешел, придерживая карман, через улицу в сберкассу, как и было задумано, заполнил

розовый бланк, вручил деньги, получил запись, пришел домой, удовлетворенный твердостью характера, сознательный гражданин, хранящий деньги на книжке, а не в кубышке.

И вдруг телефонный звонок. Кассирша издательства. Спрашивает, все ли он получил правильно.

— То есть до копеечки.

— Вы проверили?

— Даже не я проверял. Сберкасса проверила. — Вынул книжку, прочел запись для убедительности.

— Ну, тогда ладно.

И только положив трубку, отец хлопнул себя по лбу. Ведь в двух пачках-то лежали синенькие бумажки — пятирублевые. Значит, в двух пачках тысяча рублей, а не две.

Выходит, что издательская кассирша ошиблась, считая, что платит правильно, мысленно передала ему свою уверенность, а он, сохранив эту уверенность, внушил ее приемщице сберегательной кассы. Три человека ошиблись. Едва ли это случайность.

Поразившись, Викентьев начал подбирать подобные случаи, выспрашивал, вычитывал. Вскоре составила внушительная картотека.

Вот примеры, выбранные наугад.

227. В. А., колхозница из Кустанайской области, под утро спросонок услышала голос сына: «Мама, спаси!» Проснулась, выбежала во двор — никого! Только через два дня узнала, что сын ее чуть не утонул в тот самый час. Оттепель была, рискнул машину гнать по льду, провалился, едва не затонуло под лед.

228. В. П., молодой человек из Витебска, во сне услышал слова своей подруги: «Все тлен, Володя!» Юноша был так потрясен отчетливостью этих слов, что собрал приятелей и составил протокол о том, что такого-то числа и т. д. Через некоторое время узнал, что подруга умерла от тифа в Петрограде (в 1918 году дело происходило). Перед смертью произнесла эти самые слова.

229. Шестидесятые годы. Е., писатель, зимой приехал на дачу, собирался отдохнуть несколько дней. Вдруг почувствовал непреодолимое желание вернуться. Разогрел воду, залил в радиатор, завел машину, в мороз и метель гнал сотню километров, чуть руки не отморозил. На пороге кинул жене: «Что случилось?» Она ответила рассеянно: «Откуда ты знаешь? Я завтра хотела дать тебе телеграмму». Мать у него попала под трамвай.

230. К. В., заведующая магазином. Брат и отец у нее погибли на фронте, муж пропал без вести. Утверждает, что ощущала все беды, но о муже не беспокоилась, чувствовала, что он здоров. Так оно и было: муж находился у партизан...

Юля все это старательно переписывала округлым бисерным почерком, пока не заметила, что у отца не так много было оригинальных примеров, большинство он заимствовал у Васильева, Кажинского и других авторов книг по парапсихологии.

Но потом она нашла связку тетрадей, озаглавленных «Размышления», и тут уже постаралась воспроизвести каждую строчку.

«Почему бы нет? — писал отец на одной из первых страниц. — Ото-всюду слышу, что мыслепередача невозможна, антинаучна, неприемлема для серьезного человека. Хочу разобраться для самого себя.

Есть у человека некая материальная система по имени мозг. Когда мозг работает — мыслит — в нем идут материальные процессы, химические, электрические и неизвестные. Как полагается при всяких процессах, согласно второму закону термодинамики, происходит утечка энергии. При химических реакциях утекает тепло, при электрических — электромагнитные волны. Можно зарегистрировать эту утечку? В принципе можно. Приборы достаточной чувствительности отметят, что поблизости идет мышление. Антинаучно? Пока — нет!»

На следующей странице:

«Что же антинаучного в том, что такую чувствительность проявляет другой мозг? Многим машинам свойственна обратимость. Динамо и генератор одинаковы. Дай ток, динамо будет крутиться; переключи и крути — получишь ток. Вполне логично предположить, что один мозг, думая, выделяет тепло и волны, а другой, получая эти самые волны, воспроизводит подобные же думы. Типичная пара: генератор — динамо».

В дальнейшем эта мысль развивалась:

«Когда машина работает интенсивно, побочных явлений — тепла, блеска, грохота — куда больше. Логично ожидать, что побочное излучение мозга сильнее всего при самой интенсивной работе — авральной. Но мозговые авралы бывают при аффектах, в минуты ярости, страха, когда организм мобилизуется при смертельной опасности, чтобы проявить чудеса ловкости и силы. Смерть перед тобой — экономить не приходится.

Что и соответствует примерам. Чаще всего мыслепередачу отмечают накануне гибели: «Все тлен, Володя!», «Мама, спаси, под лед потянуло!»

«Перед лицом катастрофы организм выдает максимальную, небывалую мощь. Небывалую мощь может дать и сумма усилий. Экскаватор заменяет полк солдат с лопатами, полк солдат может заменить экскаватор. Не в том ли секрет настроений толпы, массовых психозов, заразительности паники или восторга?»

«Агрегат, работая, выделяет энергию, эта энергия включает подобный агрегат, выдающий такую же продукцию. Пока не вижу антинаучности. Спорно, сомнительно, но почему же ненаучно?

Внимательно рассмотрим возражения противников.

Возражение 1. Подлинная наука основана на опыте, который можно повторить и проверить. Все сообщения о мыслепередаче — это недостоверные слухи, собранные задним числом. Чаще всего самознушение, изредка — случайные совпадения.

Что я могу возразить?

Опыты безупречны, когда имеешь дело с веществом, которое тает, замерзает и кипит при определенной температуре. Тут же перед нами исключительные люди в исключительных обстоятельствах. В жизни Пушкина была знаменитая Болдинская осень, может быть, самая продуктивная в его жизни, когда задержанный карантинном, стремящийся к невесте, он

погрузился в творчество. Возьмем сто поэтов-женихов, поместим их на осень в Болдино. Есть гарантия, что мы получим сто вдохновенных поэм? А Пушкин есть среди них хотя бы один? И если опыт не получился, значит ли это, что вдохновения не бывает? Чтобы повторить мыслепередачу, надо бы взять сто сыновей и топить их в проруби по утрам, когда их матери еще дремлют. И то нет гарантии на успех. Может быть, сыновья недостаточно перепугались, а среди старушек не нашлось соответствующей рецепиентки.

Возражение 2. Телепаты говорят о передачах мысли на расстояние в сотни и тысячи километров, то есть уподобляют мозг довольно мощной радиостанции. Но энергетические возможности мозга не так уж велики, они поддаются вычислениям. Можно подсчитать, что на сто километров не дойдет ни один квант.

Ответ. Мне и это возражение не кажется сокрушительным. Оно было бы веским, если бы речь шла о работе — о действии на расстоянии. Но для сигнализации иные правила. Лишь бы приемник уловил сигнал, усилить его он может за счет собственной энергии.

Возражение 3. Сквозь череп электромагнитные волны не проходят, электромагнитной передача быть не может. Другие же, новые, неизвестные физике виды энергии не могут быть связаны со столь маломощным механизмом, как мозг. Для них нужно нечто, превосходящее ускорители Дубны и Серпухова.

Ответ. Эта категоричность вызывает у меня глубочайшее сомнение. Неизвестное может быть открыто мощными усилиями, может и сложными, тонкими. Организм не раз проявлял способность тонкими путями выполнять то, на что техника тратит тысячи киловатт-часов. Заводы получают азот из воздуха с помощью электрической дуги, высокого давления, жара. Бактерии на корнях гороха делают то же и лучше без дуги, без жара, при атмосферном давлении.

И череп — препятствие. Ведь это не герметический ящик. Из него выходят нервы — зрительные, слуховые, чувствительные, двигательные. Каждый из них может служить антенной. Глаза как мыслеизлучатель, уши как мыслеизлучатель! Известно, что при мышлении электрические токи текут к языку, он готовится выговаривать слова. Вот и эти нервы могут служить излучателями — радировать в пространство невысказанное.

Глаза как излучатель! Не потому ли мы чувствуем чужой взгляд на своей спине?

Возражение 4. По Дарвину. Если бы телепатия существовала, природа давно использовала бы ее. Антилопа слышала бы мысли притавившегося льва. И не нужен слух, не нужно обоняние, язык не надо вырабатывать обезьянам в процессе очеловечивания. И так понимали бы друг друга.

Контрвозражение. Мне эти рассуждения по Дарвину кажутся очень серьезными. Вероятно, они и справедливы отчасти, но неверны огулом. Их нельзя распространять на весь животный мир.

Конечно, чтобы передавать мысли, нужно прежде всего иметь мыслящий мозг. Но мозг — позднее изобретение природы. Чувства — зрение, слух, обоняние — гораздо древнее.

Сначала дикторский текст, а потом уже передача в эфир.

Червяк передает червяку боль, лев льву — голодную ярость, человек человеку — образы и слова.

На каком языке? Мысли иностранца поймешь ли?

И, возможно, лев для антилопы иностранец.

Как видно, на каждое возражение находится контрвозражение, сомнения не разбивают основного: имеется биологический агрегат по имени «мозг». Работая, он выделяет энергию, часть ее утекает в пространство, ее можно в принципе улавливать, по ней настраивать похожий механизм — другой мозг.

И что я доказал (себе)? Доказал, что телепатия правдоподобна, может существовать в природе. Но существует ли?

Это только первая проблема. За ней следует вторая: что именно передается?

Передается только волнение (настроение толпы), только вопль о помощи или еще и содержание мысли — образы, слова.

Вот я стучу сейчас на пишущей машинке. Стучу! Стук — побочное явление. Я могу устроить так, чтобы машинка в соседней комнате, воспринимая мой стук, автоматически включалась и начинала печатать. Но что она будет печатать? Абракадабру? Чтобы та, чужая машинка повторяла мой текст, надо каждую букву соединить со струной. Если «А» вызывает звук «ля», а «Б» — «си», а «С» — си-бемоль следующей октавы, вторая машинка, резонируя, сумеет повторять мой текст буква за буквой.

Не вызывает сомнения, что мысли человека сопровождаются электрическим шумом (аналогия стука машинки). Вопрос в том, есть ли в том шуме мелодия. Соответствует ли каждой мысли точный спектр?

Каждой мысли спектр? Пять тысяч спектров, и у всех людей одинаковые? Едва ли!

Но положение облегчается, если спектр соответствует не мыслям и образам, а буквам и краскам. Звуков около полусотни, все многообразие мира глаз складывает из трех цветов — красного, зеленого, фиолетового. Полсотни звуков и три цвета могут иметь несложный телепатический код, единый для множества людей. Это уже правдоподобно.

Как же мы мыслим: картинками или цветовыми точками, подобно художникам-пуантилистам? Мыслим идеями или словами, состоящими из букв?

Как мыслю я? Идеями или словами?

Классическое представление об ученом-искателе: астроном, вперивший взгляд в небо, проникает мысленно в тайны отдаленного мира, такого отдаленного, что он видится блесточкой на небе.

В моем положении что-то комическое, не поэтическое. Я сижу перед зеркалом, пальцем стучу себя по лбу. Вот она тайна из тайн — в одном сантиметре от моего пальца. Я мыслю, но не ведаю, как мыслю. «Как ты мыслишь?» — вопрошаю я свое Я. Молчит мое Я.

Здоровому помогают больные. Нужно мне объяснение нахожу в учебнике психических болезней, глава XVI «Шизофрения». Описывается синдром Кандинского. Синдром — ученый термин, обозначает всю сумму болезненных признаков и ощущений общего происхождения. Так вот, при синдроме Кандинского больные слышат собственные мысли — набегающие, запоздалые, иногда через час или день, как бы записанные на магнитофон. Мысли произносит их голос, голос знакомых или чаще глухой невыразительный шепот. Произносятся слова, буквы, фонемы...

Эту подсказку искал я. Люди думают звуками, словами. И если каждому звуку отвечает некий спектр электрических колебаний, он может быть передан слуховым нервом и принят слуховым нервом другого человека. А спектры цветовые будут передаваться и приниматься зрительными нервами.

Синдром Кандинского — ощущение открытости мыслей. Мысли больного произносятся вслух кем-то в его мозгу, ему кажется, что мозг его прослушивается кем-то. Шизофреники, стало быть, испытывали то, что я хочу изобрести.

Взял я книгу Кандинского в библиотеке. Участник русско-турецкой войны, ординатор больницы Николая Чудотворца в Петербурге, жил всего сорок лет.

Описания больных интересны мне. Своеобразная репетиция. Эти шизофреники ошибались, считая, что их мысли прочитываются. Телепатии там нет никакой, есть псевдогаллюцинации и псевдотелепатия. Подлинной открытости нет, но больные воображают себя открытыми и чувствуют открытость. Чувствуют так.

Как воспринимали открытость? По-разному, в зависимости от темперамента. Некоторые стыдились. Старались вообще не думать, чтобы невидимые шпионы ничего не подслушивали. Один бойкий молодой человек, врач, между прочим, вступил в перепалку с невидимыми «штукарями за простанком», дразнил их, отругивался, даже открытки им посылал. Многие преисполнились величайшего самоощущения. Еще бы: они особенные, избранные, в их мозгу центр таинственных передач, штаб тайных действий.

Открытость сама по себе ни плоха, ни хороша. Кому-то на стыд, кому-то на гордость.

Так обстоит дело с этим синдромом у больных.

В технике нужно еще открыть эту открытость.

Пока идет благополучно. И на этом этапе доказал (себе), что возможна содержательная телепатия, слова могли бы передаваться побуквенно, своеобразной азбукой Морзе, а образы — цветными точками, наподобие телевидения.

Могли бы! Но передаются ли?

И если передаются, то как: электромагнитными волнами или неведомой энергией?

Как открыть неведомое и как его усилить?

А может быть, усиливать не неведомое, а заведомое: чувствительность слуховых и зрительных нервов?»

В одном из стальных шкафов нашлась старенькая пишущая машинка, видимо, та, что упоминалась в записках. Стуча одним пальцем, потом двумя, постепенно набирая темп, Юля перепечатывала строчку за строчкой, каллиграфическим почерком вписывала формулы. Зачем? Чтобы не пропали идеи отца. И просто так, для себя. Юле казалось, что она беседует с отцом, при жизни не успела — сейчас, казня себя, искупает вину. Интересный человек оказался: адумчивый, рассудительный, требовательный к себе и самостоятельный. Не оценила такого отца! Как хорошо было бы проводить вечера вместе, неторопливо рассуждая о людях и науке. И если бы рядом жила, лелеяла бы, не кинула в полное распоряжение недоброй соседки, может, и выходила бы. Упустила такого отца! Променила на гам общежития, на беспорядочное расписание, на возможность всю стипендию потратить на кофточку. Отца — на кофточку!

Поздно умнеем мы! Поздновато!

И сейчас, как бы заглаживая вину, Юля остатки каникул целиком посвятила памяти отца. Сидела над бумагами от рассвета до сумерек. Только под вечер, когда от неразборчивых строк и формул начинала трещать голова, Юля выходила проветриться. И обязательно с викентором на лбу. Занимательно было мимоходом заглядывать в чужие мозги. Юля сама с собой играла в отгадывание. Идет навстречу человек, кто он, о чем размышляет? А теперь включим аппарат. Ну как, правильно угадала?

Вот спешит на станцию девушка, остроносенькая, голоногая, тоненькие каблочки выворачивает на корнях. «На свидание торопишься, девушка? Не беги, пусть потонет под часами, поволнуется!»

А теперь включим викентор.

«...Предел, к которому стремится отношение Δx к Δy . Предел, к которому стремится... Геометрически выражается углом наклона касательной. Вторая производная равна нулю в точках перегиба... перегиба. Производные-то я знаю. Вот интегралы — это гроб. Двойной, тройной в особенности. ПопадетсЯ интеграл Эйлера, сразу положу билет. А производные — мое спасенье. Минимум — минус, максимум — плюс...»

— Наоборот, девушка.

— Что наоборот? Я вслух говорила, да? Да, вслух, я волнуясь ужасно. У нас режут направо и налево. Как же вы сказали — минимум не минус?

— Вы запомните правило: Если чаша опрокинута, из нее все выливается. Максимум на кривой — это минус, минимум — плюс.

— Из опрокнутой выливается. Спасибо, запомню. Держите кулак за меня.

— Ни лука, ни пера!

— Идите к черту!

Ритуал выполнен, таинственные духи экзаменов убогаторены, двойка заклата, тройка обеспечена.

А вообще-то смутно знает эта девочка предмет. Не заслуживает тройки, даже Юля не поставила бы.

Плывет навстречу солидный сухощавый гражданин в пенсне. Портфель несет бережно, себя несет бережно. Лицо такое сосредоточенное, самоуглубленное. Вот у этого дяди интересные мысли, наверное.

Включила.

«Фу, как печет! Доберусь до дому, приму чайную ложечку, полторы даже. Не надо было закусывать жирным, знаю же про кислотность. Сода тоже не панацея, от нее кислотность все выше. Сколько показал последний анализ? Через месяц опять кишку эту глотать. Фу-х!»

Вот тебе и дядя интересный! А вид такой проникновенный!

И Юля поспешно выключает прибор. Ведь она не только слова слышит, ей и ощущения передаются — в желудке костер, по пищеводу ползет тепло... Страдать еще из-за этого любителя жирной закуски!

«Для врачей, вероятно, полезек папин прибор, — думает она. — Не надо выспрашивать, внешние симптомы искать. Чувствуешь боли большого».

Постепенно она научилась отличать людей с мышлением преимущественно логическим, словесным и преимущественно с образным (художественные натуры). Логики мыслили словесно и редко сообщали что-либо содержательное, проходя мимо. Прохожие были, как книга, раскрытая наугад. Мало вероятно, чтобы две строки, выхваченные из текста, заинтересовали сразу. Но натуры художественные всегда показывали интересное. Их мозг был полон иллюстрациями. Картинки можно рассматривать даже и в наугад раскрытой книге.

Головы детей были интересны в особенности. Они были набиты картинками, как галерея, как телевизор, точнее. Юля часами простаивала у решетки детского сада. Вот шестилетний малыш уселся верхом на скамейку: машет флажком, кричит: «Ту-ту!» А что у него в голове? Законченная картина железной дороги. Скамейка — это паровоз, он сам в темно-синей форме с молоточками на петлицах, но сидит верхом на котле почему-то и держится за трубу. Рельсы бегут навстречу, льются под колеса голубыми канавками, расступаются телеграфные столбы. Ту-ту! Труба гудит, вскипает белый пар над свистком. Вот и платформа, наполненная народом. Ту-ту! Граждане, отойдите от края платформы, это опасно! Рука хватается за рычаг. Так-так-так, так-так... так! Замедляется перестук на стыках. Стоп! Двери открываются автоматически. Осторожнее, граждане, детей толкает. Детей в первую очередь!

— Ну а ты чем расстроен, малыш? Почему глаза трешь кулачками, хнычешь?

— Фе-вдька меня толкну-ул! Он здо-ро-овый и толкается!

— Ничего, скоро ты вырастешь, еще и не так толкнешь Фе-дью!

Прислушивается. Перестал хныкать. Улыбается все увереннее.

Воображение заработало. Юля видит, как малышок растет, пухнет, грудь раздалась, плечи — во, кулаки — во! Догнал какого-то тощего парня с исцарапанными коленками, ка-ак толкнул. Тот взлетел выше дома, выше самой высокой сосны. Потом — бряк оземь. Лежит, хнычет. А безжалостный мститель как наподдаст снова (тоже звереныш!). И улетел Фе-дька в голубое небо, словно футбольный мяч. Все вокруг кричат: «Штука, штука!» И малыш уже не малыш, а знаменитый футболист, белая майка с синей полоской, заглавное «Д» на груди. Еще удар, еще!

Так у каждого целая фильмотека в голове, аппликации из картинок жизненных, книжных, телевизионных, и так воображением перекрашено, что и не всегда разберешь, что откуда.

— Ну а ты, лохматая собачонка, бегущая навстречу с поджатым хвостом, тоже воображаешь что-нибудь?»

Мир нечеткий, размыто-тускловатый, но густо пропитанный запахами. Запахи резкие, выразительные и очень волнующие: аппетитные, ласковые, тревожные, зовущие, пугающие.

Вдруг среди этих запахов чудится: великан на розовых столбах, белозубая пасть, вытаращенные глаза в темной шерсти. Заметил, уставился, вот-вот ударит своими розовыми столбами, пришибет насмерть.

Взвизгнув, собачонка кидается в сторону.

Юля смущена. Это она — оскаленный великан с вытаращенными глазами. Такое искаженное представление!

Куры же, хоть и кудахтали болтливо, ничего не показали Юле. То ли картин не было в их курином мозгу, то ли по физиологии своей птичий мозг слишком отличен от человеческого, совсем иные сигналы посылал, непараводимые на наш код.

Прослушивать детские головы было интересно всегда, взрослые — не всегда, а иногда даже и неприятно.

Юля отключала викентор, заведя на углу группу бездельничающих парней. Такого наслушаешься о себе, потом кажется, что не отмоешься.

А один раз было так: идет навстречу женщина средних лет, одета прилично, впрочем, все сейчас одеваются прилично. Лицо не слишком интеллектуальное, губы намазаны ярко, немножко поджаты. Чувствуется уверенность в себе. Эта в жизни сомнений не знает. Юля загадала про себя. Кто она? Наверное, маленький распорядитель, кассирша на вокзале или заведующая салоном. Нужный всем человек, привыкла очередь осаживать.

В мозгу женщины Юля увидела себя. И услышала комментарий:

— Вот еще одна вертихвостка. Ходит, дергается, думает, что на нее все смотрят. А на что смотреть: ноги, как палки, коленки красные, цапля в юбке.

Долго стояла Юля перед зеркалом, даже всхлипнула. Ну почему же «цапля в юбке, ноги, как палки»? Нормальные спортивные ноги, загорелые. Надо же! За что обидели?

Сама себя ответила:

«Кто сует нос в чужую дверь, прищемить могут».

В первый раз усомнилась тогда она в отцовском изобретении. А во второй раз на вечеринке по случаю Мусиной помолвки.

Юля чуть не прозвала эту помолвку. Все сидела над черновыми записями на даче, в общежитии не заглядывала весь август. А там ее ждала открытка от Муси — туристской спутницы — о том, что им надо повидаться обязательно и очень срочно, во что бы то ни стало, потому что есть один секрет сверхсекретнейший, а какой... Юля не угадает ни за что.

Юля не угадала-таки. И отцовский аппарат ничего не сумел бы вычитать по открытке. Но Муся сама жаждала раскрыть тайну, при первом же телефонном разговоре сообщила секрет. Секрет в том, что она выходит замуж. За кого? Ни за что не угадаешь. За Бориса — их инструктора. Да-да, за Бориса! И они уже ходили в загс, подавали заявление. Когда распишутся, будет самая настоящая свадьба, а сейчас, кроме того, еще и по-

молока, как в старину бывало. Только с помещением задержка, сама Муся в общежитии, у Бориса комнатенка шесть метров, гостей не назовешь.

Почему-то Юля почувствовала легенький укол, совсем легчайший. Нет, Борис ей не нравился: крепкий такой, спортивный, но очень уж молчаливый, все кажется, что ему и сказать нечего. Борис не нравился Юле, но она считала, что нравится Борису... И Виктору из Театрального, и Семезрудиту, и бывалому Мечiku. Всем нравилась, а предложение сделали неповоротливой Муське.

Но Юля тут же пристыдила себя, обругала «воображалой», кинулась расспрашивать обо всех подробностях, предложила активную помощь в организации... и даже после минутного колебания предоставила дачу для вечеринки. Подумала было, что не деликатно через полтора месяца после смерти отца устраивать веселье в его доме... Но отец был такой добрый. Умирая, заботился о ее счастье. Наверное, и для счастья другой девушки предоставил бы викентор. Если это так нужно для счастья Муси...

Два дня они бегали по магазинам, закупали закуски и деликатесы. Муся все искала крабы, потому что у ее сестры на свадьбе был салат с крабами. Мусе казалось, что без крабов и помолвка не помолвка. Крабов так и не нашли, но Юля спасла положение, сотворив по старинному, от матери заимствованному рецепту экзотический салат с кетой и апельсинами, какого даже у Мусиной сестры не было. Вино, как полагается, обеспечили мужчины, а Виктор принес, кроме того, магнитофон и раздобыл ленты с фольклорными туристскими песнями: «Умный в горы не пойдет», «Связал нас черт с тобой веревочкой одной», «Про пятую точку» и «Бабку-Любку».

Всего набралось человек двадцать: все москвичи из туристской группы, да девушки из Мусиного общежития, да приятели Бориса, да знакомый Виктор — владелец магнитофона, да владелица туристских песен — неприятная девочка Галя. В последнюю минуту выяснилось, что посуды не хватает. У отца, конечно, не было сервизов, а одолжить нигде — Юля еще не познакомилась с соседями. Хорошо, что догадалась притащить мензурки из лаборатории — все разные, надбитые, совестно на стол ставить. Но вышло даже к лучшему — лишний источник веселья. Шутливые тосты: «Предлагаю выпить за жениха 50 граммов, за невесту — 40». Отмеривают, кричат: «Перелил, недолил!» За хорошую шутку наливали премию — 10 граммов, за отличную — 20.

Вообще весело было. Пили, шутили, танцевали, слушали магнитофон, пели хором про пятую точку и про бабу-Любку, ставшую туристкой. Разгорячившись, выходили в сад остыть; остыв, возвращались потанцевать — согреться. И Юля поспевала везде, всеми песнями дирижировала, всем шуткам смеялась, со всеми танцевала, была центром шума, как будто ее помолвка была, а не Мусина. Но нареченные, кажется, даже довольны были. Сидели на кушетке молча, держась за руки с видом блаженно-отсутствующим.

Виктор-театрал читал с выражением стихи и все смотрел на Юлю, Мечик-журналист рассказывал свои сенсационные байки и тоже смотрел на нее. И Семезрудит порывался привлечь внимание Юли, но его энцик-

лопедические познания как-то неуместны были за веселым столом. Тогда он предложил отгадывать мысли, удивить надеялся старым математическим фокусом с угадыванием дня и месяца рождения («напишите на бумажке, прибавьте, убавьте, умножьте, разделите, припишите, покажите»). Но шумные гости путались в арифметике, фокус не удавался, все смеялись над возмущенно оправдывающимся Семой.

— Пойдите, я вам покажу настоящее отгадывание, — вскричала Юля.

Но движения у нее были нечеткие. Надевая викентор, она погнула застёжку, долго не могла наладить включение, потом прическу растрепала, прикрывая локонами аппарат. В общем пока она приспособливала прибор, гости уже забыли об отгадывании мыслей. Виктор, Мечик и Сема завели разговор о летающих тарелках, отгадывать там было нечего, девушки, перебирая пластинки, толковали о достоинствах синтетики, а Муся с Борисом сидели, держась за руки, и внимали гаме с блаженно-безразличным видом.

— Вот чьи мысли послушать бы, — подумала Юля. — Узнаю, что чувствуют влюбленные. — И, лавируя между танцующими парами, пробралась к помолвленным.

— Хорошо! — услышала она от Муси. — Хорошо!

Едва ли аппарат точно передавал ощущения другого человека, но Юля почувствовала исходящее от подруги тепло: не пыл огня, не открытый зной солнца, даже не душный жар протопленной печи, а тепло вечерней ванны, мягкое и окутывающее. Вытянулась, распрямила усталую спину, успокоилась, нежится. И чуть кружится голова, приятно кружится, не так, как от вина, все плывет, покачиваясь, маслянистые волны убаюкивают. Хемингуэя вспомнила Юля: при настоящей любви плывет земля.

«Хорошо!»

В этом блаженном потоке Юля слышала только Мусю. А Борис? То же чувствует? Также плавает в теплых волнах? Слияние душ?

— Муся, можно я приглашу Бориса на один танец, на один-единственный?

Подруга кивнула. Она купалась в счастье, могла уступить на пять минут. Доброта переполняла ее.

Борис танцевал плохо, вёл, а не танцевал и потому думал о такте. Юля слышала, как он мысленно следит за мелодией, про себя отсчитывая: та-та, та-таа, та-та, та-таа, сам себе диктует: правее, сюда, сюда, поворот, ах ты, ногу отдал, из толкучки выбраться бы на простор, та-та, та-таа... Юля, поняла, что так она не услышит ничего интересного, надо направить мысли партнера.

— Муся очень любит тебя?

— Еще бы! — Борис самодовольно усмехнулся.

— А ты ее?

— Само собой!

Он не прибавил ни слова, поставил точку, но мысли его, направленные вопросом, потекли произвольно. Он же не знал, что аппарат выдает его.

«Что она привязывается, эта быстроглазая? — думал Борис. — Нравлюсь ей что ли? Почему же не нравится, я парень как парень, и карточ-

ка ничего себе. Похоже, промашку дал в походе, не те кадры клеил, мог бы профессорскую дочку отхватить и дачу в придачу. «Дачу в придачу», — смешно получилось, складно. Впрочем, с дачницей этой хлопот не оберешься. Воображает о себе, претензий полно! Жить лучше с моей телкой. Влюблена по уши, носиться будет, все терпеть, все прощать. Так спокойнее. А тебя, быстроглазая, запомним, будем держать на примете...».

И это называется любовью!

Целый час ревели Юля в дальнем углу сада, за колодцем, где хворост был навален в загородке. Очень уж обидно было. Не за себя, не за Мусю даже — за то, что копеечное такое чувство называют любовью, принимают за любовь.

Нет, Муса она ничего не сказала. Да Муся и не слушала бы и не восприняла бы, окутанная розовым облаком, а услышав, не поверила бы, рассердилась на клеветнические выдумки, ушла бы прочь, объясняя клевету завистью подружки-предательницы.

А если даже и поверила бы, выбралась бы из своего розового тумана, увидела бы жениха при дневном свете, резком, графичном, поняла бы, что обманывается, что счастье — мираж. И что хорошего? Разве любовь — телевизор: чик — включила, неинтересно, выключила, перевела на другую программу. Нет у Муськи других на примете и не нужны ей другие, Бориса она любит, а не кого попало. Разоблачение этой любви — для нее горе: когда еще исцелится, когда еще другого полюбит. И есть ли гарантия, что другой будет светлее Бориса? Трезвость придет, со временем Муся раскусит своего спутника. Но до той поры будут медовые месяцы, пусть воображаемые, но медовые. Зачем же урезывать срок хмельного миража? Может быть, и всякая любовь мираж, Юля не знает, еще не набралась скептической житейской мудрости. Теперь наберется, у нее аппарат, разоблачающий всякие миражи.

Ах, папа, папа, мудрый и наивный, какую жестокую штуку ты придумал!

Жестокую и наивную! Помочь ты намеревался людям, хотел, чтобы не было недоразумений, как у тебя с мамой. Ты полагал, умный психолог, что вы не можете выяснить отношения словами, слова у тебя невыразительны, а если бы мама прочла твои умные мысли, она восхитилась бы, поняла, какой ты хороший. Да полно, обманывался ты. Мама отлично понимала тебя, но не сочувствовала, не одобряла. Она на мир смотрела иначе. Для нее Вселенная делилась на две части: внешнее и квартиру. И муж, по ее ощущению, должен был трудиться во внешнем мире, чтобы наполнять квартиру вещами — добротными и красивыми — гарнитурами, абажурами, сервизами для горки, эстампами для стенки, чтобы приличным людям можно было показать, похвалиться: вот какой муж у меня талантливый добытчик, как все умеет доставать. А ты, я от мамы слыхала не раз, квартиру считал ночлежкой, приходил к полуночи, выспался и — прочь! Ты мог отпуск провести в лаборатории, ты мог премию потратить на приборы, еще и зарплату прихватить. Не словесные были у вас недоразумения, брак был недоразумением. И, читая мысли, мог бы это понять еще до свадьбы. И не был бы несчастлив в жизни, но и счастья первых

лет не узнал бы. Что лучше — счастье плюс горе или нейтральный покой, пустой, круглый моль?

Ты хотел прояснить и сглаживать, улаживать ссоры, вносить покой. Но твой прояснитель разоблачает, обличает, это аппарат-прокурор. Он развенчивает, обнажает, показывает души, неприглядные в своей наготе, голую истину.

Полно, истина ли это? Что есть истина о доме: фасад с резными наличниками или курятники на задворках? Что есть истина о художнике: отпечатанное издание или черновые первоначальные наброски? Гоголь каждую страницу переписывал восемь раз, Толстой — тринадцать раз, Ленин черкал свои рукописи в поисках наиболее точного выражения. «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». А мысли — руда словесной руды, черновик черновика. Слово — окончательное изделие, пустая порода остается в черепе. Так нужно ли трезвонить об этой пустой породе, зачем ее обнародовать? Разве пустая порода это истина о стали? Это не истина, папа, не разъяснение, даже не разоблачение, это очернение. Прибор-очернитель изобрел ты, папа.

И стоит ли хранить его на земле, этот прибор, беспощадный и в плохих руках небезвредный? Колодец рядом, положить руку на сруб, разжать пальцы... Всплеск, и конец опасениям. Жалко твоих трудов, папа, но ведь ты ошибся, двадцать лет ошибался.

А я не ошибаюсь сейчас, не ошибусь, разжав пальцы...

Та ночь прошла, наступило утро, густо пропитанное ароматами смолы, хаю, цветов и сырой почвы, переполненное оглушительным щебетом, жизнерадостным гомоном суетливых личуг, нарядное пестрое утро с круглыми тенями листьев на дорожках, косыми лучами, пронизывающими кроны, и на сцене появилось еще одно действующее лицо — Леша, 26 лет, выглядит моложе своего возраста.

Художавый, веснушчатый, с тонкой шеей, коротко стриженный, почти под машинку, он выглядел мальчишкой. И разговаривал он как-то по-мальчишески оживленно, с непривычной развязностью. Потом выяснилось, что это не развязность. Очень занятый, увлеченный работой, юноша пренебрегал условностями, не думал, как он выглядит со стороны, как принято выглядеть.

— Леша, — представился он по-мальчишески.

Юля удивилась: что за бесцеремонность? Она же не знала, что гостю не нравится его взрослое имя — Елизар.

— Дача Викентьева эта? — спросил он. — Впрочем, я проявил ненаблюдательность. Вы, конечно, родная дочка. Очень похожи, как вылитая. Даже странно видеть черты Викентия Гавриловича в девушке. Я из того института, где Викентий Гаврилович работал последние годы. Мы очень интересуемся, не остались ли материалы...

— Нет, — отрезала Юля, — не остались.

Безбровое лицо посетителя выразило чрезвычайное удивление.

— Нам известно, — сказал он, помолчав, — что в последнее время Викентий Гаврилович работал над волнующей проблемой. Он был на

пути... не скрою от вас, к дешифровке мыслительных процессов, к чтению мыслей, говоря проще. Вы понимаете, как это важно и нужно...

— Не понимаю!

Удивленные глаза раскрылись еще шире.

— Не понимаю,— повторила Юля.— Ну что вы уставились? Да, не понимаю, что нужно и важно читать чужие мысли. Мало ли у кого что копошится под черепом. Подглядывать и подслушивать некрасиво, так меня учили в детстве. Вот мой дом, резные наличники, любуйтесь, а курятники на задворках вас не касаются. И в комнаты не зову, я еще не прибирала с утра. И не хочу пускать в голову, там неприбранные мысли. Для вас, постороннего, существуют слова, умытые, причесанные, прилично одетые. А мысли оставьте в покое, это моя собственность.

Гость не был подготовлен к такой атаке.

— Но для науки очень важно во всех подробностях понять мышление. Тут полезны всякие сведения...

— Это уже не сведения, а сплетни,— прервала Юля.— А кто сует нос в чужую дверь, может остаться без носа. Кто подслушивает, может услышать всякие пакости — и о себе тоже.

И добавила, испугавшись, что выдает себя запальчивостью:

— Впрочем, отец ничего мне не говорил о материалах.

Весь этот разговор шел на крыльце. Юля стояла на площадке, облокотившись на перила, гость на нижней ступеньке. В комнаты его не приглашали, намекали, что надо уйти... Но Леша переминался с ноги на ногу, медлил...

— Мы были уверены, что у Викентия Гавриловича есть практические достижения. Незадолго до... кончины он демонстрировал нам такие поразительные опыты...

— Папа просто умел отгадывать мысли. У него дар был такой, талант, особая наблюдательность, как у Шерлока Холмса.

— А вы не унаследовали этот талант?

— Отчасти. Вот сейчас, например, я читаю в вашей голове, что вы мне не верите, придумываете, как бы еще спросить. Верно же? А у меня ничего нет, никаких приспособлений, — нечаянно Юля провела рукой по лбу. — И если бы вы сами обладали таким же даром, вы бы поняли, что мне некогда, у меня уборка, дел по горло...

Тут уж нельзя было не проститься. Гость простился, взяв ни к чему не обязывающее обещание поискать записи покойного отца. Дошел до калитки, потоптался и вернулся опять.

— Я все думаю о ваших словах, — сказал он, — насчет задворков, курятников, черновиков и прочего. Возможно, вы правы, в отношениях между взрослыми не нужны черновики, можно объясняться набело обдуманными словами. Но вот дети — они еще не умеют выражать свои мысли. Их трудно понимать докторам и учителям тоже. У меня есть одна знакомая учительница, она никак не может научить детей думать. Они ее не понимают, она их не понимает. Может, вы согласились бы проявить свой талант, наследственный, помочь моей знакомой разобраться в головах учеников?

И Юля сказала:

— Да!

Почему она так легко согласилась? Может быть, потому, что сама она училась в педагогическом, ее интересовали ребячьи головы. Потому, может быть, что птицы щебетали так жизнерадостно, и мир не казался грустным. И Юле самой не хотелось перечеркнуть двадцатилетние мечты отца, хотелось уважать и гордиться им, а не считать наивным прожектером. Но только пусть ей докажут, что отец не ошибался, и докажут убедительно!

Мелкорослые бойцы в темно-серой форме неслись вниз по ступеням и перклам, воинственно размахивая портфелями.

Они неслись с ликующими воплями, как будто их держали здесь не четыре часа, а четыре года по крайней мере и вдруг неожиданно объявили амнистию, разрешили простор и солнце.

Там и тут возникали потасовки, портфели сшибались в воздухе, сыпались на пол учебники и пеналы, всеюм разлетались тетради.

— Сумасшедший дом! — сказал Леша. — Неужели и мы были такими? Видимо, были. Ведь я в этой же школе учился.

Его знакомая — Серафима Григорьевна, Сима — оказалась тощенькой чернявой женщиной с несвежей кожей и уныло-плаксивым выражением лица. «И что он нашел в ней?» — подумала Юля невольно. Сима была очень мала ростом, даже и это осложняло ей школьную жизнь. В толпе ее толкали бесцеремонно. Приняв за подружку, некий верзила-девятиклассник хлопнул ее по спине, скороговоркой пробормотал: «Звините, Серагорна» и спрятался за товарищей. Сима вспыхнула и произнесла возмущенную речь. Она была уверена, что этот усатый проказник обознался нарочно.

— Я буду очень благодарна, если вы что-нибудь найдете в головах моих бандитов, — сказала она Юле унылым голосом. — Но, по-моему, они просто не хотят думать. Убедили себя, что механика им не понадобится. И просто ленятся, не желают напрягать мозги.

В кабинете физики были столы, а не парты, учительница находилась на кафедре, на возвышении, где удобно было показывать опыты. Впрочем, кафедра Симе не нравилась, подчеркивала ее малый рост, заставляла весь урок стоять на ногах, раздражала. Так раздраженным тоном учительница и начала урок.

— У нас сегодня гости, — сказала она. — Они будут наблюдать, как вы воспринимаете. Ведите себя хорошо, слушайте внимательно.

Прозвучало это почти жалобно, словно безнадежная просьба: хоть сегодня, при гостях, ведите себя прилично.

Юля, как бы поправляя прическу, включила под косынку прием и услышала: «Что за гости? Методисты из района, что ли? Молоды для методистов. Практиканты, наверное. Ну, практикантов бояться нечего».

Тем не менее присутствие посторонних насторожило класс, ребята настроились на внимание. Урок начался в деловой тишине.

— Сегодня у нас трудная тема, — начала учительница. — Мы изучаем

понятие массы. Масса — это особая физическая величина, смысл которой будет выясняться по мере дальнейшего прохождения курса. Масса проявляется при взаимодействии тел. Если мы, например, возьмем два тела — две тележки, нагруженную и пустую, и столкнем их, мы заметим, что нагруженная тележка движется медленнее. Про тела, которые движутся медленнее после взаимодействия, говорят, что они массивнее. Иначе говоря, массы обратно пропорциональны скоростям взаимодействующих тел. Масса измеряется в граммах, килограммах, тоннах. За единицу измерения массы принимается масса платиново-иридиевого эталона, который находится в Палате мер и весов...

Юля сидела не на кафедре, а возле первого стола. В сферу действия викентора попадало несколько учеников: вертлявый мальчик с черными глазами, то и дело менявший позу; рослая невозмутимая девочка с низким лбом и длинными ресницами, которая весь урок играла своей косой; другая, старательная, остроносенькая, с бисерным почерком. Мысли остальных доносились издалека, вызываясь репликами из общего гула.

Учительница рассказала про массу, потом про плотность, объяснила, как по плотности вычисляется масса, выписала формулы на доске, а Юля следила, как все это отражается в головах.

Сталкивающиеся тележки представили все: либо дрезины, либо вагонетки, либо игрушечные вагончики на игрушечных рельсах. У вертлявого мальчика тележка, столкнувшись, встала на дыбы, полетела под откос и взорвалась, окутавшись черным дымом.

Массу не представил себе никто, записали в мозгу буквами: «масса». Девочка с бисерным почерком запомнила: «масса — это особая физическая величина». Все остальные обратили внимание на слова «смысл ее выясняется при дальнейшем прохождении курса» и решили: «объяснят потом, можно не стараться понять».

Но из этого нечего, смысл которого выяснится в дальнейшем, возникла еще какая-то плотность, которую надо было высчитывать, делая или умножая? Деля или умножая? Не поймешь. Дома выучу, авось, не спросят.

И тележки откатились в туман, увозя на задний план сознания непонятное слово «масса». Мысли побрели в разные стороны, у каждого в свою.

В одной голове застряло слово «рельсы». Рельсы удлинлись, изогнулись, забрались под стол, сделали великолепное ответвление в переднюю и ванную. Затем владелец железной дороги подумал, что стрелок ему не хватит, и занялся расчетами, сколько ему подарит бабушка ко дню рождения, сколько можно выпросить у другой бабушки и сколько на все это можно купить стрелок, прямых и кривых.

Девочка, игравшая косой, мысленно делала себе прически: «конский хвост», «воронье гнездо», как у соседки с пятого этажа. Юля услышала еще много занимательного о футболе, любви, дружбе, сплетницах, драках, летающих моделях, лепке и третьей серии «Неуловимых». О массе и плотности — почти ничего.

— Кудрявцев, что я сказала? Повтори.

— Вы сказали, что плотность грунта имеет значение для сооружений. (Блестящая механическая память. На самом деле этот мальчик читал, держа книгу под партой, но краем уха уловил последние слова).

— А что такое плотность?

Молчит. Прозевал. Или уже забыл предпоследнее.

— Миронова, объясни ему.

— Плотность, это когда масса делится...

— Делится?

— Умножается, — (гадает), а в голове: «Ну что привязалась. Вот не повезло. Пятнадцать минут до звонка».

— Верейко (девочка с косой), что такое масса?

Молчит с пренебрежительно гордым видом. В голове: «Масса? В общем это когда сталкиваются тележки. Сказать про тележки? Да ну ее. Ляпнешь неважно, мальчишки гоготать будут».

— Вы непонятно объяснили, Серафима Григорьевна. Я дома лучше по учебнику выучу.

Леша наклонился к Юле, спросил шепотом:

— Почему до них не дошло? Вы разобрались?

Чтобы не шептаться, Юля написала ему:

«Они мыслят конкретными примерами, картинками, незнакомое при-
вязывают к знакомой картинке. Им непонятны условно-логические по-
строения; некая величина M , смысл которой выясняется в дальнейшем,
при делении на V дает плотность ρ . M не представили, остальные — не
услышали».

Леша поднялся:

— Серафима Григорьевна, можно я попробую еще раз объяснить.

— Пожалуйста (с явным неудовольствием).

Волна внимания поднялась вновь, когда новый человек появился на кафедре. Смена действующих лиц — некое разнообразие.

— Я расскажу вам, ребята, — так начал Леша, — о старинном, стариннейшем затруднении, с которым столкнулись наши предки в самые древние времена, столкнулись, решали и не решились до сих пор. Трудность такая: как сравнивать несравнимое? Что общего во всем на свете: в мальчиках, девочках, партах, стенах, воздухе, воде, атомах и звездах. Какой мерой мерить их?

— Сантиметром, — пробасил верзила из заднего ряда.

— Атомы сантиметром? И звезды? Времени у тебя многовато.

Аудитория расхохоталась. В головах возникли картинки: поднявшись на цыпочки, их соученик сантиметром измеряет Солнце. Интерес был завоеван.

— Вот теперь представьте себе, ребята, что вы древние греки (Юля увидела целую картинную галерею: дискоболы, Геркулесы, Афродиты, прямоносые греки в хитонах и горбоносые в пиджаках. Девочка с косой представила себя с античной прической — высокий пучок, пронзенный шпилькой)... и поручено вам нагрузить корабль зерном, вином, маслом, свинцом. Хватит. Зерно и вино возили тогда в кувшинах. Купили кувшины. Как рассчитываетесь? Поштучно. За два кувшина в два раза

больше денег. Запомнили. Первый счет был на штуки. Один кувшин, два...

Но потом вы покупаете зерно, вино, масло. Как тут считать? Ведь зернышки пересчитывать вы не будете, капельки масла тем более. Как быть? Как сравнивать?

— Кувшинами! — догадался подвижной мальчик с первого стола.

— Правильно, молодец, годишься в древние греки. Кувшинами можно мерить несравнимое, или, говоря по-научному, объемом. Ну вот, купили вы зерна и масла, купили, кроме того, свинца и меди, тоже наложили в кувшины, нагрузили на осликов по два кувшина, пустились к морю. Ослики с зерном идут бодро, с медью и свинцом — валятся. Почему?

— Тяжело!

— Выходит, плохо сравнивали: по два кувшина на каждом, а грузы разные. Как же сравнивать нам зерно со свинцом?

— Взвешивать.

— Точно, сравнивать по весу. И вы не думайте, что я вам излагаю занимательную сказку, так история развивалась: сначала сравнивали предметы поштучно, потом — по объему, потом — по весу. Вес оказался самой удобной, самой универсальной, самой надежной мерой для любых предметов на Земле... на Земле, на Земле, повторяю. И всех он устраивал — греков, римлян, арабов, итальянцев, пока не появилась наука о небе — астрономия. И поняли люди, что на других планетах, в мире планет вообще, вес — нечто ненадежное, нечеткое, изменчивое. Вот я, например, на Земле вешу 60 килограммов, на Венере весил бы 50, на Марсе — 25, а на Юпитере — 300 килограммов. Значит, для планет вес как характеристика не годится. Тут нужно другое, более постоянное. Вот это более постоянное и есть масса...

— А масса — окончательная мера? Нигде не подводит?

— Прекрасный вопрос, мальчик. Вижу, что слушал и все понял. Нет, масса тоже подводит иногда. Ты узнаешь об этом в старших классах или читая фантастические книжки. Масса растет при очень высоких скоростях. Когда скорость приближается к скорости света, масса растет, удваивается, утраивается, удесятерится и так далее — до бесконечности. Но это ты узнаешь в старших классах. Так что караван твоих осликов нельзя было гнать со скоростью света, они валились бы под нарастающим грузом. Так и условимся: вес — надежный измеритель для Земли, масса — надежный измеритель для досветовых скоростей.

— А нельзя ли?..

— Что? Не придумал еще? И не торопись, друг, еще на свете никто не придумал более универсального измерителя, чем масса. И тебе с наскоку не удастся. Вырастешь, узнаешь все, что люди узнали, тогда и предлагай.

В голове у парнишки (у непоседы с первого стола) заманчивая картина. Он стоит на кафедре в синем джемпере, таком же, как у Леши, в очках, как у Леши. Водит указкой по доске и говорит внушительным голосом:

— Мною найдена мера более надежная, чем масса. Масса — уста-

ревшее понятие, его надо исключить из учебников физики, не забивать голову школьникам этой малопонятной величиной...

Физика была на последних уроках, пятом и шестом. Сима отвела своих питомцев в раздевалку, постояла там, предотвращая дуэли на портфелях, Юля с Лешей дожидались ее во дворе. Потом они пошли вместе в метро. Юля начала во всех подробностях рассказывать, что она увидела под прическами будущих Ньютонов, и Леша расспрашивал ее с жадным интересом, а Сима слушала невнимательно, раза два, извинившись, задерживалась у лотков с абрикосами.

Они простились у вестибюля метро. Сима сказала торопливо:

— Я очень благодарна твоей знакомой, Леша, и тебе за импровизированную лекцию. Но я, к сожалению, не имею права так вести занятия. Есть утвержденная программа; массу мы проходим сейчас, вес — через месяц, теорию относительности — в десятом классе. Нельзя ссылаться на нас, дети его еще не изучали.

— Но они же знают, что такое вес, — вырвалось у Юли.

Учительница посмотрела на нее с усталой безнадежностью («Что спорить с упрямыми, не понимающими очевидных истин?» — было написано в ее взгляде), протянула руку и исчезла за тугими дверями метро. Леша остался при Юле, вместе с ней вышел на крутой изгиб тенистого бульвара. Скамейки пустовали в этот промежуточный час; молодые мамы уже покатали домой колясочки, пенсионеры еще не явились со своими фанерками, по которым так лихо стучат костяшки. Третья же смена скамеечного населения — влюбленные — еще досиживала свои трудовые часы в аудиториях и канцеляриях.

— Почему же вы не пошли провожать свою знакомую? — спросила Юля не без раздражения. Ей не понравилась унылая Сима. И даже было обидно, что этот инженер с живым умом интересуется такой невзрачной незначительной женщиной.

— Сима не до меня, — сказал Леша. — Она сейчас в детский сад спешит за близнецами, накормит их, потом к мужу помчится за город. Муж у нее несчастный человек, способный, но больной психически. Каждый год месяца четыре проводит в больнице.

«И ты тут при чем? — чуть не ляпнула Юля. — Кто ты в этом семействе? Отвергнутый соперник и верный слуга несчастливой жены».

Юля не сочувствовала безнадежно влюбленным. Ей представлялась жалкой смиренной верностью без надежды.

— Симе трудно живется. Ей помогать надо, — повторил Леша.

— И вы помогаете всем, кому трудно?

— Рад бы. Но разве это в моих силах? Помогаю тем, кого слышу. Но ведь иные молчат про свои беды, таят за черепом. Как хорошо бы слышать! Вот идет человек по улице, у него горе. И всякий встречный может отозваться. С Симой легче, я ее с института знаю, понимаю, чем помочь.

Под зеленым особняком на горке толпились мужчины. С балкона им выкрикивали очередную новость, а стоящие внизу, оживленно гудя, обсуждали ее, сгрудившись тесными группами. Здесь, в Шахматном клубе, решались судьбы чемпионов и аутсайдеров. Наверху донгрывалась партия,

внизу болельщики разбирали варианты, вставляя фигурки в карманчики дорожных досок.

— Не думаю, что мы помогли вашей Симе, — сказала Юля. — Дело не в программе, а в манере изложения. Дети, как правило, мыслят конкретными образами, художественно. Абстрактное мышление шахматиста у них встречается редко. Им трудно запоминать условные связи между условными буквами. Но это известно всем педагогам, вашей Симе тоже.

— Сима замотана до чрезвычайности, — оправдывал свою соученицу Леша. — Ей помочь надо, разгрузить, она соберется с мыслями.

— Боюсь, что там собирать нечего. У вашей Симы просто нет нужных образов, тех, что у вас нашлись на уроке.

Обсуждая эту тему, они прошли до конца бульвара и пересекли площадь с двумя Гоголями. Один, бодрый и молодежавый, стоял во весь рост прямо против выезда из тоннеля, как бы дирижируя сложными автопотоками — эти левее, эти по кругу, эти — по петле. Другой — грустный и подавленный, пригорюнившись, сидел во фруктовом саду, возле старого особняка, где он сжег свою рукопись. Сидел и грустил: «Ах, не все получается в жизни, что задумывалось».

— Вот яркий пример, — сказал Леша. — Тысячи читателей с нетерпением ждали второй том «Мертвых душ», а когда Гоголь жег рукопись, никто не слышал. Никто не прибежал, чтобы задержать руку, хотя бы из камина выхватить полуобгорелые тетради, восстановить можно было бы потом. А Гоголь сжег рукопись в минуту душевного упадка, потом жалел, возможно, и умер от огорчения. Надо, чтобы люди слышали чужие переживания. Мыслеглухота способствует равнодушию. Кто-то рядом горюет безмолвно, а я шагаю мимо довольный и самодовольный, поглощен пустячками.

Теперь они шли переулком мимо музыкальной школы. Окна были распахнуты на всех этажах, на улицу лились беглые гаммы, пронзительные вскрики флейт, скоробежка рояля; Юля подумала, что она не хотела бы жить в этом переулке. С утра до вечера настройка, приготовления к музыке, ошибки, музыкальные черновики.

— В мозгу у нас черновики, подготовка к устной речи, настройка, — сказала она. — Зачем слушать пустяки, мало ли что кому в голову взбредет. Вот у меня отчим был лысый, голова гладкая, как полированная. Бывало, думаешь: эх, шлепнуть бы, звонко получится. Зачем же это ему слышать? Ведь я не шлепала. Подумаешь и пристыдишь себя, удержишься.

И еще один бульвар прошли они, еще две площади пересекли. На одной стоял Тимирязев, прямой и строгий, на другой Пушкин задумчиво поглядывал на «племя младое, незнакомое», которое несло мимо на своих бензиновых каретах по всему пространству, некогда занятому Страстным монастырем.

— Вот Пушкин, — сказала Юля, — величайший поэт, у него каждая строчка — совершенство, ювелирное изделие. И мне нет дела, как он полировал свои строчки, заменяя точные слова точнейшими. Велик окончательный Пушкин, а предварительный, может быть, и так себе, на посредственно. Дайте же людям довести свои мысли до блеска, не заставляйте их обнародовать все предварительные кособокие заготовки.

— Но ученые изучают черновики Пушкина, — настаивал Леша. — Их интересует ход мысли мастера. Пожалуй, это и есть самое нужное в чтении мыслей: понять, как думают мастера, поучиться думать у великих. Может быть, вы и правы: у таких, как Сима или я, нет настоящего умения учить, но есть же великие педагоги. Как великий педагог ведет урок, как великий ученый идет к открытию? Слушайте, Юля, давайте покжем великих. И не зарывайте вы свой талант после первой неудачи. Я поищу современных гениев, попрошу, чтобы они разрешили заглянуть в их мозг, в их мыслительную лабораторию. Какие гении вас волнуют? Поэты? Я найду поэтов.

— Композитора я послушала бы. Как у него рождаются мелодии?

— Композитор, поэт, педагог... Давайте составим список. Кто еще? Математик — у них особое мышление — абстрактное. Художник — противоположное мышление. Инженер-конструктор. Крупный администратор. Боевой генерал...

— Изобретатель, — подсказала Юля.

— Изобретатель, конечно. Музыкант-исполнитель, как он чувствует звучание? Космонавт хорошо бы. У космонавтов в голове подлинные картины космоса.

— Всякий интересен, кто ездил по дальним странам.

— Всякий мастер своего дела.

— Дагустатор.

— Архитектор.

— Ювелир.

— Хирург.

Так, перебирая профессии, прошли они пешком через весь центр до юлиного вокзала, Юля все порывалась сесть в троллейбус, но откладывала до следующей остановки. И, прощаясь на платформе, подробнейшим образом объяснила Леше, в какие дни искать ее на даче, как можно позвонить в общежитие, кому передать записку, если ее на месте нет.

«А что я старалась, собственно? — спросила она себя, когда электричка отошла от вокзала. — Боюсь, что он исчезнет, этот чудак с веснушками? Разве он нужен мне? — и сама себе ответила, оправдываясь: — Что-то в нем есть занятное. Придумал: на помощь всем кидаться, тревожиться, когда в городе тревожно. Теории выдумывает. Смешно, наивно... но жалко разоблачать. Впрочем, это не имеет значения. Едва ли он найдет сговорчивых гениев».

Юля откровенно обрадовалась, когда два дня спустя увидела тощую фигуру, поджидавшую ее у подъезда института, возле гипсового льва со спиной, отполированной многими поколениями веселых всадников.

— Уже нашли гения? Ну и молодец! — воскликнула она и покраснела. Очень уж по-детски радостно прозвучал ее голос.

— Не ручаюсь, что гений, но мастер своего дела. И заслуги моей тут нет, все вышло само собой. Сима рассказала о вас врачу, лечащему ее мужа, та — профессору — начальнику отделения. Он заинтересовался, просил привезти вас. Психология мысли — его докторская тема. В общем приглашает нас в больницу в воскресенье. Я подумал, что вам интересно будет. Пусть наш список откроет психиатр.

— В больницу? То есть в сумасшедший дом?

— Ну да, в психиатрическую больницу.

Юля поежилась. К сумасшедшим, не страшно ли? И этот опытный психиатр! Он же разгадает с первого взгляда, скажет: «У вас аппарат, девушка, под прической, снимайте, давайте сюда».

Но любопытство пересилило. Юля еще не вышла из того возраста, когда все в мире хочется узнать. Побывать в сумасшедшем доме — это же само по себе волнует. А против опытного психиатра у нее преимущество: все его мысли она будет слышать наперед. Услышит его намерения, себя в обиду не даст.

Путешествие в больницу началось обыденно. Гулкий вокзал, набитая электричка, запах табака и пота, женщины с сумками, наполненными яблоками, абрикосами, апельсинами, все знакомо по частым поездкам на папину дачу. Только разговоры здесь особенные, не дачные, не кухонно-детские. Вокруг толковали о симптомах, синдромах, курсе инсулина, курсе аминазина, терапии возбуждающей и растормаживающей, состоянии маниакально-депрессивном, психопатическом и формальной неменяемости. Странно было слышать эти термины в устах хозяек с кошелками.

Вагон почти опустел на станции Санаторной. Потом Юля долго шла через картофельное поле. На поле заканчивалась уборка, там и сям виднелись редкие группки колхозников... а по утопанной дороге через гряды наискось текла густая толпа паломников с гостинцами. Впрочем, и это выглядело обыденно. Так в летние воскресенья тянутся мамы в пионерские лагеря, жены и дочери — в загородные дома отдыха.

Дорога уперлась в парадные ворота с гипсовыми вазами на столбах. На решетке крупными выпуклыми буквами надпись: «Областная психоневрологическая больница имени Кандинского». Больница! Психоневрологическая! Никакой не сумасшедший дом. А за воротами тянулся обширный парк с ухоженными цветами, дорожками, красными от толченого кирпича, с удобными скамейками под купами лип. И на скамейках, оживленно беседуя, посетители угощали очень обыкновенных людей в лиловато-серых с желтыми отворотами байковых пижамах, таких же, как в рядовых больницах — терапевтических, хирургических, инфекционных.

Неужели эти, в пижамах, и есть сумасшедшие?

И лечебный корпус выглядел обыденно: коридоры, крашенные светлой масляной краской, двери, двери, на дверях эмалированные прямоугольнички: «Водные процедуры», «Перевязочная», «Приемная». В кабинете, куда они пришли с Лешей, стол, накрытый стеклом, папки с историями болезней, прибор для измерения давления, за белой ширмой лежак, покрытый желтой клеенкой. Обычный кабинет обычной поликлиники. И докторша обычная — полная женщина с властным голосом, деловитая, торопливая. Завязывая тесемки халата, она возмущалась, обсуждая с сестрой план воскресных дежурств, потом, понизив голос, зашептала о каких-то событиях в промтоварном ларьке и убежала поспешно, кивнув Юле:

— Вы тут посидите, милая, вам спешить некуда.

С Юлей она с самого начала взяла тон пренебрежительный. Намак-

нула, что Леонид Данилович (профессор) — человек широких интересов, может увлекаться даже фокусниками, но это не означает, что фокусники и она, специалист, равня. Юля хотела было обидеться, но рассудила, что предъявлять претензии — еще смешнее.

Итак, она осталась одна, поскольку Леша в это время разыскивал профессора в дальних корпусах. Исползовала паузу, чтобы включить викентор без свидетелей, злорадно подумав:

— Ладно, посмотрим, что нам скажут, когда фокусы будут продемонстрированы.

И тут же кто-то произнес невыразительным мыслешепотом:

— Новенькая. Еще одна на нашу голову!

Тщедушный человек в пиджаке заглядывал в дверь. В пиджаке. Не в пижаке. Значит, не сумасшедший. Отлегло!

— Анна Львовна вышла? — спросил человек в пиджаке. — А вы кто, новый доктор? Нет? А-а, знаю, вы девушка, читающая мысли. О вас тут все говорят. Не курите? Папиросочку позвольте.

Он закурил и сел за стол с видом завсегдатая, продолжая разговор в тоне несколько покровительственном:

— Телепатическая связь — величайшее открытие современности, эндопсихология — это суперпсихология, психология атомного века, словесная связь слишком медлительна для века ракет. Я сам читаю мысли, я тоже эндопсихолог, мы с вами коллеги, девушка. Вот сейчас, например, вы подумали, что я больной, подумали же? (Юля и впрямь подумала: «А этот в пиджаке не сумасшедший ли?») Нас, эндопсихологов, многие считают больными, впрочем, мы поистине выходим за грани пошлой нормы. Супернорма — редкий дар природы. Анна Львовна не обладает супернормативным талантом, я помогаю ей в особо трудных случаях. Взаимопомощь — это веление времени, веления эпохальности. («Ой, кажется, сумасшедший! — подумала Юля, и холодок побегал у нее по спине. — Что делать? Удрать? Еще рассердится»).

— Анна Львовна сейчас придет, — сказала она, подбадривая себя и пугая своего собеседника.

— Да, Анна Львовна придет и вас оформит обычным порядком. Она спросит у вас, какой сегодня день недели, это называется ориентировка во времени и в пространстве. Спросит, что общего между орлом и курицей и как вы понимаете пословицу «Не в свои сани не садись». И вас отведут в предназначенные сани. Но не огорчайтесь, девушка-эндопсихолог, вы попадете в избранное общество. Нигде, уверяю вас, нигде я не встречал столько талантов, до пяти гениев в пятиместной палате («Не этих ли гениев имел в виду Леша?» — подумала Юля и без иронии). Авторы всеобъемлющих теорий, гениальных поэм, мировых уравнений. Их мысли важны для вселенского благополучия, их озарения величественны. Мы — эндопсихологи — присланы сюда, чтобы охранять их. Ведь только мы с нашей сверхчеловеческой чувствительностью своевременно можем разоблачить вражеские поползновения, лазутчиков, втирающихся в пятиместные палаты, чтобы украсть назревающие теории. Никто не заменит меня, девушка, никто не заменит вас, девушка, горди-

тесь, ваша миссия священна, сокровенна, драгоценна. Драгоценность сияет во Вселенной всегда...

«Хоть бы пришел кто-нибудь», — думала Юля, поеживаясь.

Наконец в коридоре послышался резкий голос докторши.

— Ты что, Улитин? — спросила она Юлиного собеседника. — Опять папироски стреляешь? Иди в парк, там тебя жена дожидается, целый короб привезла. Я разрешила ей взять тебя на весь день. Иди же, зачем время теряешь?

— Время само по себе не имеет содержания, — сказал Улитин важно. — Человек наполняет время. Человеческонаполненность времени...

— Больной? — шепотом спросила Юля, когда Улитин ушел наконец.

— Типичная шизофрения. Раздвоение мышления, резонерство, тяга к словообразованию. Впрочем, вам же не нужно объяснять, вы читаете мысли, будто бы...

— Мысли были такие же, как слова, — сказала Юля. — Но с эхом. Скажет и повторяет секунды через две.

— Да-да, милая, характерно. А иногда эхо бывает через час, через день. Вижу, что вы подготовились, почитали учебники... — голос ее был наполнен сарказмом. — Да, так что я должна была сделать? — спросила она, листая календарь. — Какое сегодня число, милая? Восемнадцатое? А день недели? Да-да, воскресенье, я и забыла. Ну давайте знакомиться. Как вас зовут? А фамилия? Школу вы кончили уже? Неужели, вы так молодо выглядите, я считала вас школьницей. Какого же вы года рождения? И хорошо учились? Да, я тоже любила литературу. Помню, в десятом классе писала сочинение: «Пословицы в произведениях русских классиков». У Островского особенно много материала. Даже в заголовки вынесены пословицы: «Бедность — не порок», «Не в свои сани не садись», «На всякого мудреца довольно простоты». Кстати, как это вы понимаете: «На всякого мудреца...»

Даже и без вивектора Юля поняла, что недоверчивая докторша опрашивает ее как психически больную.

— Доктор, — сказала она, — я могу объяснить эту поговорку и много других, я понимаю, что курица и орел птицы, я ориентирована во времени и пространстве, помню, что сегодня восемнадцатое сентября и я нахожусь в больнице имени Кандинского по приглашению профессора по имени Леонид Данилович, который хотел, чтобы я его прослушивала, я его, а не он меня. Если же профессор передумал, разрешите мне уйти...

— Милая, порядок есть порядок, — возразила докторша, ничуть не смутившись.

— Тогда извините... — Юля встала.

К счастью, подоспел Леша.

— Леонид Данилович задерживается, он говорит по междугородной. Просил начинать без него с большим Голосовым.

— Ну, если Леонид Данилович распорядился так... — Докторша больше ничего не прибавила, тоном выразила, что сама она не одобряет всей этой затеи, но такой профессор, как Леонид Данилович, может позволить себе любое развлечение, даже забавные фокусы молоденькой обманщицы.

Через несколько минут сестра привела Голосова. Вот этот явно был больной, с первого взгляда понятно: крупный мужчина лет тридцати с бледным, нездорово-полным лицом, обросшим жесткой черной щетиной, с плаксиво-распущенными губами и выражением обиженного ребенка.

— Дластуй, тетя доктол,— сказал он тоненьким голоском.— А эта тетя тазе доктол? Меня зовут Саса, а тебя? У тебя есть конфетки, тетя Юля? Нет, ты кусай сама, я бумазки собиляю, с калтинками. У меня мамка в сельпо, каздый лаз новые калтинки плиносит.

Юля передернула плечами. Невыносимо жалко и противно выглядел этот плечистый сюсюкающий мужчина.

— Как это получается? Он память потерял, все забыл? — спросила она докторшу.

— Зачем вы спрашиваете? Вы же все мысли прочли, — в который раз кольнула та. — Нет, он не все забыл. Смотрите.

И, продолжая разговаривать, она как бы машинально пододвинула больному пачку папирос, жестом показав: «угощайся». Тот уверенным движением, не глядя, взял папиросу, размял пальцами кончик, уверенно чиркнул спичкой, затянулся...

— Разве ты куришь, Саша?

Отбросил папиросу испуганным жестом, тут же закашлялся.

— Сто вы, тетя Аня, я маленький. Мне папка таких слепков надаёт, та-та...

— Симулянт? — спросила Юля.

— Подсознательный, милая. Он шофер, напился в день свадьбы и задал мать своей невесты. В результате вместо свадьбы — суд и долгий спок. И мозг отключился. Это подобие болевого шока, шок психологический. Там человек не чувствует слишком сильной боли, здесь — слишком сильного горя. Сознание убежало в детство, создало охранительную иллюзию: он не взрослый, не шофер, нет ни свадьбы, ни машины. Есть безгрешный мальчуган Саша, которому мамка приносит из сельпо конфетные бумажки. Но между прочим, милая, это вам объяснила я, обыкновенный медик, никаких мыслей не читающий. А вы что прочли со своим особенным даром?

— В голове у него не было ничего такого, — сказала Юля честно. — Те же детские слова про конфетки и картинки. И поверху, как припев: Я маленький, мне четыре годика, у меня мамка в сельпо. Я маленький...

— Анна Львовна, а вы подведите больного к психологическому барьеру.

Юля оглянулась. В комнате появился новый человек — врач в белом халате, большелобый, с залысинами, в пенсне на прищуренных глазах.

Докторша сразу заулыбалась, голос у нее изменился, стал певуче-сладким.

— Ах, Леонид Данилович, вы уже здесь? Вы всегда так несерьёзно, незаметно входите, Леонид Данилович. Пожалуйста, вот кресло, садитесь, берите бразды правления в свои руки, Леонид Данилович.

Имя-отчество профессора она произносила с особенной тщательностью, как самые приятные слова на свете.

— Спасибо, Анна Львовна, я тут посижу. Все превосходно, вы, как

всегда, все делаете превосходно. Теперь прошу, подведите больного к борьере вплотную. А вы следите внимательно, юная прозорливица.

Докторша взяла за руку больного, повернула его к зеркалу.

— Саша, все не так, — сказала она обычным своим угловатым голосом. — Вот зеркало. Это ты в зеркале — взрослый мужчина, и борода растет. Ты уже школу кончил, ты шофер, работаешь на колхозном грузовике. И у тебя есть невеста Надя, и у нее была мать, и ты...

— Не-е-ет!

Звериный вопль. И рыдания захлеб, истерика с воем, потоки слез:

— Нет, я маленький, я Саса, маленькие не водят грузовики!

Пока сестры поили больного валерьянкой, профессор пересел ближе к Юле, взял ее под локоть:

— Ну-с, и что вы заметили на этот раз, молодое дарование!

Юля не без труда собрала отрывочные впечатления:

— Честно говоря, мало рассматрела. Очень уж быстро все произошло. Машину он вспомнил, заслуженная такая трехтонка с разболтанными бортами, бренчали они на ухабах. Потом всплыло лицо, очень характерное, неприятная крысиная мордочка, нос и губы вытянуты вперед. Этот, с крысиной мордочкой, сказал: «Ничего, Сашка, не так уж мы набрались». И потом он же трясет этого Сашу за плечо, тащит за руку из кабины и кричит: «Смотри, Сашка, что ты наделал». И куча тряпья на дороге. Возможно, это человек. Больше ничего.

— Нетрудно придумать после моих объяснений, — заметила Анна Львовна скептически.

Но лицо профессора выражало живой интерес:

— За какую руку тащили Сашу? За какое плечо трясли?

— За эту! — Юля ткнула себя в правое плечо. — За правую. И вытащил направо.

— Вот вы и напутали, милая, — вмешалась докторша. — Шофер сидит слева, его налево должны были вытаскивать. Не хватало у вас воображения.

Профессор остановил ее жестом.

— Припоминайте, дарование, все детали. Сашу из-за руля вытаскивали направо?

Юля придирчиво проверила картинки, мелькнувшие в мозгу больного.

— Руля он не вспоминал. В памяти было: трясут за плечо, перед глазами стекло, за стеклом темные кусты. Почему кусты? Наверное, машина стоит боком, носом к кювету. Кювет, освещенный фарами. И это крысиное лицо. Больше ничего. Нет, руля не было.

Профессор забежал по кабинету в непонятном волнении. Потом остановился, выхватил из портфеля фотографию.

— Последнее испытание. Который?

На фото был изображен выпуск какого-то училища. Как водится, в среднем ряду сидели на стульях преподаватели. У их ног лежали, рядом с ними сидели, а за спиной стояли парни в черных форменных куртках. Юля без труда нашла Сашу в заднем ряду, а крысиную мордочку среди лежащих на переднем плане.

— Вот он!

Профессор развел руками:

— Ну, дарование, что-то в вас есть. Этого вы не могли знать, этого я сам не знал до сегодняшнего утра. Следовательно мне по телефону сказал. Именно так и разматывали. Кто-то из деревенских припомнил, что Сашу вытаскивали из кабины через правую дверцу, стало быть, едва ли он сидел за рулем, а если не он был за рулем...

Круто повернувшись на каблуках, Леонид Данилович подошел к всхлипывающему больному, положил ему руки на плечи:

— Встань, Саша. Слушай меня внимательно. Ты не виноват. Машику вел Дроздов, твой напарник. Это он сшиб Надину маму, Дроздова, а не ты. Сшиб и хотел свалить вину на тебя. Но его изобличили, он признался. Ты не виноват. Можешь вернуться в колхоз. И Надя на тебя не в обиде. Ты не виноват.

— Да ну? — сказал больной. — Это правда, доктор?

Исцеление произошло на глазах, словно врач был чудотворцем. Плаксивая гримаса обиженного ребенка сползла с лица мужчины, сползла словно маска, словно бумажка с переводной картинки, мимика стала нормальной, голос твердым с ясным раскатистым «р». Так клоун, сойдя со сцены, стирает шутовской грим, балаганная роль кончена.

— Уведите и дайте снотворного, — распорядился профессор.

Анна Львовна бурно восхищалась и превозносила профессора, Леша пожал ему руку, сестры смотрели с удивлением. Юля подумала, что не будь Педагогического, пошла бы она в Медицинский, стала бы врачом и лучше всего психиатром. Такое великое дело — помогать больным встать на ноги, нечеловека сделать человеком. Не в том ли смысл папиного аппарата, чтобы помогать медикам? Впрочем, сегодня не аппарат помог. Истину раскопал следователь, а профессор излечил.

И тут Леша вторгся в паузу:

— Леонид Данилович, но вы собирались показать работу вашего ума.

— Да-да, собирался. Собирался, обещал и выполняю. За удачу не ручаюсь, но усилия приложу. А вы, Анна Львовна, подберите мне какого-нибудь новичка, из тех, кого я еще не обследовал. Желательно сомнительный случай. Есть у вас сомнительные, Анна Львовна?

Докторша засуетилась с готовностью:

— Есть, Леонид Данилович, как бы нарочно для вас, Леонид Данилович. Ярко выраженные симптомы: манерность речи, разорванность мышления, бредовые сверхидеи, лжеузнавание. И вместе с тем адекватная мимика, открыт, социален, в быту опрятен, чистит зубы... Приведите Стодоленко из девятой палаты, сестра.

— А вы, дарование, приготовьтесь, — сказал профессор, садясь подле Юли. — Старайтесь следить за мной, не за больным. Ну, если за двумя умами уследите, тоже не скверно. Но что у больного заметите, не говорите... Про себя держите. Запоминайте, потом скажете.

На этот раз нянька привела статного черноглазого юношу с модной бородкой. Он был бы даже красив, если бы не стриженный под машинку голова. Окинув быстрым взглядом присутствующих, юноша еще с порога обратился к Юле:

— Вам очень повезло, незнакомка, что вы встретили меня на своем жизненном пути. Отныне ваше счастье в надежных руках. Да, именно я — Валентин Первый, король любви, властелин любви, парламент любви, любвеиндел этого мира. Вы прелестны, не отрицайте, не отпирайтесь, не отнекивайтесь. У вас удивительные глаза, ваши щеки так мило краснеют, это не укроется от моего зоркого взора, призора, подзора. Валентин Первый, король любви, любвеиндел. Ваше счастье определено и утверждено астрологически, амурологически, генеалогически, гетерологически, армо-астрогеологически...

В таком духе он плел минут десять, нанизывая слова, осмысленные и бессмысленные. И те же слова отдавались в его мозгу чуть шепелявым эхом. Но все-таки он устал, перевел дух и, как обычно, в паузе громко прозвучали побочные мысли:

— Девчонку-то я охмурил, выложил все приметы, как в учебнике. Анюта не распознала, практикантке куда же? Мужчина меня тревожит. Ладно, выдам еще порцию...

Юля обернулась к профессору, даже рот раскрыла, чтобы сказать: «Готово, все ясно!» Но Леонид Данилович остановил ее жестом, и на свой лоб показал: «Сюда направьте внимание».

Мнимый больной продолжал плести свое — о короле любви.

— Прекрати, Валентин, — сказал профессор четко.

Тот сбился, кинул на него быстрый взгляд, вспомнил, что он не должен замечать замечаний, и понес свое. Профессор прервал его снова.

— Валентин, достаточно! Мы уже разобрались, лечение получишь, какое полагается. Уведите его, сестра.

Когда короля любви увели в палату, профессор обратился к Юле:

— Ну-с, молодое дарование, каков ваш диагноз?

— Симулянт.

— Почему вы так решили?

— Я не решала, я слышала: «Девчонку-то я охмурил, выложил все приметы, как в учебнике. Мужчина меня тревожит. Ладно, выдам еще порцию».

— Ну-ну, допустим. Но я такого не слышал. Почему же я решил, что он симулянт. Как работала моя интуиция?

— Мне не так легко изложить словами, — сказала Юля. — Вы думали не только словами. Смотрели на него пристально, в голове держали его лицо. Внимание перемещалось, выделяло то уши, то подбородок, то цвет кожи, то голос. Всплывали отдельные термины: «мутичность», «резонанс», «открытость». Лицо поворачивалось, как будто прикладывалось к каким-то теням. Потом всплыло совсем другое лицо, но с такой же тонкой шеей, мальчишеской. Кто-то громко сказал — «адекватность». И еще одно лицо появилось — удлиненное с густыми седыми усами, как бы обрубленными. После этого вы крикнули: «Прекрати, Валентин!» И когда он осекся, подумали: «эмоции адекватные, так и следовало ожидать!»

Профессор слушал, ловя каждое слово, всплескивая руками, даже встал от волнения.

— Дарование, я потрясен! Вы феномен, подлинный феномен. Это

поразительно интересно, то, что вы рассказывали. Да, именно так шли мои мысли, хотя отчета я себе не отдавал. Кто же может сосредоточенно думать и одновременно регистрировать думы? Да, я напряженно всматривался в него, думал, на кого он похож. Кто же это такой, с тонкой шеей? А-а, вспомнил — когда я был еще студентом, нам демонстрировали новобранца, уклоняющегося от службы, он тоже симулировал шизофрению. Мой учитель демонстрировал — это он сядоусый. И он говорил: «Симуляция шизофрении редка — ее трудно симулировать. И в таких случаях обращайте внимание на адекватность эмоций, на соответствие чувств, иначе говоря. Шизофреник погружен в свои мысли, его трудно испугать, огорчить, смутить. Настоящий больной не испугался бы ответственности, у него сверхидея — он король любви, он всюду приносит счастье. Значит, вы говорите, что я всматривался в больного. И прикладывал к каким-то теньям, так и этак поворачивая. Удивительно интересно. Что же это за тени? Вероятно, эталоны памяти. Значит, такова система узнавания — прикладывание к эталонам памяти. Опыт — обилие эталонов. Интуация — мгновенное использование множества эталонов. Потрясающе любопытно! Но это надо проверить, проверить много раз, на различных мозгах. Надеюсь, вы не оставите меня, дарование. Мы должны провести много-много опытов. Это только самое начало нашей работы.

Он снова и снова выпрашивал Юлю, восхищался, просил все припомнить и записать, твердил, что все это очень важно, очень спорно и остро необходимо. Взял слово приезжать каждое воскресенье, с энтузиазмом выслушал идею изучения гениев, дополнил список, обещал поискать талантливых людей среди своих знакомых, уговорить их отдать свои головы для прослушивания, проводил Юлю до ворот, даже руку ей поцеловал на прощание. Но в последнюю минуту вдруг подумал: «Зря отпускаю я ее. Не девушка, золотое дно для ученого, источник десятка диссертаций. Умный человек держал бы ее при себе, в своем отделении, в больнице. И в сущности, не без оснований. Конечно, она за пределами нормальности. Поискать, наверняка найдутся отклонения. Пока выяснится, пока уточнится, вот и материал наберем. Решительный человек на моем месте... Позвать санитаров, что ли? Да нет, Леонид Данилович, это уже подлость, это за гранью приличного поведения. Уж лучше поухаживай. В молодости ты умел...

— Ничего не выйдет, — сказала Юля. — Это тоже за гранью.

Как покраснел профессор! Юля никогда не видала, чтобы пожилые люди могли так по-детски краснеть. Щеки запылали, уши зарделись. В два прыжка он догнал Юлю, схватил ее за руки:

— Вы не должны сердиться, Юля. Ну мало ли, что в голову взбредет. Это неправильные мысли, я их отбросил, вы же слышали, что отбросил. Вы не имеете права сердиться, опасный вы человек, вы обязаны меня простить. Ну хотите, я на колени встану прямо в пыль...

Обратный путь. Та же дорога наискосок через картофельное поле. Только теперь на ней не ручей голов, а усталые одиночки с пустыми сумками. Усталые, снижшие.

— Что он подумал? За что просил прощения? — допытывался Леша. Лишь отойдя на километр, Юля рассказала ему о невольных мыслях

профессора. Леша был возмущен, хотел тут же бежать назад, объясняться, требовать... а что требовать? Юля с трудом удержала Лешу. Извинения получены... что еще? На дуэль вызывать, что ли? На скальпелях и стетоскопах?

— И если он хочет ухаживать, почему вы должны препятствовать? Какие у вас права? — сказала она с вызовом.

Потом они долго ждали на платформе, постепенно заполнявшейся женщинами с пустыми кошельками. Юля сказала:

— И все же мысли читать ни к чему. Симе вашей я не помогла и врачам тоже не помогла. Без меня следователь разоблачил этого Дроздова, без меня медики ставили диагноз. Что я сделала самостоятельно? Леонида Даниловича вогнала в краску? Зачем? Он дельный специалист, опытный, чуткий к новизне. Пакошь ему пришла в голову. Так нечаянно же. Разве можно удержать мысли? Помните случай из истории Ходжи Насреддина: «Вы станете бессмертными, если не будете думать о белой обезьяне». Попробуйте не думать. Сама влезет в голову.

Трубила электричка, проносясь мимо осенних, уже тронутых желтизной поредевших рош. На соседних скамейках привычно толковали о курсах аминазина и инсулиновом шоке, синдромах, симптомах...

— Надо научиться, — упрямо твердил Леша. — Общественная жизнь требует вежливости. Только дикарь-одиночка решал все споры зубами и кулаками. Жители многолюдных поселений научились держать руки на привязи, без этого жить рядом нельзя. Душу отводили только руганью. Люди же культурные научились держать язык на привязи, вообще не ругаться, без этого дела обсуждать нельзя. Видите, как идет история: чем теснее общение, тем больше требуется сдержанности. Человек будущего должен и мысли свои воспитать, никого не оскорблять даже мысленно. За то ему достанется преимущество коллективного думанья. Мусор люди выбросят из головы, мозг будут содержать в опрятности. Без этого нельзя приглашать чужого в свои мысли.

— Но это невозможно, это утомительно, наконец, — возражала Юля. — Смотрите, яркий пример: Леонид Данилович, культурный человек, и то сорвался. Вообще нельзя из своей головы устраивать проходной двор. Я хочу иметь собственный уголок, личный.

— Пожалуйста, у вас на даче своя комната, но гостей же вы приглашаете в нее. Чем вы дорожите — возможностью ругаться мысленно, воображать неприлично? Наведите опрятность, сделайте уборку мозга.

— Я думаю, опрятных мозгов не может быть.

— У людей будущего должны быть. Надо тренироваться.

— Не знаю, я бы никому не разрешила входить в мою голову. И никто не разрешит.

— А я разрешу.

— Сейчас? Прямо сейчас? — Юля неосторожно потянула руку к защелке викентора.

И вдруг Леша испугался.

— Нет, сейчас не надо. Пожалуйста, Юля, сейчас не надо. Я не готов. Действительно, надо провести уборку...

После этой поездки Леша исчез надолго. Прошла неделя, вторая

началась и кончилась, а он не являлся. В первые дни Юля отрывала листок календаря, победно посмеиваясь: «Вот, нелегко, оказывается, убрать свою голову дочиста. Обещать-то обещал, но протри каждую извилину, попробуй». Посмеивалась, а сама думала: «Приятный малый этот Леша. Упрямый чудак, но приятный. У каждого свои затеи, у него — анушающие уважение. Пожалуй, человеку, умеющему жить с открытой головой, можно и викентор вручить. Можно... но вот и у Леша не получается. Что-то скрывает он все же, чего-то стесняется».

Потом Юля начала беспокоиться или скучать. Себя-то она уговаривала, что беспокоится. Почему исчез надолго? Может, случилось что, лежит больной, нуждается в помощи, а она не навещает его из-за глупого самолюбия. Надо взять Лешин адрес на службе или в Мосгорсправке...

И тут Леша сам позвонил в общежитие.

— Кажется, я готов к зачету, — сказал он. — Назначайте время.

Юля чуть не брякнула: «Хоть сейчас!» — Вовремя удержалась.

— В воскресенье я буду на даче, — сказала она. — Буду ждать с утра.

Всю субботу она занималась уборкой: мыла полы, выстирала скатерти, цветы расставила на столах. И в лаборатории убрала, выписки разложила по порядку. Мысленно сказала себе:

— Если выдержит экзамен, покажу ему... кое-что.

С утра села у окна с книжкой. Просидела полчаса, потом заметила, что держит вверх ногами. День был прозрачный, небо незамутненное. Прознательно-желтые листья падали с тихим лепетом, паутинки поблескивали на солнце. Из углового окна Юля видела дорожку, ведущую к вокзалу, где прохожие появлялись стайками. После каждого поезда — стайка, хоть часы проверяй. Эти с поезда 9.27, эти — с 9.44, эти — с 9.59...

«Юля, что с тобой? Кажется, ты ждешь с нетерпением мальчишку. А ну-ка, марш от окна!»

И тут Леша показался на опушке. Вышагивал в ослепительно белой рубашке, при галстук и в пиджаке. И нес букет настоящих роз, белых и пурпурных. Видно, из города тащил, на станции таких не продают. Подходя к калитке, застенялся, спрятал было цветы за спину, но, поколебавшись, выставил перед собой: дескать, мысляю открыто, живу открыто, иду к девушке с цветами, и пусть все видят.

Юля кинулась к дверям, да спохватилась на полпути. А как же аппарат? Надевать или нет? Стоит ли читать сокровенные мысли, не откроется ли что-то неблагоприятное, как у мусинного Бориса? Зачем ей еще одно горькое разочарование?

Но разве она сомневается в Леше? Идет к ней человек с открытым сердцем, открытой головой, чистыми мыслями, предлагает мыслить совместно.

Вы бы включили?

ЗАГАДКА РУКОПИСИ № 700

[Из записок коллекционера]

С тех пор как в печати появились первые публикации из моего собрания редких рукописей, я стал получать документы, поражающие даже специалиста, привыкшего к редкостям. И порой из самых неожиданных источников, удивительными путями: голубиной почтой, например, отошедшей, казалось, в невозвратное прошлое.

Но даже среди моих редкостей рукопись, о которой пойдет речь, безусловно выделяется.

Год назад мне позвонил знакомый, заведующий ларьком по скупке утильсырья Иван Иванович Лухов, и попросил безотлагательно зайти.

Лухов — очень интересный, универсально образованный и благороднейший человек. Когда-то он был знаменитым антикваром, потом — букинистом, но, как он говорит, «вследствие общего упадка антикварного дела», а по другим сведениям — по причине свойственной ему некоторой слабости, докатился до нынешнего положения.

Ларек его больше напоминает диккенсовскую «Лавку древностей», чем место сбора утиля. Для меня все там полно поэзии. В полумраке холодного деревянного строения с грязным окошком, затянутым паутиной, кроме старинных предметов, я различаю нечто не обозначимое: дымку времени, воздух старины, запахи прошедших столетий.

Тут можно увидеть медные, чуть позеленевшие ступки, до краев заполненные ароматами корицы, имбиря, кардамона, которые толкли в них хозяйки в державинские, а порой, кажется, еще прежде, чуть ли не в гомеровские времена.

Теперь таких ступок не изготавливают.

Тут можно увидеть подозрную трубу, сестру пераых галилеевских, пузатый самовар без крана, тома «Свода законов Российской империи», захватанные руками давно исчезнувших крючкотворов, и издания, посвященные оккультным наукам, старые иконы, прялки, лубки, старые гравюры и многое иное.

Кажется, что все эти предметы излучают слабое сияние, а паутина и грязь в окошке — не след небрежности, они для того, чтобы не дать дневному свету, который завтра станет вчерашним, но теперь так силен, затемнить это сияние, прошедшее через века.

Забросив срочные дела, я поспешил на зов Ивана Ивановича.

Ларек помещается вблизи свалки, к нему ведет по пустырю извилистая тропинка.

Иван Иванович, лишь только я открыл дверь, бросился в дальний угол и мгновенно вернулся с увесистым деревянным предметом, который и протянул мне.

— Вот, — сказал он взволнованно. — Вот он а.

— Так это же... гм... Это же ножка стола, — вынужден был я сказать, взяв предмет и поднося его ближе к глазам.

Несомненно, как мне тогда показалось, это была просто ножка стола, старого, очень массивного.

Пахло от нее деревянной трухой.

Ошибка, которую я заранее признаю, заключалась в коварном слове просто.

— Да что вы... Да как вы можете, — с отчаянием в голосе вскричал Иван Иванович.

Он хватался руками то за грудь, то за облезлую раму картины, за примус, за свисающую с потолка венецианскую люстру, за небольшой колокол, который начал быстро и торжественно звонить медно-серебряным голосом. Все движения старика выражали смятение и обиду.

Потом он приоткрыл дверь, резко повернулся ко мне и замер.

Было уже вечер. Косой луч закатного света охватил ножку стола как бы красным пламенем.

— Но это же рукопись, — отчаянно, но совсем тихо бормотал Иван Иванович... — Жемчужина для вашей коллекции... По сравнению с этим все бесценное, накопленное вами, — гниль! Поверьте чутью антиквара: оно не обманывает.

У Ивана Ивановича действительно редкое чутье к предметам старинным, заключающим секрет. «Чувство тайны», — сказал бы я.

Ножка стола притягивала луч. Будто луч этот ворвался в пыльное помещение, чуждое свету, как пылкий любовник в каморку, где затворена его милая, чтобы свидеться с нею.

На свету предмет заискрился.

Показалось, что искры — воображаемые, результат гипнотического воздействия голоса старика. Потом, когда я убедился в их реальности, на ум пришло прозаическое объяснение: дерево источено жучком. Неприятный запах трухи подтверждал догадку.

В догадке этой, как показало дальнейшее, и заключалась сторона истины, но лишь одна грань из множества.

— Искры... искры!..— бормотал Иван Иванович.— Ритм! Обратите внимание на ритм. Контрапункт! Письмечка, что же еще! Ритм музыкальный и строго математический.

...Колокол звенел слабее и слабее. Закат мерк, как бы истратив всю энергию на то, чтобы вызвать к жизни эти искры.

Я ушел от Ивана Ивановича с нелепой покупкой или, вернее, подарком. Деньги Иван Иванович неотрез отказался взять.

Дома я не забросил предмет в чулан, а положил на стол и даже наклеил этикетку с порядковым номером «рукопись № 700» все из-за той же любви к старику, которая смешивалась с некоторой робостью, вызываемой его кровным родством с давно ушедшим из памяти человеческой.

Я знал, что Иван Иванович не забудет о «рукописи», и ожидал его визита, но не так скоро.

А явился он на следующее утро, хотя был человеком предельно тактичным. И кому лучше было знать, что уже двадцать лет я твердо установил для себя: утренние часы, без единого исключения — от шести до часу пополудни, посвящать своим манускриптам, им одним.

— Простите... простите,— бормотал он, после длинного нетерпеливо-резкого звонка появляясь в моем тесном кабинете.— Я сознаю... Однако же, решился... Должен...

Он смотрел мимо меня, косо, на стеллажи, опасаясь, видимо, что если наши взгляды встретятся, решимость его не выдержит.

— Должен! — повторил он.— Мало того, что отвлекаю от занятий, принужден еще и увезти вас... В Институт кристаллографии к академику Рысакову. Пожалуйста, пожалуйста, не спорьте! Нет, это ничего, что предмет деревянного, а не кристаллического существа. Я консультировался. Такси у подъезда. И счетчик включен.

Странно, но именно упоминание о счетчике решило вопрос. Есть какая-то сила в стукающем — хотя я и не слышал его — торопящем, зовущем в путь счетчике, как в торопящем тиканье часов, в лихорадочном биении сердца.

К тому же я знал, что Иван Иванович не позволит мне заплатить за такси, а средства его крайне ограничены.

Я накинул плащ, бросив тоскливый взгляд на валяющуюся среди бумаг лупу.

В лифте я ворчливо справился у Лухова:

— Тоже из клона реликтов ваш Рысаков?

«Клон реликтов», — именно с этим отмирающим «клоном» вместо «клуба», выражение Лухова. Им он объединяет многочисленных знакомых, людей самых различных специальностей — археологов, музыкантов, математиков, филологов, физиков, даже цветоводов, проявляющих глубокий интерес к старине.

— Да, да... Реликт. Но совсем молодой человек. Талантливейший. Превосходных душевных качеств, вы сами убедитесь, — многословно отозвался Иван Иванович, принимая вопрос за формулу примирения.

Рысаков встретил нас чрезвычайно приветливо, а с Луховым даже облобызаясь.

В тонком и подвижном лице Олега Модестовича Рысакова поражали

темные блестящие глаза. И не своим особенным блеском, а тем, что с самого нашего прихода они как бы вобрали в себя предмет, бережно прижимаемый к сердцу Иваном Ивановичем.

Академик был молчалив.

Взяв предмет движением точным и экономным, он повернулся к окну и долго разглядывал его. Уже направляясь к двери, сказал:

— Хм... Поглядим...

Миновав пустой коридор, мы очутились в длинной комнате с потолком, полом и простенками из неяркого голубоватого пластика. В конце комнаты виднелась полукруглая скамья со спинкой, и перед ней наклонная доска пульта со множеством кнопок, лампочек и рычажков. В стене позади скамьи сверкали круглые отверстия, что делало помещение похожим на кинозал.

Стена напротив двери была стеклянная — от пола до потолка — и выходила в старый парк. Посреди комнаты виднелись тоже голубоватые и потому не сразу различимые тонкие удлинённые конструкции: они представлялись скульптурами абстракционистов, а потом как бы ожили и стали походить на акробатов с протянутыми руками, замерших под куполом цирка.

Рысаков подошел к «акробатам», оказавшимся просто штативами из серебристого металла. Рукопись № 700, закрепленная зажимами, повисла в воздухе.

Академик положил руки на пульт. Пальцы его заскользили по кнопкам и рычажкам. Теперь он напоминал пианиста.

Было очень тихо.

Сдвинулись шторы на стеклянной стене, и помещение погрузилось в чернильную темноту. На приборной доске звездами загорелись цветные сигнальные лампочки. Невидимый источник белого света разрешил темноту. Стало видно, как из стены позади нас плавно и хищно выдвигаются тубусы со стеклянными линзами. Напротив приборной доски раздвинулся светлый занавес, открывая экран.

Свет снова погас, но сразу же черноту пробили узкие лучи: красный, зеленый и магниевой белизны. Они скрестились на середине рукописи, отчего дерево засверкало множеством искр, как тогда, в ларьке, но гораздо ярче. Лучи вовлекли в световой поток искры и перенесли на экран. Свет временами гас: можно было догадаться, что рукопись зондировала импульсы невидимых частей спектра. Когда восстанавливался полусвет, видно было, как с потолка спускаются зеркала и огромные фотокамеры.

Рукопись начала медленно вращаться, штативы снова походили на фокусники в голубых трико.

Зеркала приближались, словно обнюхивая рукопись. Точки на экране слились в линии, похожие на зигзаги молнии. И вдруг с такой неожиданностью, что Иван Иванович вскрикнул, явственно промелькнули буквы, части буквы готического начертания. Казалось, можно определить и почерк — острый, с сильными нажимами, крайне странный и при этом утомительно однообразный.

Потом шторы на стеклянной стене раздвинулись. Комнату заполнил

яркий полуденный свет и тени листьев. Было до удивления приятно любоваться парком: милый реальный мир.

— Как мог человек через отверстия извне, ведь их так немного, выточить бесчисленные вереницы букв и слов? — сам себе говорил Рысаков.

— Китайские резчики вырезают из слоновой кости кружевное лицо, и в нем сквозь прорезы второе, третье, десятое, — сказал Иван Иванович.

— Хоть сотое! — перебил Рысаков. — Тут сложность на несколько порядков выше. В природе чем результаты опыта парадоксальнее, тем больше надежд открыть нечто новое, но в делах человеческих невероятное внушает подозрение. А если это действительно выточено жуком-древогрызом? Мыслящий жук гипотетически возможен, хотя и безмерно менее представим, чем мыслящий дельфин. Нет, малый вес мозга — не исключаящий довод в эпоху, когда природа раскрывает такие микроструктуры, как хромосома, тот же атом... — Хорошо, представим себя мыслящего жука, но нельзя же вообразить жука, пишущего готическим шрифтом?..

Рукопись совершила еще круг и замерла. Тубусы, зеркала, фотокамеры втянулись в стены и потолок. Все стало обычным.

Олег Модестович сказал:

— А если автономный металлический микролезец в мощном электрическом поле, управляемый извне человеком?.. Снова натурфилософия и овес-овсюг, — как я заметил, словосочетание «натурфилософия и овес-овсюг» означало в устах Олега Модестовича крайнюю степень вздора. — Нет, прежде надо прочитать рукопись, не думая об авторе.

Расшифровка рукописей никак не вязалась с профилем Института кристаллографии, но Рысакову при его громадном авторитете удалось внести тему в план под «кодовым» названием «Кристаллические включения в растительные объекты». Приказом по институту была образована временная рабочая группа, руководимая Олегом Модестовичем Рысаковым и Иваном Ивановичем Луховым.

— Римские трибуны, — сказал Лухов Рысакову. — Надеюсь, мы с вами окончим дни благополучнее, чем Гракхи.

Рысаков выхлопотал для Лухова денежное вознаграждение по «бездлюдному фонду» — прекрасное своей нелепой печальностью лингвистическое новообразование; эта оплата успокоила мою совесть.

Для работы предоставили ту самую комнату, где проходил первый эксперимент — тихую, отлично оборудованную.

Комплектовал рабочую группу Лухов. Он включил в нее своих старых друзей из «клуба реликтов»: полиглота, знатока тайнописи со звучным именем Ромео Альбертович Талкани и археолога, отставного университетского профессора Петра Климовича Кущева. Кушев был болезненно худ и молчалив. В институт он являлся, как на службу, к девяти, с какой-либо старой книгой — по преимуществу словарем или подшивкой журналов и весь день проводил, листая принесенный том. Он был совершенно бесстрастен и только жесточайше обижался, по-детски краснея, когда рассеянный Рысаков называл его Кашеевым вместо Кущева. Позднее Иван Иванович пригласил в группу черноглазого, красивого кандидата биологических наук Александра Михайловича Мудрова.

Сотрудник института доктор физико-математических наук Яков Борисович Адамский принял на себя руководство экспериментальной частью, то есть бесчисленными фотографированиями рукописи.

Все члены группы по списку, составленному Иваном Ивановичем, пропускались в институт даже без проверки документов, согласно специальному распоряжению Олега Модестовича. Беспрецедентный порядок вызывал молчаливое негодование вахтеров и коменданта.

В конце второго месяца работы казавшийся поначалу «бесполезным» Александр Михайлович Мудров сделал принципиально важное открытие. Он высказал предположение, что рукопись читается по линиям годовых древесных колец. Гипотеза подтвердилась. С тех пор обрывки слов и фраз, неимоверным трудом выуживаемые из сопоставлений сотен снимков, стали соединяться в осмысленный текст.

— Чутье, — сказал Рысаков, — или инстинкт, по любимому слову Лобачевского. Они только и делают ученого ученым.

Расшифровка рукописи, кроме трудностей, обусловленных способом ее написания, «вырезания», «выгрызания», осложнялась еще тем, что записи на немецком языке прерывались словами и терминами иноязычного происхождения, изображенными латинскими или арабскими буквами, а в иных случаях чем-то вроде иероглифов. Такие слова особенно поражали при общей канцелярской обыденности текста, вызывая чувство, какое может возникнуть у путника, пересекающего безжизненное плато, если перед ним внезапно оказывается провал без дна.

Оставалось надеяться на Ромео Альбертовича с его знаниями полиглота.

Однажды встретились непонятные слова «ратлок» и «саглократлок». В дословном переводе фраза звучала так: «Одно то, что свойством письменности может владеть ратлок, а не только саглократлок, влечет к нарушениям порядка (регламента, протокола) и не должно быть терпимым».

Тут проявилась одна характерная черта рукописи. Автор ее добивается прежде всего жесткой ясности. Особенно разяще эта черта выступала в иноязычных включениях. Так, если в русском языке слово «тюрьма» происходит, как пояснил Талиани, от латинского *Turma* — эскадрон, толпа, то в рукописи применено древнее иноязычное выражение — «помещение без выхода и не могущее иметь выхода». Соответственно, «тюремщик», немецкое *Kerkermeister* — «тюремный надзиратель» заменено словом, означающим — «страж помещения, не имеющего выхода». Вместо слова «палач», у нас берущего начало от тюркского «пала» — большой нож, в рукописи встречается другое, кажется, санскритское слово — «казнитель» или «лишатель (отниматель) жизней». Вместо «судья» — человек, решающий, виновен ли подсудимый, автор предпочитает понятие «осудитель».

— «Саглок»... «саглократлок», — повторил Ромео Альбертович, рассматривая фотографию, где отчетливо выделялись приведенные загадочные слова. — Пойдите... Да ведь на пресловутом лашенхорском — «саглок» — жук, «ратлок» — человек... А «саглократлок» — что-то вроде «жукочеловека».

— Жукочеловек? — с интересом переспросил Олег Модестович, кото-

рый часто среди дня забегал к нам. На лашенхорском?.. Каюсь, никогда не слышал о таком языке. А почему «пресловутый лашенхорский»?

— Видите ли,— охотно объяснил Талиани,— лашенхорский происходит от наименования поселка Лашенхоры в Трансильвании, близ которого малоизвестный археолог Карл Бенкс производил раскопки. Он обнаружил пять или шесть каменных таблиц на языке, не имеющем лингвистического родства с другими известными языками, и одну из таблиц расшифровал. Как ему удалось найти ключ к текстам, Бенкс утаил. Сам он отнес таблицы к четвертому тысячелетию до нашей эры. Тут все сомнительно. Тем более, что вскоре при землетрясении раскоп провалился в тартарары.

— Сомнительно в глазах большинства ученых, но не всех,— менторским тоном поправил профессор Кушчев.— Способ расшифровки Карл Густав Бенкс не «утаил», а не успел сообщить, так как скоропостижно скончался сразу после выхода в свет его «предварительного сообщения». И Бенкс относил открытую им культуру не к четвертому тысячелетию до нашей эры, а к шестому-седьмому.

— Спасибо, профессор Кушчев,— небрежно поблагодарил Рысаков, выслушав справку.— Ваши... хм... уточнения крайне существенны... Значит, «жукочеловек»? — Рысаков обернулся к Талиани.— Пахнет мистификацией... Но тратить на мистификацию годы!.. Такое таинственно изощренное мастерство?

— Кушчев! Извините, не Кушчев, а Кушчев,— поправил профессор, все еще пунцовый от обиды.— И мистификации часто стоят затраченных усилий. История человечества знала мистификации, которым верили не годы, а целые эпохи. Не так ли? И... простите,— Петр Климович взял из рук Талиани фотографию.— В публикации Бенкса была иллюстрация, в свое время вызвавшая особый интерес. Схематические фигурки: жук-человек, жук-человек. Помнится, они походили на это.

Кушчев поднялся, и подойдя к Рысакову, показал ему что-то в углу фотографии.

Я заглянул через плечо Олега Модестовича. Разрывая строку, смутно выступали крошечные фигурки, нечто вроде детских рисунков: при желании в них можно было разглядеть и удлинённых жучков с тремя парами ножек и человечков.

В конце рабочего дня Мудров принес результаты лабораторных анализов. Оказалось, что древесина рукописи принадлежит к *Pinus silvestris* — сосне обыкновенной, срубленной не в древности, а несколько десятилетий назад.

— Десятилетий? — переспросил Петр Климович, багровея, но на сей раз от обиды за рукопись.

— Именно! — отрезал Мудров и продолжал: — По характеру солевых включений и скелетам микроорганизмов, впященных во внешние слои древесины, можно утверждать, что так называемая «рукопись», прежде чем принять нынешний облик, длительное время соприкасалась с океанскими водами.

— Она из А-а-атлантиды... Со дна о-о-океана... Я давно, с самого

начала... — возбужденно, заикаясь от волнения, заговорил Иван Иванович.

— Повторяю, сосна срублена несколько десятилетий назад, — резко перебил Мудров, хотя обычно был подчеркнуто предупредителен, даже нежен с Луховым. — И вряд ли в Атлантиде росла *Pinus silvestris*. И уж совсем сомнительно, чтобы атланты изъяснялись на немецком, да еще отнюдь не гётевском. — Мудров улыбнулся, словно прося прощения за вспыльчивость. Передохнув, он продолжал: — Дерево подвергалось воздействию океана, то есть предположительно было частью корпуса корабля или мачты, последнее всего вероятнее; анализ обнаружил следы выделений морских птиц...

Мы обескураженно молчали.

Окончив сообщение, Александр Михайлович быстрым и нервным шагом пересекал комнату из угла в угол. Остановившись перед Иваном Ивановичем, он сказал голосом, полным глубокого сожаления:

— Я сделал все, что в моих силах. Дальнейшая работа не имеет ни малейшего отношения к подлинной старине, любовь к которой привили мне именно вы, дорогой Иван Иванович. Я ваш вечный должник. По всему изложенному я должен искренно и сердечно пожелать вам счастья, всем вам, — Мудров по очереди поклонился каждому. — Пожелав счастья и удачи, я отказываюсь от дальнейшего участия в работе.

Он шагнул к двери.

— Пойдите! — воскликнул Иван Иванович. — Да вы понимаете ли, что говорите!

У старика перехватило дыхание, и он замолчал. На глазах его выступили по-детски крупные слезы. Иван Иванович сердито смахнул их. Мудров стоял понурившись, ни на кого не глядя.

Я счел необходимым вмешаться, хотя сознавал, что мои слова не успокоят товарищей. Научное исследование невозможно без известной доли безжалостности. Наступило время с максимальной полнотой представить себе ценность сделанного и перспективы дальнейшего труда.

Я сказал об этом и попросил неделю для подготовки доклада. Мы разошлись, недовольные друг другом.

Всю неделю я работал, выключив телефон, буквально круглые сутки. В науке «бесстрашие» — синоним научной объективности. И все-таки мне пришлось изменить этой неременной объективности.

Я монтировал отрывки рукописи, расшифрованной едва ли на двадцать процентов.

Как избежать известного произвола? Но я был вынужден прокомментировать отрывочный неполный текст, сделав некоторые выводы. Другого выхода не оставалось.

...Записи в рукописи отделяются друг от друга рисунками или иероглифами, изображающими — кажется, прав был Куцеев — жучков и члеников. Каждый отрывок озаглавлен одной из трех рубрик: «Данные», «Мнение», «Наблюдение». Под рубрикой «Данные» автор (в дальнейшем я буду называть его «икс») группирует сведения автобиографического характера. Иногда «икс» именует себя в третьем лице — «он», а затем, не оговариваясь, переходит к изложению от первого лица. Перед каждым

«наблюдением» обозначены долгота и широта в градусах, минутах и секундах.

Загадочно, как «икс», если принять, что это жук, мог без инструментов, не имея возможности ориентироваться по Солнцу и звездам, с такой точностью определять координаты. Либо «икс» обладал фантастически точным чувством ориентировки. Либо... Либо... вот еще один довод в подтверждение того, что «рукопись № 700» — мистификация.

И мне не больно было бы согласиться с этим, а для Ивана Ивановича и, кажется, для Петра Климовича тоже это означало бы рану в сердце.

Наступило утро моего доклада.

Прежде чем идти в нашу комнату, я зашел за Олегом Модестовичем. Стенные часы в кабинете показывали девять. Кивнув мне, Рысаков продолжал выговаривать за что-то коменданту, приземистому человеку с расплывшимся словно из непропеченного теста лицом. Глаза у коменданта были бесцветно-серые, маленькие. Вглядываясь в них, я спрашивал себя — злые они или добрые? И приходил к выводу, что эти слова не имеют к ним отношения: глазки булавчатые, буравчатые, «востренькие», как выржались в старину.

Слышалось сердитое Рысаковское «натурфилософия, овес-овсюг».

Глуховатый бас коменданта неизменно отзывался: «Возьмем на заметку».

Мы вышли из кабинета в шесть минут десятого. Правая стена, потолок и пол широкого коридора были облицованы матово-белым пластиком. Левая стена стеклянная, как в нашей рабочей комнате, открывала людный проспект. Стекло обладало звукоизолирующими свойствами: машины и троллейбусы бесшумно проплывали за ним, а многочисленные прохожие казались тенями.

Я шел в двух шагах за Рысаковым и комендантом. Возле комнаты пол прорезала длинная трещина.

— Суете нос, куда не следует, а за порядком не следите,— придиричливо сказал Рысаков, открывая дверь.

— Возьмем на заметку,— отозвался комендант.

Все были в сборе.

— Я предупреждал о заседании,— так же придиричливо обратился Рысаков к коменданту.— Озаботьтесь столом, креслами, ну там.. нарзану, что ли. А это,— Рысаков указал на штативы,— озаботьтесь убрать...

Комендант отдал необходимые распоряжения по телефону. Штативы он собственноручно перенес к двери.

Рысаков сел по одну сторону стола, спиной к выходу, пригласив меня как докладчика занять место рядом. Остальные — Мудров, Талиани, Иван Иванович, Кущев и Адамский — расположились напротив.

Я начал доклад с констатации того, что данные, сообщенные Александром Михайловичем Мудровым, делают безотлагательным главный вопрос: что перед нами — подделка или подлинная рукопись? Кто автор рукописи, этот «икс», не мистификатор ли он высокого класса? Тогда результаты его забав должны стать предметом любителей головоломок

и криминалистов. Представить себе гигантский труд, совершенный бесцельно, нелегко. Но, вспоминая хотя бы египетские пирамиды, сведущие историки утверждают, что человека и человечество бессмысленное и бесполезное привлекает иной раз больше, чем жизненно необходимое. С другой стороны, можно ли доказать невозможность существования мыслящего жука?

По тому, как рассеянно слушал Олег Модестович мое вялое сообщение, и по тому еще, что он ни разу не взглянул на рукопись, на которую прежде смотрел с доверчивым вниманием, я не мог не ощутить, что для него вопрос решен.

Решен он и для Мудрова, уставившего скучающий взор в потолок, и для Адамского.

Этот последний, шевеля толстыми губами, время от времени нехотя улыбался: как-то он сказал мне, что, коротая время на скучных заседаниях, рассказывает себе анекдоты.

Иван Иванович сидел, полузакрыв глаза. Лицо Талиани выражало, как обычно, вежливое внимание.

Оживленное всех был Кушеев. Он что-то выписывал из развернутого перед ним оттиска.

Нечего было и пытаться кого-то в чем-то убедить. Да был ли в чем-либо убежден до конца я сам? Откуда бралось тогда непреходящее чувство вины за рукопись и тайну ее перед Иваном Ивановичем?

Я скомкал доклад и закончил его торопливыми фразами:

— За восемь месяцев, точнее — за 247 дней мы расшифровали, по данным Адамского, чуть менее четвертой части текста. Простой расчет показывает, что для завершения работы потребовались бы годы. Каждому предстоит решить для себя, достойна ли рукопись столь самопожертвенной любви. Чтобы облегчить задачу, я собрал и вчерне отредактировал те из расшифрованных фрагментов, которые образуют законченные отрывки. Очень прошу прочесть сводку внимательно и без предвзятости.

Первыми почти одновременно отложили в сторону свои экземпляры Рысаков и Адамский. Оба они обладали способностью читать «по диагонали», как бы фотографировать текст.

Олег Модестович спросил о значении слова «дхарм».

Ромео Альбертович со всегдашней готовностью любезно пояснил, что по буддийскому вероучению сознание, душа, определяется комбинацией неких частиц «дхарм».

— Душевные атомы? — подсказал Олег Модестович.

— Если и «атомы», то крайне мистического свойства. После смерти сознание человека распадается на «дхармы», которые затем по законам, определяемым кармой — воздаянием за грехи, перегруппировываются, становясь душой какого-либо животного и воплощаясь в тело этого животного.

— И насекомого тоже? — быстро спросил Олег Модестович.

— Любого. Рыбы, птицы, тигра, слона, улитки. Все определяется характером и суммой грехов, — повторил Ромео Альбертович. — Помнится, человек, виновный в краже белья, перевоплощается именно в насекомое.

— Как у Кафки в «Превращении», — заметил Мудров.

— Буддисты кое-что помнили, или знали, или догадывались, но все это потопили в мистике. И Кафка кое до чего доходил чутьем. Но у него превращается человек слабый, забитый; а это свойство сильных,— сказал Петр Климович Кушеев, со странной для такой причудливой тирады значительностью.

Бросив на Кушеева сердитый взгляд, Рысаков спросил, как понимать выражение «древнейшая Крэнгская письменность»:

— Разве открытие письменности принадлежит не шумерам и египтянам?

Талиани промолчал, а Кушеев, продолжая писать что-то на узких полосках бумаги, сказал, что «позволит себе» ответить на вопрос позднее.

Последним дочитал сводку Иван Иванович.

Я счел необходимым извиниться за то, что, не обладая литературным даром, оказался бессильным удовлетворительно передать стиль документа, ощущение бесцветности, ограниченности, бесчувственной силы, окватывающее при чтении оригинала.

Говоря это, я понимал, что тоже помимо воли впадаю в ложно значительный тон.

— Я эту бесцветность ощутил,— подумав, сказал Олег Модестович.

— Скорее пародийность... или развязность, или то и другое вместе,— возразил Адамский.

— Конечно! — громко воскликнул Кушеев. — Конечно же!!! Одно другому не мешает. Отнюдь!

Он собрал листки с записями и поднялся, попросив предоставить ему десять минут для «некоторого заявления».

— Даже час,— отозвался Рысаков. — Надеюсь, вы сообщите хоть квант света этой чертовой темноте.

...До сих пор в моих заметках речь шла о событиях, не выходящих за пределы реального. Сейчас, к сожалению, дело меняется. Но прежде чем излагать речь Кушеева, включающую элементы фантастические — иначе их не назовешь, — и описать немногие, уже совсем фантазмагорические события, разыгравшиеся вслед за его речью, полезно ознакомить читателя с текстами из «сводки», розданной мною участникам совещания.

ТЕКСТЫ ИЗ РУКОПИСИ 700

(с примечаниями составителя)

Д а н н ы е.

Порт N (название порта опущено автором, видимо, из соображений секретности.— Л. С.— примечание составителя).

Окончив Училище, он получил назначение занять единственную свободную вакансию *Lyctidae* и отбыл к месту службы — фрегату R, имеющему отправиться в плавание по соответствующему маршруту.

В училищной каютке ему была выдана форма. В новом обмундировании, при кортике, он вышел к невесте фрейлейн Пицци, ожидавшей на улице.

— Ничего?! — спросил он, шутило отдавая честь невесте.
— Кра... кре... кра... — фрейлейн Пицци плакала по нелепой своей привычке и не могла выговорить самых простых слов.

— Красиво!! — догадался он.

Он быстро шел по направлению к порту.

— Перестань реветь, — сказал он Пицци.

— Ра... ра... ра... — сквозь слезы повторяла Пицци.

— Разлука?! — догадался он. — Закончив плавание и совершив надлежащее открытие, я вернусь в порт приписки.

— Какое открытие? — спокойнее спросила Пицци.

— Ты думаешь, что ученый за год до создания новой теории знает, что он откроет именно эту, а не иную теорию? И даже зная суть будущего открытия, разве имел бы я право довериться слабому женскому уму и дурацкой южнобаварской сентиментальности, — заметил он.

Они расстались на пирсе.

Очутившись на палубе фрегата, безлюдной в тот час, он выбрал мачту как место дальнейшего обитания и совершил перекомбинацию дхарм.

Мнение.

В моей резиденции посреди мачты спокойно, тепло и нет режущего глаза света. Я могу всецело обратиться к морским записям. Огорчился отсутствием бумаги, но осознал, что это приведет к важнейшим успехам. С тех пор, как древнейшая Крэнгская письменность стала достоянием не только саглократлоков, но и ратлоков (напомню, что, по Р. А. Талиани, саглократлок означает жукочеловек, а ратлок — просто человек. — П. С.), с годами и десятилетиями становится особенно явственным основной ее порок. Крэнгские каменные таблицы, глиняные дощечки и надписи на камне шумеров, папирусы египтян, вытесненные на коже письма древних иудеев, равно как и современные сочинения, напечатанные на бумаге, обладают пагубным свойством — всеобщей обзоримостью. Даже помимо воли сочинителя они способствуют разглашению сведений, не подлежащих разглашению, и распространению мыслей, к распространению не рекомендованных. Изобретение саглократлоком, моим соотечественником Францем Бурдбахом (Мюнхен), нескоряемых шкафов, впоследствии усовершенствованных в нескоряемые шкафы с нераскрывающимися дверцами, а также создание Карлом Бурдбахом (младшим) по образцу нескоряемого шкафа с нераскрывающимися дверцами проекта нескоряемых библиотек с нераскрывающимися дверями, способно уменьшить вред письменности, сократив или уничтожив всеобщую обзоримость. Однако упомянутые проекты обладают неудобством: для осуществления их в необходимых масштабах потребовалась бы, по расчетам А. Прингса и К. Бурдбаха (младшего), вся

сталь, выплавляемая в цивилизованных государствах. Выгрызание рукописи внутри деревянного предмета, каковое я осуществляю впервые, придает ей (рукописи.— П. С.) полную необозримость, а также доступно исключительно саглократлокам. Не могу не заметить, что этим я совершаю надлежащее открытие, каковое позволит мне, при соответствующих обстоятельствах, совершив перекомбинацию дхарм, предъявить притязания на посты стража помещения, не имеющего выхода, или лишителя жизни, или осудителя и т. д.

Наблюдение.

Некоторое охлаждение моей резиденции указывает на движение корабля к широтам с суровым климатом.

Мнение.

Иногда и ратлоки догадываются о существовании существ, высших по сравнению с ними. Некий философ предложил слово *Obermensch* (сверхчеловек.— П. С.). В иные времена все саглократлоки из обычной формы перевоплощаются в форму ратлока. Так было, например, в эпоху процессов ведьм. Потом наступил период, который люди именуют «Возрождением», «Высоким Возрождением», вместо точного *der Decadenz* (вырождение.— П. С.). Он отличался особенными бесчинствами сочинителей и вреднейшего вида маляров, именуемых «художниками».

Предложение.

Целесообразно по проектам Бурдбаха (младшего) соорудить и металлические галереи без источников света, с нераскрывающимися дверями.

В четырнадцатом веке человеческого летосчисления наш предок осудитель — тогда их именовали инквизиторами — допрашивал Анну Кезеринг из Нейбурга. Перед тем как взойти на костер, женщина сказала: «Пусть меня сожгут, но пусть больше никогда никого не сжигают».

Ратлоки склонны к бесплодным мечтам; одно это приближает их к лошадям, собакам и слонам, бесконечно отделяя от нас саглократлоков, высших представителей могущественного типа *Insecta* (насекомые.— П. С.), насчитывающего миллион видов.

Когда Гитлером был провозглашен тысячелетний райх, близ Нейбурга, как и во множестве других мест Земли, соорудили асфальтированные пространства, окруженные колючей проволокой, где при посредстве современного оборудования потомки тех, кто сжег Анну Кезеринг, сжигали ее потомков.

Даже с точки зрения ратлоков, работа исторических сочинителей должна быть признана не только вредной, но и бессмысленной, поскольку и те, кто читает, сразу забывают прочитанное. Все же нельзя отрицать пользы проектов Карла

Бурдбаха (младшего) с моим дополнением, изложенным выше, и особенной важности осуществляемого мною опыта придания полной не об о з р и м о с т и письмам посредством метода выгрызания.

Природа ратлоков инертна, но среди них попадаются — и во все большем числе — экземпляры, опасные именно чрезмерным развитием памяти.

Наблюдение.

19°17'24" южной широты. 80°10'44" восточной долготы.

Ощутив сильный толчок и опасаясь кораблекрушения, выгрызся наружу. Все спокойно. На поверхности моря многочисленные белые плавучие предметы обширных размеров и с заостренной вершиной, состоящие, очевидно, из морской воды.

Для предупреждения простуды удалился внутрь резиденции.

Мнение.

Персонажи исторические делятся на два разряда: 1) включенные в справочники, руководства, энциклопедии, словари и списки, и 2) не включенные по разным причинам.

Персонажи второго разряда, к которым отношусь и я, обязаны развить свойство время от времени рассматривать себя со стороны. Только таким образом открывается возможность оценить свое значение в должных масштабах. Пример: глядя на себя изнутри, пирамида Хеопса узрела бы камень и мрак. А со стороны, по свидетельствам очевидцев, она представляет зрелище внушительное.

Прочтя вполголоса эти строки, академик Рысаков воскликнул: «Жук-параноик с манией величия!» «Не торопитесь с выводами», — отозвался профессор Куцеев.

Данные.

Порт N.

По возвращении в порт приписки он (тут снова «икс» говорит о себе в третьем лице. — *П. С.*), когда команда сошла на берег и все успокоилось, выгрызся и сквозь нездоровый густой туман, свойственный данной местности, увидел фрейлейн Пицци. Она одиноко стояла на пирсе и не спускала полных слез глаз с палубы, несомненно, тоскуя по н е м у и, в силу своей южнобаварской распущенной чувствительности, нетерпеливо ожидая свидания с ним. Однако, ощутив нездоровый здешний климат, действии которого сказывалось и при движении наружу одной головы, он счел непоказанным подвергаться простуде и удалился внутрь резиденции.

Этим отрывком свodka заканчивается.

Возвращаясь к прерванному повествованию.

— Начну свое выступление демонстрацией диапозитивов, любезно изготовленных в фотолаборатории отдела Якова Борисовича Адамского, которому приношу глубокую благодарность.

Кушеев говорил монотонным голосом, не чувствовалось и следа воодушевления, проявленного им в начале совещания.

Адамский подошел к пульту. Помещение погрузилось в темноту, как в тот памятный первый день, когда по экрану рассыпались звездообразные каскады искр, а все мы были полны предчувствием тайны.

Не знаю, что переживали другие, но мне не давала покоя одна мысль: «Как можно душевно постареть за недолгий, в сущности, срок».

Темноту пересек световой конус, наполненный мечущимися пылинками. На выпуклом экране четко возникли две строки изображений: уже знакомые нам чередующиеся фигурки жука и человека.

— *Lycidae* — представитель семейства древоягрызов подотряда жуков разноядных — *Polyphaga*, — раздался в темноте голос Мудрова.

— Весьма своевременная справка, Александр Михайлович, — поблагодарил Кушеев. — Позволю себе напомнить, что автор рукописи пишет о себе: «занил на фрегате вакаенсию *Lycidae*». Но я бы попросил сконцентрировать внимание на другом: сходстве двух строк — верхней и нижней.

— Кажется, что фигурки изображены одной рукой, — задумчиво сказал Рысаков.

— Одной рукой, Олег Модестович? — Кушеев еле заметно повысил голос, но сразу же сдержал себя. — Это общее мнение? Тогда замечу, что верхняя строка — фотокопия фрагмента изучаемой нами рукописи, с увеличением в сто пятьдесят раз, а нижняя — воспроизводит иероглифы так называемой «Большой каменной таблицы» Лашенхорского раскопа.

...Экран погас. Шторы на стеклянной стене раздвинулись. Стало снова светло.

— Если первая строка, — продолжал Кушеев, — написана, или, вернее, выгравирована, по данным Александра Михайловича, несколько десятилетий назад, то строка нижняя высечена на камне шесть тысячелетий до нашей эры. Оба этих памятника письменности — два о й н и к и, разделенные восемью тысячелетиями.

— Но... — начал было Ромео Альбертович.

— Но, — перебил Кушеев Талиани, — если вы желаете выразить сомнение в доказательности трудов Бенкса, то осмелюсь утверждать, что хулители молодого исследователя основывались единственно на формуле всех консерваторов: «невозможно, потому что невообразимо», справедливо высмеянной академиком Рысаковым. Не так ли, Олег Модестович?

— Хм... — пробормотал Рысаков, предоставив каждому трактовать это междометие по-своему.

— В обоих изучаемых письменах, скажем так, есть и другие черты сходства, — все более возбуждаясь, быстро, почти скороговоркой говорил Кушеев. — Не только «одной рукой», тут чувствуется и одна голова. «Крэнгская письменность» — в рукописи. «Столица нашего великого государства Крэнгс» — в Большой каменной таблице. В Таблице, как и в рукописи, встречаются слова «саглократлок» и «ратлок». Согласно Таблице, расшифрованной Бенксом, саглократлок в своей человеческой стадии разительно сходен с человеком обычным, но отличается...

Кушеев не заканчивал фраз, проглатывая окончания слов. Говорил сбивчиво, задыхаясь:

— Напомню, что слово «жук», как свидетельствует Даль, связано с понятием о «жизни в черноте»: чернота подразумевается не только физическая. Обиходное выражение «ну и жук» говорит о пройдошливости, прелезливости, опасности того, к кому оно отнесено. «Свиньи — российский жук» — у Пушкина. Жук рифмуется с «злой паукой». Слово «дхарм» и в Таблице и в рукописи лишено мистического смысла. Оно означает просто метаморфоз особого вида насекомых, которые в одной стадии развития становятся неотличимо сходными с *Homo sapiens*, писал Бенкс. И дальше, в том же «Предварительном сообщении»: «Метаморфоз, отличающийся от других, изученных энтомологией, обратимостью, позволяющей ему (насекомому) каждый раз при изменении окружающих условий менять насекомообразную форму на человеческую». Бенксу кажется необъяснимым в метаморфозе гигантское увеличение массы тела при переходе в человекообразное состояние. Но вспомним у Дала: «Вырос наш жук с медведя». Дхарм — переход в человекообразное состояние — происходил либо у отдельных экземпляров — «разведывательный» (по терминологии Бенкса), либо это был «Большой дхарм» «при возникновении массовой потребности в определенных профессиях или видах деятельности, к которым саглократлок единственно приспособлен».

Фразу из Таблицы «и тогда произошел Большой дхарм» сопровождают иероглифы... Попрошу вас, Яков Борисович.

Адамский уже подошел к пульту.

Заключительные слова Кушеева сопровождались сменяющимися на экране теньями из восьмидесятичелетних временных глубин.

Первая фигурка изображала человека — нет, все-таки лучше сказать, саглократлока, — держащего в правой руке весы, но не как у Фемиды, а с одной чашкой. На чашке видна была реалистически изображенная человеческая голова.

— Иероглиф «отрубленная голова» Бенкс переводит понятием «вина», — говорил Кушеев. — Вспомним термин «осудитель» в рукописи. Именно это понятие — о с у д и т е л ь, а не судья, выражено и в иероглифе. Не так ли?..

На экране возникла фигурка с двумя топорами в руках и с рядом отрубленных голов возле ног.

Кушеев молчал, но всем было ясно, что это «казнитель» из рукописи.

— Свет! — скомандовал Кушеев.

Он стоял, держа в вытянутой руке указку, острием направленную к штативу, где была закреплена рукопись.

Мы все повернулись в направлении указки.

— Таким образом, — еле слышно сказал Кушеев, — я утверждаю... да, я позволяю себе утверждать, что если Каменная таблица высечена древнейшими саглократлоками в человекоподобной стадии метаморфоза, то рукопись выгрыз прямой потомок древнейших саглократлоков, саглократлок В...

Он не договорил...

Из рукописи упал на пол продолговатый иссиня-черный жук. Случившееся можно было бы принять за зрительную галлюцинацию, если бы не звук падения твердого тела, который мы все уловили: звук был

слабый, но необъяснимо отчетливый, если принять во внимание размеры тела насекомого.

Как будто жук услышал Кущева, понял его и явился по слову «саг-лократлок».

Он упал на спину, секунду беспорядочно двигал тремя парами ножек, затем ловко перевернулся, пополз к двери и скрылся под нижней филёнкой.

Только тогда мы опомнились и бросились вслед. Было поздно. Жук уполз в щель, пересекавшую пол коридора.

Мы сгрудились у щели.

— Представитель семейства древогрызов, — сказал Мудров. — Скорее всего *Luctus suturalis*. Необычны только размеры. Помнится, древогрызы не превышают в длину пяти-шести миллиметров, а в этом был добрый сантиметр. И голова — какая огромная. И этот синий металлический отлив.

Я не заметил, как все разошлись. Будто встал в забытье. Очнувшись, я подошел к стеклянной стене.

Машины и люди за звукопоглощающим стеклом скользили бесшумно, как привидения. Козырек над подъездом был поднят крылом птицы. Из-под козырька выглядывала полукруглая площадка, замощенная гранитными плитами. На площадке показалась тень, и сразу вслед — невысокий человек в темно-синей, почти черной морской форме, при кортике. Он поразил меня неестественной прямизной осанки и тем, что шел он гусиным шагом, не сгибая колен и прямо ставя ступню; а главное, еще чем-то, чего я не могу определить.

Видимо, его окликнули. Он, не останавливаясь, повернул голову: только голову, плечи оставались прямыми, как на египетских фресках. Промелькнуло его лицо. Оно было самое обычное, «без особых примет», но производило впечатление «совершенно гладкого места», кажется, так выразился у Гоголя коллежский ассессор Ковалев, увидев после исчезновения носа свое отражение.

Удаляясь, фигура явственно меняла цвет, в ней появлялись красноватые тона. Вспомнилось выражение металлургов «цвета побежалости», определяющее изменение окраски металла при закалке — бегущее, почти неуловимое глазом.

Теперь казалось, что фигура — именно фигура, написать «человек» я не могу — облачена не в морскую форму, а на ней нечто вроде судейской тоги или, может быть, красная рубаша палача или сутана. «Сутана инквизитора» — промелькнуло в сознании. Кортик тоже менялся, приобретая очертания топора.

Все это было явной галлюцинацией, бредом, вызванным усталостью и всем происшедшим до того, и общим моим болезненным состоянием.

Но разумом отлично понимая нелепость подобного предположения, подсознательно я не мог избавиться от ощущения, что это происходит наяву, что передо мной промежуточные стадии продолжающегося метаморфоза.

Наконец фигура исчезла. Я с облегчением вздохнул. По улице вновь беззвучно скользили троллейбусы, автобусы, машины, прохожие — обычные и милые.

...Рабочая группа распалась, оставив ноющую пустоту в сердце. Рукопись перевезли из института снова в ларек Ивана Ивановича. Несколько раз я заходил к Лухову. Иван Иванович встречал меня неприветливо, будто именно я был виновен в случившемся. От него каждый раз пахло водочным перегаром. Ларек опустел. Исчезли стулки, самовары, примус, даже колокол и замечательная икона семнадцатого века строгановского письма «Богоматерь Печерская», которой старик прежде так гордился. Было грязно. Паутина свисала с потолка. «Рукопись» при моем появлении Иван Иванович закрывал газетой.

Раза два я заставал у Ивана Ивановича профессора Кушеева. Тот тоже почти не отзывался на мои приветствия. Я вынужден был прекратить непрошенные визиты. Как это ни горько, приходилось примириться с потерей друга.

Однажды позвонил Адамский и рассказал, что Лухов с Кушеевым продолжают расшифровку. А он делает для них дополнительные снимки.

И СГИНУЛ ДЕНЬ

Дэвис и незнакомый человек с бритой головой сидели в тени молоденького дубка, спасаясь от ярких лучей солнца. На смешном столике, опиравшемся на три причудливо изогнутые ножки, стояло непонятное сооружение, напоминавшее ночник. От него змеиными кольцами тянулись провода, которые ползли по земле и пропадали в темном окошке вишны.

— А-а! Добро пожаловать, добро пожаловать! — сказал Дэвис, завидев Питера Бэйкера, и что-то шепнул бритому, который, как потом узнал Питер, был корреспондентом какой-то газеты.

— Чем могу служить властелину моей драгоценной сестрицы? — он поднялся со старенького полинявшего от непогоды шезлонга и пожал пухлую, влажную ладонь Питера.

— Эллен просила у тебя порошок, ты же обещал, — торопливо произнес Бэйкер, точно боялся встретить отказ.

Шурин всплеснул руками.

— Вот, — сказал он, обращаясь к бритому, — типичный представитель микрокосма. Он вторгается в макросистему и требует свое. Ему наплевать на великое, свершающееся на его глазах.

Бритый смущенно улыбнулся и еле заметно кивнул.

Питер почувствовал тоску. Микрокосм, система... Он хотел сказать, что ему вовсе не наплевать на великое. Но он не понимал, о каком великом шла речь, и, может, на такое великое и стоило плюнуть.

— Не сердись, родственничек, я шучу, — сказал Дэвис, — но тебе придется подождать. Естественно, это немного оттягивает час гибели ваших клопов, но в конце концов в этом мире кто-нибудь всегда остается в проигрыше.

Питер мотнул головой и присел на складной стульчик. Он решил не спорить, в противном случае шурин начнет сыпать непонятными словечками, в которых всегда чувствуется обидный намек, подмигивать и размахивать руками.

Эллен обожала своего братца, и Питеру приходилось с этим считаться.

Он сидел и смотрел по сторонам. Вилла находилась не бог весть в каком порядке. На клумбах росла блестящая, словно смазанная жиром, трава. Светлые ленты дорожек пообтрепались по краям. Молодая поросль секвойи и орешника образовала вокруг дома густую непролазную чащу. Солнечные зайчики вприпрыжку скакали по осколкам стекол в окнах веранды. Но в общем было хорошо. Не то что в душном офисе, где Питер высиживал по восьми часов в день, за исключением субботы и воскресенья. Питер втянул свежий воздух через широкие ноздри, откуда торчали кисточки волос, и, сладко щурясь, посмотрел на небо. Оно было бездонным и удивительным. Мелкие нежные облачка догоняли друг дружку, старательно обходя стороной сверкающий солнечный глаз.

— ...Солнце,— донесся до Питера скрипучий голос шурина.— Таким образом, это, пожалуй, самая идеальная модель процесса, которая была сделана человеком.

Дэвис ткнул пальцем в ночник, стоявший на колченогом столике.

— Самое интересное, что совершенная... Вы понимаете, что я обозначаю этим словом? Так вот, совершенная модель обладает свойством жесткой связи с моделируемой системой. Поняли?

Бритая голова подняла брови и меланхолично сказала:

— Вот это-то меня и потрясает.

— И тем не менее это так,— твердо сказал Дэвис. Он, улыбаясь, посмотрел на собеседника.

— Здесь заключено Солнце, самое настоящее светило, работающее лоденчиком у Авроры. Естественно, уменьшенное в некоторое число раз... А все остальное — норма, включая светимость и температуру.

Дэвис ласково пощелкал по полупрозрачному цилиндру.

— И самое главное — жесткая связь с исходным объектом,— повторил он.

— Да-а,— протянул бритоголовый.— И все же как?

— Вы читали, наверное, что во времена средневековья изготавливали восковые фигурки тех лиц, которым хотели причинить вред или внушить любовь.

— Да, конечно.

— Вот и спрашивается, какая могла быть связь между человеком и его восковой моделью?

— Никакой, разумеется. Все это суеверия и чушь.

— Согласен с вами. Но представьте себе, что в такой вот кукле спрятан приемник, улавливающий радиоволны от проглоченной человеком кибер-пилюли. Что тогда?

— Тогда человек и кукла будут связаны, частично, конечно, посредством радиоволн, электромагнитного поля то есть.

— Изумительно! — восхитился Дэвис.— А теперь вообразите, что моя

модель связана с Солнцем через гравитационное поле, обладающее, как известно, свойством дальнодействия.

— Гениально! — прошептал бритоголовый.

— Ну, хорошо, — спохватился шурин. — Вернемся, однако, в микромир. Я пойду понюху порошок. Если хотите меня сопровождать, я еще кое-что расскажу... Итак, представьте себе космический аппарат, связанный с Землей посредством телеметрических приборов...

Шурин и бритый ушли. Питер остался один. Он с интересом посмотрел на сосуд, стоявший на столе. Кусок трубы из неизвестного пластика, снизу и сверху увенчанный темными крышками с множеством разноцветных лакированных проводков. В его матовой глубине Питер разглядел нестерпимую искорку величиной с булавочную головку.

«Это и есть модель Солнца?» — подумал он, подсаживаясь ближе. Он несколько минут разглядывал пронзительное сияние, исходящее от искры, и думал: «Хорошенькое Солнце, нечего сказать, ну и нахал этот Дэвис».

Внезапно ему что-то почудилось. Какое-то едва уловимое движение внутри цилиндра, словно искра вспыхнула еще ярче. Питер пригляделся, и ему показалось, что искорка начала пухнуть и увеличиваться. Сначала, как дробь, потом — горошинка, дальше — цент... Питер встряхнул цилиндр, словно это был какой-нибудь миксер.

Где-то прогремел гром, и ураганный порыв ветра пронесся над землей.

Питер в испуге отпрянул и оглянулся по сторонам. Все было обыденно и привычно. С голубых небес светило солнце, стрекотал невидимый кузнечик, в воздухе хлопьями снега пронеслись бабочки.

Он снова взял в руки цилиндр. И опять все повторилось. Сначала там, в глубине, поблескивала искорка, потом она разрослась до размеров яблока. Тогда он приподнял крышку с проводами и наклонил сосуд. На стол выкатился ослепительный белый шар величиной с небольшой арбузик. Питер Бэйкер сдернул с головы шляпу и накрыл шар, будто бабочку.

Сначала он даже не понял, что произошло. Потом — содрогнулся. На землю хлынула тьма. Тяжелый чернильно-густой мрак залил мир. На темном небе проступили яркие звезды. Дом, трава, деревья, порхающие бабочки — все растворилось в волнах внезапно наступившей ночи.

Питер оцепенел от ужаса. Он сидел, затаив дыхание, и не мог пошевелиться. Какой-то частичкой сознания, не поддавшейся смятению, он старательно и холодно фиксировал особенности разразившейся катастрофы. Его поразило, что наступившая ночь была по-особенному непроглядной. То черное, вязкое, что угадывалось, а не виделось вокруг него, имело странный зеленый оттенок. В воздухе разливался таинственный зеленоватый свет, как будто в аквариуме зажгли слабую лампочку...

— О идиот, о идиот! — Питер услышал голос шурина, шум его торопливых шагов и какую-то возню на столе. И тут же ослепительное сияние, похожее на взрыв, ударило в глаза.

Земле возвратили день.

— О! Эти об-быватели, — сквозь зубы цедил Дэвис, — они готовы погасить даже Солнце.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА

«...Во всяком случае, все до единого выглядели взволнованными. Слова «EXPO-70» были категорическими, и никому не позволялось выдвигать возражений. Люди из различных сфер деятельности, каждый по своему усмотрению, делали заявления, суеились. Среди них жалость вызывали сотрудники средних предприятий, решившиеся выставить свои экспонаты в павильонах частных фирм. Они взвалили на себя непосильный груз. Как увязать тему Всемирной выставки с интересами своего производства? Как при ограниченных возможностях сохранить на выставке свой престиж! Они по своей воле взяли на себя огромную ответственность и работали хорошо. Они отдавали выставке все свои силы с такой фанатической целеустремленностью, которая мне была непонятна».

Из записи личных наблюдений

Овера Дзимбеля

1

Когда я возвратился с завода, Масако Фудзимото держала телефонную трубку в руках и, казалось, готова была расплакаться.

— Господин заведующий! — воскликнула она. — В вестибюле ждут два странных человека. Они говорят, что им понравился наш лозунг, поэтому они хотят сотрудничать с нами.

— Гони их.

— Сколько я им ни говорила, они не хотят уходить!

— Не обращай внимания на этих сумасшедших.

Я огляделся по сторонам.

— А где Синохара?

— В институте, — тряхнула головой Масако. — Пришел сердитый и ска-

зал, что у него чрезвычайно напряженный план работы и что он не будет больше заниматься только делами Всемирной выставки.

— Все отлынивают,— простонал я.— Черт возьми, до открытия выставки остается всего полтора года...

Я хлопнул по столу записной книжкой с заметками о состоянии дел на заводах.

— А еще что было?

— Вас вызывал управляющий. Сказал, чтобы вы сразу зашли.

— Что же ты раньше об этом не сказала!

Уже в дверях я обратил внимание, что Масако все еще держит телефонную трубку.

— Прекрати этот разговор! — махнул я рукой.— Скажи им, что у нас нет времени иметь дело с безумными дилетантами!..

— А-а, Нисикава,— управляющий, уныло рассматривавший схемы на столе, при виде меня откинулся в кресле.

— Вы, кажется, меня вызывали?

— Вызывал,— скривил губы управляющий.— Что происходит? «Токио бизнес машин» объявила о несостоятельности оплатить свой вексель.

— Что вы говорите?!

«Токио бизнес машин» известна как компания, соперничающая с нашей компанией «Джапан бизнес фёныча» (сокращенно ДБФ). Я чувствовал, что лицо мое бледнеет.

— Это, наверно, потому,— сказал я,— что они взялись за осуществление столь вызывающе дорогого плана расширения запродажи своих изделий.

Управляющий застыл в кресле словно каменная глыба и сопел.

— Разумеется,— протянул он,— для нашей компании эта новость не так уж плоха. К тому времени, как «Токио бизнес машин» встанет на ноги, можно прибрать к рукам большую часть ее клиентуры. Это будет для нас, как мантия с неба. Однако ж,— встрепетнулся управляющий,— что станет с нами? Наш план подготовки экспонатов к выставке полностью проваливается!

Об этом можно было бы и не говорить. Все было ясно и так. Через восемнадцать месяцев на холмах Сэнриока откроется Всемирная выставка. Наши промышленники решили сообща вложить капитал и сделать один общий павильон машин и аппаратов управления. Уже был одобрен предварительный план экспозиции павильона, и наша компания в соответствии с общей договоренностью продвигала эту работу.

Управляющий процедил сквозь зубы:

— Другие производственные компании, узнав о том, что происходит в «Токио бизнес машин», по-видимому, намерены отказаться от выделения экспонатов для Всемирной выставки. Они считают, что ради этой праздничной шумихи не стоит рисковать собой. Что с нами будет, если все заберут свои деньги? А? Расходы на павильон составят ведь триста миллионов иен.

— Придется отступить, ничего не поделаешь,— сказал я.— Вся наша подготовка пойдет насмарку.

— Это... нежелательно,— вздохнул управляющий.— Президент сказал.

что наша компания будет лидером в производстве машин управления, и что он сам из соображений престижа готов на все.

— Неужто правда?

— Не знаю, что получится, во всяком случае, решено провести завтра совещание и выработать меры по улучшению положения. Разумеется, я как руководитель комиссии по подготовке к выставке и ты как ответственный за практическую работу должны присутствовать на нем. Придумай что-нибудь.

— Это жестоко,— простонал я.— Во-первых, что станет с компанией, если в такой ситуации мы будем продолжать дело?..

— Ну, хватит,— махнул рукой управляющий.— Уходи, у меня голова болит,— сказал он, дав понять, что я забыл о своем положении.

В общем, мне и не снилось, что такая крошечная производственная компания, как «Джапан бизнес фёныча», выступит со своими экспонатами на арене, где соберутся все страны мира. «Прогресс и гармония для человечества» — это, конечно, великолепно. Однако я полагал, что прежде чем тратить деньги и время на такого рода празднества, нужно укрепить основы компании. Не знаю, как другие известные во всей стране выдающиеся предприятия, наша компания была просто вынуждена бить в литавры. В ней всачески манипулировали общим понятием о цивилизации и человечестве. И вот вам результат. Создается нечто, оторванное от реальной действительности. Нужно ли устраивать демонстрации, когда думаешь о каждой копейке?

Однако я был назначен ответственным. Неизвестно, то ли из-за того, что я занимал пост заместителя заведующего бюро планирования административного отдела, то ли из-за того, что меня как-то переоценили, приказ свыше был спущен. Поскольку решение было принято, ничего не оставалось, как действовать изо всех сил. Я, бизнесмен, хорошо знал этот написанный закон, хотя мне было и страшно.

Однако ж... вот черт! Что же это такое? Я пытался привести в порядок свои мысли, проанализировать возникшее во мне разочарование, когда осознал, что наши специалисты, которые всегда величественно размахивают формулами, корчат из себя знатоков, грубо утверждают, что их тщательные расчеты показали то-то и то-то, совершенно не имеют творческого воображения, и ту досаду, когда мне стало ясно, что восхваляемые в каталоге «Выдающиеся исследователи Н-й компании» в мировом масштабе едва могут быть названы учеными первого класса.

Размышляя, я незаметно оказался перед своей комнатой. Машинально повернув ручку, открыл дверь и ошеломлен от удивления, увидев в комнате странную пару. Один — пожилой мужчина, по виду то ли адвокат, то ли импресарио; другой — высокий, неопределенного возраста парень с невыразительной внешностью. Оба одеты в чрезмерно яркие пиджаки. Они отвесили мне неуклюжий поклон.

— Что это вы здесь делаете? — заорал я.— Зачем вы сюда пришли? Масако Фудзимото, сделав гримасу, ответила мне взглядом.

— Ваш лозунг,— без всякого вступления начал разговор пожилой мужчина: — «Будущее и деятельность для человечества». Это верно? Я молчал.

— Мы предлагаем вам новую технику и хотели бы, чтобы вы ее использовали. Это новейшая техника, и она вполне соответствует вашему лозунгу.

«Хм, продают что-то»,— подумал я. И раньше подобных ребят приходило довольно много, но с ними почти не стоило разговаривать. У этой совершенно невежественной братии не было никаких хороших идей, отвечающих требованиям производственных предприятий. Однако на этот раз дело обстояло иначе. Теперь, когда все перевернулось вверх ногами и наш план оказался под угрозой, мне интересна была любая идея: Наша ДБФ должна победить! А для этого нужно воспользоваться любой помощью, пусть даже ее предложит нищий у дороги.

Поэтому я сказал:

— Я вас слушаю.

Мужчины достали из чемоданчика чертежи. Они вытащили пять, шесть... десять листов чертежей, густо испещренных линиями. Они делали это так, как уже заключивший контракт предприниматель вручает готовые товары.

— Это выставка,— пояснили они.— Это материалы... А это экспонаты для выставки. С первого взгляда видно, как будет вестись управление производством в будущем.

Содержание их рассказа было слишком трудным, и я почти ничего не понял. Однако постепенно мне стало ясно, что эти парни хорошо осведомлены в нашей работе, хотя по их внешнему виду этого не скажешь.

— Вот этот экспонат демонстрирует наступление эпохи наивысшего комплексного управления,— извергал поток красноречия высокий.— Эта система вскоре до предела повысит способности каждого человека. У него совершенно исчезнет чувство безразличия к труду, и он станет выполнять работу, которую в прошлом выполняло несколько сот человек. Мы называли эту систему «Комплексное управление». Этот экспонат на практике покажет способ осуществления такой работы, когда один человек легко управляет сложнейшими орудиями труда.

Я лишился дара речи. Либо эти люди возмутительные жулики, либо они действительно могут быть полезны. Во всяком случае я начал смутно чувствовать, что они являются обладателями грандиозных планов.

Громко хлопнула дверь. Это влетел наш сотрудник Синохара. С порога, вытирая пот, он начал изливать свое негодование:

— Эти дубовые головы из института... Они...

В этот момент он обратил внимание на окружающих:

— Что такое?

Синохара — молодой специалист по технике, уставился на необычных посетителей, потом взглянул на чертежи и выслушал разъяснения.

— Господин заведующий...— начал он.

Я сделал ему знак. Синохара выхватил из рук мужчины чертежи, уселся на стул и стал пожимать их глазами.

Прошло секунд десять. Когда Синохара оторвал взгляд от чертежей, лицо его выражало почтение.

— Это... сделали эти люди?

— Видимо, так...

— Господин заведующий, они гении!

Синохара набросился на гору чертежей, лежавших на столе.

— Так это ж... Послушайте, ведь любой из них — патент. Это для нас...

— Значит, вы поняли, — засмеялся пожилой мужчина. — Если они вам будут полезны, пожалуйста, используйте.

— Подожди, — сдержал я темпераментного Синохара и обратился к пришельцам: — Пока еще рано говорить, будем мы это использовать или нет. Однако что вы хотите? Вы намерены эти чертежи продать?

— Нет, — сказал высокий мужчина. — Мы предоставили их вам безвозмездно. Однако...

— Однако?

— Я хочу, чтобы меня подключили к этой работе. Я хочу участвовать во Всемирной выставке. Хочу вместе с вами работать. Больше мне ничего не нужно. Я согласен даже подписать контракт на этих условиях.

Синохара подмигивал мне. «Это же шанс, шанс, который невозможно даже себе представить», — говорили его глаза.

«А вдруг это и есть спасательный круг? — подумал я. — Ну, ладно. Пусть даже они окажутся проходимцами, все-таки попробуем их использовать».

Однако если поразмыслить, я абсолютно ничего не знаю об этих людях, не знаю даже их имен. Благоразумнее отказываться от услуг даже талантливых людей, если они не имеют деловой карьеры. Это риск. Они не знают, что такое табу. Не различают, что можно делать и что нельзя. И к тому же, одержимые идеей, они могут с легкостью предать. И все же нужно отважиться на риск!

— Извините, — изменил я свой тон. — Я, кажется, еще не спросил, как вас зовут?

— Его зовут Таро Танака, — показал пожилой на партнера. — А я — Дзимбэз Оба*.

— Дзимбэз? — прыснула Масако Фудзимото.

Однако я и Синохара сохраняли молчание. Мы оба подумали, уж не наступил ли великий поворотный момент, не произойдет ли теперь что-нибудь из ряда вон выходящее.

2

— ...Поэтому мы были вынуждены полностью изменить наши планы...

Еще был сентябрь, и в зале было жарко. Собравшиеся руководители слушали сообщение управляющего с таким выражением лица, как будто раздвигали зубами горькую мошку.

— Однако, — управляющий выпятил грудь, — мы не должны отступать! Отныне престиж промышленных кругов по производству машин управления зависит от нашей работы.

— Это понятно, — перебил его президент компании. — Ты лучше скажи, что вы намерены теперь предпринять?

* Д з и м б э з О б а — имя, характерное для высшей знати феодальной эпохи Японии. Т а р о Т а н а к а — имя, характерное для вассалов, слуг.

— Слушаюсь,— управляющий посмотрел на меня.— Ну-ка, приведи их скорей.

— Сейчас.

По другую сторону двери был наготове Синохара. Вместе с ним были и те двое. Сопровождаемый пристальными взглядами всех присутствующих, я вышел из зала.

Когда Дзимбээ Оба и Таро Танака с чемоданчиком в руках вошли в зал, воцарилось странное молчание.

— Что это? — первым заговорил президент.— Что это за люди? Послушай-ка. Ты рехнулся, что ли?

Все разом зашумели. Эти двое, с виду похожие на агентов по рекламе, были для собравшихся здесь людьми из другого мира.

— Выслушайте меня! — воскликнул Таро Танака. Голос у него был пронзительным, словно звук сирены, даже не подумавешь, что человеческий. Он перекрыл голоса шумевших. Стекла в окнах задрожали.

— Эти люди,— сказал управляющий, когда наступило молчание,— предлагают нам новый проект...

— Ну ладно,— согласился президент.— Хорошо. Ты руководишь комиссией по подготовке. Так или иначе, послушаем.

Подождав, пока Синохара начнет раскладывать копии материалов, Таро Танака, так и не присев, начал говорить:

— Экспонаты для выставки, согласно этим чертежам, продемонстрируют тот этап развития в области машин и аппаратов управления, который можно ожидать в будущем.

Таро Танака достал чертеж.

— Посмотрите, пожалуйста, на схему № 1. Справа печатная машинка, которая пишет с голоса. Рядом — копировальный автоинспектор, далее — движущийся стул.

— Да что ты? — воскликнул не своим голосом один из сидящих в зале.— Скажи, где ты взял такие вещи?

Не обратив внимания на реплику, Танака невозмутимо продолжал:

— Есть чертежи, на которых подробно показан способ сборки. Посмотрите, пожалуйста, листы 213, 214 и 215. Далее следуют еще более совершенные устройства. Схема № 3. Это аппарат по составлению документов. Он не только готовит проекты документов, но и служит для приема и передачи их. Следующий аппарат предназначен для обучения с помощью гипноза; далее — автоматическая дисковая установка подачи служебных указаний; установка для проверки и подтверждения знаний специалистов...

— Перестаньте! — закричал главный инженер.— Да возможно ли такое? Это же мечтания!

— На это мы подготовили проект. В нем указываются и исходные материалы. Итак, следующий экспонат. Его форма несколько необычна. В нем используется стереотелевидение. Аппарат позволяет иметь связь с контрагентом из любой точки. Комплекс этих аппаратов исполняет самые разнообразные функции и дает возможность одному человеку выполнять работу, которую ныне делают более 15 человек.

Воцарилась мертвая тишина. Уже никто не пытался говорить.

Вчера, знакомясь с чертежами, я в детали не вникал, и поэтому сейчас, когда узнал подробности, мне, как и всем, тоже в это не верилось.

— Далее следует установка, которая громоздка, но зато весьма эффективна. Человек садится перед экраном и передает на него свои мысли и идеи. В мгновение ока машина их записывает, делает расчеты, проверяет и корреспондирует. Только одна эта установка может выполнить работу, которая ныне рассчитана на 200 человек.

«Да это невозможно! — подумал я. — Это же безумие!»

— Итак, следующее, — продолжал Таро Танака.

В этот момент Дзимбэз Оба, который до сих пор сидел безучастно, все передоверив Таро Танака, поднялся с места, прошептал что-то на ухо своему компаньону и снова сел на стул.

— Далее самое новейшее устройство управления, — монотонно сказал Таро Танака. — Человек больше уже не нужен, все управление можно поручить машине. Мысли, сжатые и записанные установкой управления, передаются всем аппаратам. Каждый из этих аппаратов имеет тесную связь с находящимися под их управлением станками, передвижными устройствами, действующими механизмами, и те сами могут завершить работу в соответствии с полученными указаниями. Взяв, к примеру, дом. Это устройство на основе уже представленных ему данных о характере жилища, особенностях материалов и т. д. составляет план и после автоматической проверки приступает к строительству. Если ему предоставить необходимые материалы, оно само обеспечит отделку здания. Разумеется, изготовив связанные со строительством документы: все ходатайства, разрешения, наряд-заказы, контракты на куплю-продажу, — это устройство ждет подписей людей. Оно может даже определить фонды. Такое же, но большего формата устройство можно использовать при освоении целинных земель и для индустриализации. Мы же демонстрируем здесь устройство самого маленького формата.

— Робот! — выдохнул президент. — Неужто робот, который действует в научной фантастике?.. Уж не снится ли мне это?

— Мы выставим все эти экспонаты, — продолжал Таро Танака, — и, кроме того, построим самодвижущуюся дорогу обозрения, главной составной частью которой будет конвейерная лента. План ее строительства подготовлен отдельно. Вот чертеж № 12.

Все чувствовали себя по-дурачки. Тем не менее некоторые специалисты лихорадочно изучали чертежи, но вскоре и они закачали головами.

— Непонятно, — высказал мнение своих коллег главный инженер. — Кое-что, о чем говорилось вначале, и мы, по-видимому, смогли бы сделать. Однако все остальное и основные принципы создания нам непонятны.

— Это потому, что здесь используются специальные материалы, — не меняя выражения лица, сказал Таро Танака. — Нужны сплавы и полупроводники, которых в настоящее время не существует, а также соответствующая техника их обработки.

— Так значит, это пустая болтовня! — стукнул по столу главный инженер. — Для чего тогда все это нужно?

— Что касается известных приборов, то я разъясню способ произ-

водства, и их можно заказать на стороне. Все же необходимое для специальной техники... — Таро начал собирать чертежи, — я сделаю сам.

Все молчали. В душном зале никто не пошевелился. Все смотрели на Танако мутными, как у рыб, глазами, в которых были недоверие и страх.

— А, пожалуй, возьмемся! — президент компании, словно очнувшись ото сна, встал. — Если даже получится одна десятая всего того, о чем здесь было сказано, мы будем иметь мировые достижения! Стоит пойти на риск!

— Господин президент, — тихо сказал директор-распорядитель, — а как быть с деньгами?

— С деньгами? — президент открыл рот.

Директор-распорядитель продолжал напирать:

— Во сколько нам обходилась до сих пор разработка только одного нового изделия? Для того, чтобы все это сделать, страшно подумать, сколько потребуется денег. Весь госбюджет Японии, а может быть, и больше.

— Это не так. — Таро Танака опустил голову. — Я сделал предварительный расчет. Вполне достаточно, если будет миллиард восемьсот — миллиард девятьсот тысяч иен.

— Едва ли.

— Я говорю серьезно. Ведь мы начинаем с момента, когда вся подготовительная работа уже сделана. Не нужны эксперименты и исключены ошибки. Мы обойдемся только тем количеством материалов, которое требуется по расчетам. Прежде всего при составлении проектов мы старались по возможности использовать изделия производства вашей компании.

— Однако ж... два миллиарда иен — это большая сумма, — медленно покачал головой директор-распорядитель. — Известно ли вам, каков наш капитал? Миллиард иен. Долги тоже имеют свой предел. Откуда мы выжмем такую сумму?

— Да что уж там! — воскликнул управляющий, и голос его зазвенел на самой высокой ноте. — Давайте увеличим капитал! Его можно увеличить в три раза!

— Наши акции сейчас котируются ниже номинальной стоимости, — сказал осторожный директор-распорядитель. На лбу у него вздулись синие вены. — В такое время увеличить капитал? Если мы вздуем цены, наши акции, очевидно, подымутся. Однако как мы это объясним совету по вопросам увеличения капитала и министерству финансов? Даже при всем том, что это пройдет успешно, наверняка будет продолжаться выпуск дутых акций.

— Перестань! — крикнул президент компании. — Послушайте, — указал он пальцем на главного инженера. — Вы, очевидно, сможете произвести указанную здесь продукцию?

— Печатную машинку записи с голоса и подобные ей вещи можно сразу пустить в производство. Однако что же касается всего остального, то поскольку я не уяснил указанного здесь способа...

— Ну, хватит, — резко оборвал президент. — Хорошо хоть это-то понял.

Я не настолько одряхлел, чтобы упускать такую возможность! Если только опубликовать сообщения об одном-двух предложенных ими изделиях, акции подымутся. Если же эти изделия пустить в массовое производство, то дивиденды будут стабильными. Нет, можно даже ожидать их роста.

Участникам совещания, которые смотрели на него горящими глазами, президент компании объявил:

— Я принял решение. Увеличиваем капитал. Увеличиваем в три раза! Это будет увеличение капитала в три раза, и вся сумма его будет обеспечена!

Зал зашумел. Каждого охватило хорошее чувство солидарности, которое появлялось обычно в то время, когда компания осуществляла бурный взлет. Наша ДБФ, которая в течение последних десяти лет находилась в состоянии зстоя, снова ухватила шанс! И кто же предоставил этот шанс? Неужто эти двое, одетые в дешевенькие пиджаки и похожие на бродяг?.. Я ни в коем случае не могу выпустить из рук этих двоих, которые подготовили и преподнесли нам сверхъестественные новые товары.

А что же эти двое?

В бурлящей атмосфере зала Таро Танака с чертежами в руках впал в состояние полного безразличия, а Дзимбээ Оба, прислонившись к спинке стула, незаметно начал дремать.

3.

Все отделы принялись за работу. Так же, как и в любой компании, всякое дело, прежде чем о нем станет известно внешнему миру, должно быть сделано больше чем наполовину.

Перво-наперво административный отдел позволил просочиться в печать кое-каким сведениям о новых изделиях. В то время о выставке печатались лишь незначительные сообщения, и наша тактика прекрасно оправдала себя. Цены на акции мало-помалу начали расти. В начале октября они восстановили свою номинальную стоимость, а во второй декаде уже значительно поднялись.

Это было время ожидания. В тот же день, когда совет директоров утвердил решение, ДБФ опубликовала сообщение об увеличении капитала. Статья была напечатана крупным шрифтом. Однако реакция была холодной. И это естественно. В такое время, когда конкурирующая компания обанкротилась и перспективы нашей отрасли промышленности не сулили ничего хорошего, увеличение капитала в три раза даже с гарантией полного обеспечения всей суммы, естественно, вызвало удивление.

«Грубое нарушение! Игнорируют обычную практику!» «Не обанкротилась ли известная фирма по производству машин и аппаратов управления?» Такого рода статьи заполнили страницы газет, в адрес компании хлынул поток писем от владельцев акций. И когда все это достигло апогея, президент компании сделал заявление, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы: «Дивиденды устойчивы. Одно за другим осваиваются новые изделия».

Цена акций сразу взлетела вверх и с каждым днем продолжала расти. Дальше пошло по заведенному правилу. Состоялось заседание совета по

вопросу увеличения капитала. Неделю спустя было дано официальное извещение о прекращении трансфера акций. Через семнадцать дней после этого состоялось определение квот, а еще через два дня акционерный отдел мощным потоком начал рассылать извещения о созыве экстренного общего собрания владельцев акций.

И это еще не все. Будет представлена записка о плане увеличения капитала министерству финансов, будут направлены уведомления о квотах, наступит срок подачи заявления. Если подсчитать, сколько пройдет времени с самого начала процедуры до того момента, когда компания получит в свои руки капитал, то станет ясно, что на все это потребуется почти два месяца. Если даже взять кредит в банке, то деньги все равно не поступят в компанию, пока не пройдет положенный срок.

Ну, а тем временем бездельничать было нельзя.

С неудовольствием наблюдая, какую бурную деятельность развило руководство, я тоже вынужден был денно и нощно носиться по делам строительства.

Я поселил Таро Танака и Дзимбээ Оба в пустующий дом для работников компании и сразу же взял их под надзор. Это походило на домашний арест. Однако эти двое, до сих пор жившие на Доямати в Нисисиро, с легкостью поверили, что эти меры всего лишь проявление любезности со стороны компании.

Чертежи были детализированы, и копии их распространены по всем отделам. Был отдан приказ хранить строгое молчание. Помимо данных о нескольких аппаратах, о которых было сообщено в печать из тактических соображений, абсолютно ничто не должно было просочиться за пределы компании. Специалисты хотели все эти аппараты и установки запатентовать, но я отказался наотрез. Такие вещи, как патенты, видно, и существуют для того, чтобы выдавать секреты.

Членам жюри вряд ли понять, что из себя представляют машины и аппараты столь высокого уровня. Если же описать все так, чтобы было понятно, их в тот же миг украдут. Вот удивим мир, тогда и будем их потихонечку выдавать.

Разумеется, это была не единственная причина.

На инструктивных собраниях в отделах нас осаждали вопросами. Для чего нужны такие детали? Почему их нельзя сделать по нормам «Японского государственного промышленного стандарта»?

Сопровождавший меня на эти собрания Таро Танака подробно и вежливо отвечал на все вопросы, но это, наоборот, приводило людей в замешательство. И только в самом конце собрания слушатели примирялись с тем, что им все-таки придется делать такие необычные детали. Занимаясь выполнением плана, состоявшего из такого рода мероприятий, мы должны были также лично беседовать и с подрядчиками, у которых намевались разместить заказы. Синохара разъяснял способ производства, а я вел переговоры о стоимости и сроке платежа.

— Это хорошо, но... — говорил мне подрядчик с таким видом, словно он хочет меня укусить. — Зачем вы доставляете мне хлопоты этой странной штуковиной?.. А вот со сроком платежа в два месяца дело не пойдет.

— Ну, ладно, — говорил я, абсолютно не испытывая к партнеру никакого сочувствия. — Не хотите, не надо. Я ведь даю вашему предприятию возможность заработать. Ну, как? Скажите мне только одно, сможете вы это сделать или нет? Нас поджидает Всемирная выставка. Или мы опозоримся на холмах Сэнриока, или в дальнейшем мы с вами сможем наладить хороший бизнес! Послушайте, я же даю вам шанс. Если в конце концов мы пустим это изделие в массовое производство, хлынут заказы. Вы могли бы стать монополистами этих заказов. Если вы отказываетесь от нашего заказа, то и вашему президенту будет потом дан отказ. Я в этом убежден. Кстати, платим-то мы наличными. Десятого числа следующего месяца, и не позднее двадцатого. Ну, как? Если не хотите, уговаривать не буду.

Разумеется, почти все подрядчики принимали заказ.

Добытые таким образом детали я отдавал на проверку пражда всего Синохара, затем — в отдел контроля и, наконец, Таро Танака. И если хоть что-нибудь немного было не так, я одну за другой выдвигал рекламации, 80% — заставляли переделывать, в остальных случаях меняли подрядчика.

Разумеется, в связи с этим сроки платежей откладывались, мы беспощадно требовали скидки, а весь сэкономленный таким образом капитал использовался в другом месте.

На этом работа не кончалась. Приходилось делать все, даже встречаться с корреспондентами газет, проверять места собрания на предмет подслушивания и даже подбирать людей для охраны нас от шпионов из других компаний.

От постоянного недосыпания щеки у меня глубоко ввалились, однако прекратить работу было нельзя. То же самое было и с другими членами комиссии по подготовке Всемирной выставки. Управляющий, улаживая всякие мероприятия, курсировал между Токио и Осака. Синохара мотался по всей стране, проверяя выполнение работ заводами нашей компании. Масакэ Фудзимото приводила в порядок, отправляла, принимала на хранение пухлые папки с материалами и записями. Измученная, она однажды на работе упала в обморок.

Работа, словно вихрь, охватила всю нашу компанию. И среди этой бури один человек оставался совершенно спокойным, словно около тайфуна. Это был Дзимбээ Оба. Новое жилище, по-видимому, пришлось ему по душе. Дзимбээ целыми днями слонялся по дому, иногда он выходил в город, смотрел фильмы, играл в механический бильярд.

Когда я приставал к нему с деловыми вопросами, Дзимбээ только смеялся. Всю работу он передаловил Таро Танака и единственному, от чего он не отказывался, что тоже имеет к ней отношение.

— Таро Танака успеет сделать все один, — сказал Дзимбээ. — Я ведь с ним договорился. Пока у него все получается, я не буду вторгаться в его сферу. Так, очевидно, будет лучше.

Дзимбээ действительно был прав. Таро Танака работал больше всех нас. Он брал на себя все — начиная от контроля за ходом работ, сверки сделанного с чертежами, консультаций и непосредственного руководства работами вплоть до проведения инструктивных лекций. Незаметно сложи-

лось так, что с появлением его длинной фигуры с невыразительным лицом все как-то успокаивалось.

Должен признаться, что в душе у меня постоянно было странное беспокойство. Мне по-прежнему было непонятно, что заставило их так поступить, почему они предложили сделать эту работу, которая, кроме участия во Всемирной выставке, не дает им никакой выгоды. Однако вряд ли стоит сейчас у них об этом спрашивать, — подумал я. — Во всяком случае ДБФ должна довести до конца начатое. Ну, а потом будь, что будет. Что бы они тогда ни потребовали, это меня не касается. Достаточно ведь того, что сейчас они продвигают работу вперед.

Все в компании, по-видимому, как и я, испытывали к незнакомцам недоверие, но старались подавить это чувство. Никто в открытую своих сомнений не высказывал, но, похоже, считали, что нужно использовать этих страшных гениев, выжать из них все, что только можно. Ну, а дальше, разумеется, как только все дела будут закончены, чужаков выгонят.

«А, ладно, — успокаивал я сам себя, — будь, что будет...»

Так, не зная отдыха, трудились мы весь год. И дальше продолжались дни, заполненные работой. Однажды холодным утром ко мне вбежала Масако Фудзимото с открыткой в руках.

— Господин заведующий! — Масако прерывисто дышала. — Из правления компании странное сообщение! У них есть вопросы относительно наших экспонатов для выставки, просят приехать. Можно позвонить и по телефону.

Эту открытку правление направило нам в связи с тем, что у жюри по рассмотрению экспонатов Всемирной выставки были какие-то соображения в отношении наших экспонатов.

Среди многочисленных подготовительных органов выставки было и жюри, которое давало главным образом заключения, соответствуют ли экспонаты павильонов частных предприятий идеям выставки. Значит... (я почувствовал холодок в груди) содержание наших экспонатов им не понравилось... Документы об изменении экспонатов посланы им очень давно. Теперь, очевидно, дошла и до нас очередь. Уже год лежат документы, а наше правление до сих пор не разобралось. От злости даже волосы на моей голове встали дыбом. Однако ничего не поделаешь. Я хорошо знал, сколь казойливы и дотошны государственные учреждения и аналогичные им организации. Сколько на них я вынужден буду потратить времени!

Нас вызывало жюри выставки. Жюри состояло из ученых, специалистов, деятелей культуры и т. п. Ко всем этим людям я не испытывал ни малейшего интереса и знал только их фамилии. С тех пор как я поступил на работу в компанию, я прочел множество книг по своей специальности: по технике и бизнесу, по бухгалтерии, по управлению производством, по теории запродажи и т. п. Эти книги писались менее солидными авторами, чем члены жюри.

«Члены жюри наверняка скажут о том, что наши экспонаты игнорируют человека, — подумал я. — Они скажут, что мы заслонили человека машиной, вогнали человека в машины. Они сочтут это антигуманным. Они,

определенно, придут к выводу, что мы должны показать «должное естество», а развивать наше направление нельзя.

Однако я ни в коем случае не могу этого допустить. Компания уже предпринимает шаги. Подняты все организации. Уже люди работают, деньги расходуются. Теперь уже ни в коем случае нельзя позволить, чтобы этот курс изменился. Для меня важнее темы Всемирной выставки были интересы компании.

Однако смогу ли я разбить их доводы? Смогу ли я втолковать нашу позицию этим людям, которые мыслят совершенно иными категориями? Смогу ли я убедить их, что компания во что бы то ни стало должна следовать в выбранном ею направлении? Уверенности в этом у меня не было.

Некоторое время я смотрел отсутствующим взглядом на стоящую передо мной обеспокоенную Масако Фудзимото.

«Управляющий вернется лишь послезавтра, а у Синохара дел по горло, — подумал я. — Если сейчас потерпеть поражение, все пойдет прахом... И увеличение капитала в три раза, и система «тотальной мобилизации сил»...

В это время я вспомнил о Таро Танака. «Возьму-ка я его с собой. Этот парень, может быть, что-нибудь да сделает».

— А где Танака? — спросил я у Масако. — Этот вундеркинд. Скажи ему, чтобы пришел.

Масако кивнула и начала набирать номер телефона.

4

— Вы, по-видимому, все делаете с большой помпой, — сказал, улыбаясь, один из членов жюри. — Хорошо было бы, если бы вы и дальше продолжали с таким же энтузиазмом.

Я и Танака сидели прямо, как школьники, склонив головы, и видели перед собой элегантные хорошего покроя костюмы членов жюри.

«Не люблю говорить двужурные любезности, — подумал я в глубине души. — Ну вот, сейчас начнут изводить». — И без всякого вступления спросил:

— В чем дело? У вас, наверное, есть вопросы относительно наших экспонатов для выставки?

Члены жюри переглянулись.

«Собрались говорить, так говорите скорее. — Во мне все кипело. — Вам-то что, а для нас это вопрос жизни и смерти».

— Мы видели ваш план, — сказал один из членов жюри. — Вы, кажется, вышли за пределы отведенного вам места.

— А? — вырвалось у меня. — Это вы о чем?

— Вот здесь, — член жюри достал план, — установлено сложное механическое устройство цилиндрической формы. Место, где вы его устанавливаете, не должно быть занято, оно предназначается для посетителей. Если вы застроите это место, мы окажемся в несколько затруднительном положении.

Никаких требований об изменении экспонатов не было. Опасения не оправдались.

Я поднял голову:

— Мы сразу же внесем изменение и передадим его поближе к зданию.

— Нельзя, — раздался голос. Это был Таро Танака.

— Ты... — зло зашептал я ему. — Что будет, если мы сейчас нарушим расположение к нам членов жюри? Если мы благодаря этой небольшой переделке получим хорошую оценку жюри, лучше спокойно принять их требование.

— Нельзя, — снова сказал Таро Танака. — Для нашего устройства необходимо вокруг значительное пустое пространство. Во что бы то ни стало, оно должно находиться здесь.

— Что же делать? — откинулся на спинку стула один из членов жюри. — Неужели это так необходимо? Устройство действительно тонкое и сложное, но совершенно ничего не сказано о его назначении. Что же это такое?

Я покачал головой. Не мне было отвечать на этот вопрос. Столь детально я не знал о наших экспонатах.

— Этого я не могу вам объяснить, — опять сказал Таро Танака. — Однако для беспокойства оснований нет. Это устройство намечено снять до того, как откроется Всемирная выставка.

— Так значит оно служит для проведения строительно-сборочных работ? Тут я заметил, как на лице Таро Танака промелькнуло что-то вроде улыбки.

— Да, — ответил Таро. — Если бы его не было, то вся эта работа была бы невозможна.

— Вот оно что, — закивал тучный член жюри. — Но вы непременно его снимите.

— Разумеется.

На этом все закончилось, и мы помчались на такси в главный офис нашей компании, на Имабаси.

Когда всецело посвящаешь себя чему-либо, ход времени немного похож на поступь великана. Кажется, оно идет медленно, и все же настолько быстро, аж дрожь берет. Отдавая все силы души и тела, я усердно носился по делам Всемирной выставки. Теперь я уже не думал о том, делаю ли я это для компании или для собственной карьеры. Я просто весь ушел в работу. И чем грандиознее было препятствие, тем больше разгорался мой боевой дух.

Такое положение было не только в нашей компании. Все, кто имел хоть какое-то отношение к выставке, бросили свои дела и, как одержимые, работали для нее.

Срочно заканчивались все недоделанные работы. Одна за другой проводились церемонии открытия или завершения реконструкции дорог, ведущих к выставке: скоростная дорога Нагоя — Кобэ, Государственная дорога № 171, Центральная кольцевая линия и линия Сингётё. Заканчивалось строительство идущей от Осаки сверхскоростной линии, с которой одно время возникли проблемы.

Район Сэнриока, выглядевший прежде бесконечной зеленой дугой, чудесно преобразился. На всех участках одно за другим возводились здания, оборудовались стоянки автомашин. Люди, строительные машины, самосвалы и т. п. — все перемешалось в едином звуке.

С каждым днем Сэнриока становился все величественнее, он уже превосходил по размерам прилегающий к нему Новый город.

Взоры всех были прикованы к Всемирной выставке. Газеты, телевидение, радио передавали одно за другим сообщения о ходе подготовки к выставке, отклики из-за рубежа, информацию о том, что будет экспонироваться.

Таких новостей было очень много. И хотя средства массовой информации объединили свои усилия, какое-то количество сведений ускользало от них. Люди подбирали эти новости, продавали их, и таким образом создавались новые сообщения. Если человек был хоть немного предприимчив, он стремился получить какую-нибудь выгоду от Всемирной выставки, а кто не мог этого сделать, следили за каждым движением тех, кто имел отношение к выставке, словно она была их семейным праздником.

В связи с выставкой некоторые провозглашали укрепление национального престижа, другие же восклицали, что выставка должна быть свидетельством единства мира. Одни высказывались за подъем отставшей в своем развитии духовной цивилизации, другие стремились оживить прогресс традиционной цивилизации. Были и такие, кто вообще выступал против Всемирной выставки как таковой.

Весь этот мир, включавший в себя разнообразные большие и малые бурные течения, продвигался к открытию «EXPO-70».

Поддерживая свой совершенно ослабевший организм только силой воли, я орал, бегал, думал и снова скакал и крутился ради этой выставки, подготовка к которой вступила в ту стадию, когда счет велся уже на минуты.

Внутренняя отделка павильона закончилась. Не успели установить конвейер обозрения, как в здание хлынуло оборудование, до сих пор лжававшее без движения на заводских складах.

Сборка и испытание, повторные испытания и отделка... Планы Таро Танака и Дзимбээ Оба успешно претворялись в реальность.

Безусловно, были горы трудностей.

В то время, когда требовалась степень точности, которая была выше всякого понимания, и возводились конструкции, поражающие оригинальностью своих идей, мы сталкивались с техническими проблемами: применение сырья, не имевшего до сих пор никакой ценности, материалов, которые доселе не имели для нас значения... новые сплавы, производимые в тяжелых муках...

В своей деятельности Таро Танака переходил границы человеческих возможностей. Он сам проводил обработку и сборку деталей, делал подгонку и продолжал испытания. И на этой земле появились машины и аппараты управления, которые, казалось бы, невозможно сделать.

Самые большие трудности были связаны с уже упоминавшейся установкой цилиндрической формы. Ни один из квалифицированных инженеров не осмелился участвовать в ее создании. Таро Танака блестяще собрал

ее из материалов и деталей, которые под его руководством были произведены нашими заводами и подрядчиками.

Но и у трудностей бывает конец.

Когда наши волевые усилия были уже на исходе, за десять дней до открытия Всемирной выставки, вечером, мы узнали, что все работы завершены.

Готовясь к заатрашной церемонии по этому поводу, мы все привели в порядок. В свете вечерних сумерек великолепный павильон нашей ДБФ готовился беззвучно растаять в ночной темноте. Члены комиссии компании «Джапан бизнес фёныча» по подготовке к Всемирной выставке — управляющий, я, Синохара и Масако Фудзимото — мечтательно смотрели на великолепное сооружение.

Наши сердца были переполнены... Самое трудное позади. Почти три года невероятных усилий. Сюда вложены наши души и не только наши... В одно это здание, которое словно ангел, распростерло крылья, вложили свой труд все сотрудники, все организации ДБФ. Для возведения этой пирамиды мы отдали все, что только могли.

— А где Таро Танака? — спросил управляющий.

Синохара огляделся:

— Он, очевидно, налаживает эту странную установку. Скоро придет сюда.

— А-а, — управляющий опять перевел взгляд на павильон ДБФ, — этот павильон может изменить историю... Он до отказа наполнен новыми изделиями, которых доселе никто не производил... Когда будут опубликованы подробности, поднимется грандиозный шум.

— Пожалуй, да, — ответил я. — Однако только шумом, очевидно, ничего не добьешься, что там ни говори, а... — Я обратил свой взгляд в вечерние сумерки.

В этот момент к нам подошел Таро Танака. Нет, не только Таро. С ним был невеста откуда появившийся Дзимбэз Оба.

«Вот черт, — изумился я. — Бездельничал, а когда все завершено, он тут как тут».

— Поздравляю вас, — громко сказал Дзимбэз Оба без всяких эмоций. — Вот, пожалуй, и все закончилось.

— А что теперь... — начал было Синохара, но Дзимбэз перебил его:

— Не огорчайтесь. Я на самом деле рад. Для двадцатого века это здание действительно хорошо сделано.

Холодок пробежал по моей спине.

Двадцатый век? И тут у меня в голове со звоном стали нанизываться одно за другим воспоминания. Управление производством будущего... Горы чертежей... Сонный и апатичный Дзимбэз.

— А я вам что-то скажу, — хитро подмигнув, продолжал Дзимбэз. — Из всего, что здесь сделано, по правде говоря, в данную эпоху можно использовать всего лишь незначительную часть. То, что вы из имеющейся здесь техники можете пустить в массовое производство, в конце концов, кто-нибудь изобретет в течение четырех—пяти лет. Сейчас это сделали только вы. Однако все остальное не может быть практически использовано.

Если возможности техники вашего общества не смогут дать этим экспонатам жизнь и использовать их, то они превратятся просто в опытные экземпляры. И это все равно даст вам немалую прибыль. Это и есть моя благодарность вам.

— Ты... — надтреснутым голосом сказал управляющий. — Кто ты?

— Я просто путешественник во времени, — с легкой усмешкой сказал Дзимбээ. — Мне было интересно прилететь сюда из сорокового века, но здесь случилась непредвиденная посадка... Машина времени полностью вышла из строя. Если бы это случилось в более ранние эпохи цивилизации, мне ничего бы не оставалось делать... Однако вы мне помогли. Премного вам благодарен.

Дзимбээ слегка похлопал Таро Танака по плечу.

— Если бы не было его, я ничего не смог бы... Нет, вы тоже много для меня сделали. Как бы ни был замечателен робот, построить машину времени в двадцатом веке... Я поистине восхищен вашими усилиями.

— Робот?!!

— Конечно, — опять засмеялся Дзимбээ. — Если бы он не был им, как бы он все запомнил? Это робот РС № 4002. Я решил его назвать Таро Танака, потому что у вас здесь это самое распространенное имя. Извините, но и мое имя, Оба Дзимбээ, тоже вымышленное. Меня зовут Овер Дзимбел.

Мы застыли потрясенные. Да может ли все это быть! Таро Танака — робот, Дзимбээ Оба — путешественник во времени!.. Торговать тем, чего еще нет в двадцатом веке...

Вот оно что! Теперь я понял. Эта цилиндрическая установка, за которую не могли взяться самые квалифицированные инженеры... Так это же машина времени! Заставить нас изготовить детали, которых нет в двадцатом веке, и собрать из них корабль для путешествия во времени! Нет, это невозможно, непостижимо... Это же не укладывается в сознании... Робот?! Машина времени?!

Но экспонаты-то в павильоне компании ДБФ стоят! Значит, и робот!.. И машина времени!.. Раз они есть, почему бы им не существовать?

— Постойте, — не своим голосом окликнул я тех двоих, направившихся уже к цилиндрической установке. Меня, кажется, услышали. Дзимбээ, нет, Овер Дзимбел, остановился.

— Ну, теперь позвольте вас покинуть, — сказал Дзимбел. — Мы уже нагляделись на двадцатый век. — Затем он нежно погладил робота по голове: «Если все люди не будут прилагать безмерных усилий, они не смогут дотянуться даже до одного робота. Теперь я тебя еще больше буду ценить».

Мы не сводили с них глаз, напряженно всматриваясь в темноту. Вот они оба вошли в цилиндрическую установку. Мгновенно воздух вокруг них засверкал голубыми искрами, машина взревела, и в следующий миг на том месте уже ничего не было.

Мы так и остались с растерянным видом. Вдруг Масако Фудзимото, стоявшая от нас в стороне, как-то странно захохотала.

ХРОНОПОЛИС

Суд над ним был назначен на следующий день. В котором часу он состоится, Ньюмен Конрад, конечно, не знал. Да и никто не знал. Наверно, судебное заседание начнется после полудня, когда все главные действующие лица — судья, заседатели, прокурор — сойдутся в здание суда. Было бы хорошо, если бы в нужный момент появился адвокат, хотя исход дела был настолько предрешен, что он вряд ли станет утруждать себя, тем более, что добираться до здания суда и тюрьмы, как это всякому известно, сложно необыкновенно, да и после придется до бесконечности ждать транспорта на мрачной станции под тюремными стенами.

В тюрьме Ньюмен времени не терял. К счастью, его камера была обращена окном на юг, и солнце не уходило из нее почти весь день. Он разделил дугу, по которой путешествовало солнце, на десять равных отрезков — дневных часов, отметив их куском известки, потом разделил на двенадцать маленьких.

И так под рукой у него оказались действующие часы, показывающие время с точностью до одной минуты (маленькие отрезки на пять частей он делил в уме). Дуга белых отметок начиналась на стене, проходила по полу, по железной койке, и поднималась вверх по другой стене. Ее можно было увидеть, став спиной к окну, но этого никто не делал. Во всяком случае, тюремщики были слишком глупы, чтобы разобраться, что к чему, и солнечные часы давали Ньюмену колоссальное превосходство над ними.

Большую часть времени он либо выверял циферблат, либо стоял, прижавшись спиной к решетке и не спуская глаз со своей опрятной камеры.

— Брокен! — кричал он обычно четверть восьмого, когда край тени касался первой отметки. — Утренняя проверка! Подъем, дружище!

Сержант вскакивал со своей койки, а когда раздавался оглушительный сигнал побудки, уже во всю ругал других тюремщиков.

Потом Ньюмен выкликал в соответствующее время все прочие пункты распорядка дня: утреннюю перекличку, приборку камер, завтрак, прогулку и так далее вплоть до вечерней поверки. Начальство корпуса регулярно отличало Брокена как лучшего старшего по этажу, и он полагался на Ньюмена, который распределял его день, подсказывал очередные пункты распорядка дня и предупреждал, если выполнение какого-нибудь из них затягивалось.

В других корпусах приборку обычно кончали в три минуты, а прогулка могла продолжаться часами, так как заключенные, пользуясь тем, что никто из тюремщиков не знал, когда ее надо заканчивать, делали вид, будто она только-только началась.

Брокен никогда не спрашивал Ньюмена, как тому удалось все так искусно организовать; раз или два в неделю, в дождливые и пасмурные дни, Ньюмен бывал отчужденно молчалив, и всякий раз возникавший беспорядок не давал сержанту забывать о выгодах сотрудничества. Ньюмена держали в лучшей камере, а сигарет он получал, сколько хотел. К сожалению Брокена, день суда все-таки был назначен.

Ньюмен тоже жалел об этом. Большая часть исследований еще не завершена. Он боялся, что если его заставят отсиживать срок в камере с окном на север, то он не сможет определять время. По положению теней на прогулочном дворе или на башнях и стенах узнать, который час, будет трудно чрезвычайно. Деление на отрезки пришлось бы производить на глазок, отметки же были бы тотчас обнаружены.

Ему самому надо было уподобиться часам, сделать свое тело бессознательно работающим механизмом, регулируемым, скажем, пульсом или ритмом дыхания. Он пытался развить у себя чувство времени, проводя серию сложных тестов, чтобы свести до минимума ошибки, которые были разочаровывающе большими. Шансов улучшить рефлекс было, по-видимому, мало.

Но он знал, что сойдет с ума, если не сможет точно определять время каждого данного момента.

Одержимость, которая привела его к обвинению в убийстве, брала свое начало в довольно невинном увлечении.

Как и все дети, ребанком он замечал немногочисленные древние башни, на которых был один и тот же круг с двенадцатью делениями. В более старых кварталах города характерные круглые циферблаты, прожженные и облупленные, висели над магазинами дешевых украшений.

— Это просто так, — объясняла его мать. — Они ничего не означают. Как звездочки или круги.

«Ненужные украшения», — подумал он.

Однажды в старом мебельном магазине они увидели в ящике, набитом каминными приборами и прочим хламом, часы со стрелками.

— Одиннадцать и двенадцать. Что это значит?

Мать поспешила увести сына, давая зарок не приходить больше на

эту улицу. Служащие Полиции Времени, наверно, по-прежнему вертятся где-нибудь поблизости.

— Ничего, — резко ответила она. — Со всем этим покончено.

А про себя припомнила: «Без пяти двенадцать. Точно».

Шаг времени, как обычно, был неторопливым. Семья Ньюмена жила в ветхом доме в одном из аморфных предместий, в зоне бесконечного безделья. Иногда мальчик ходил в школу, а до десяти лет большую часть времени проводил с матерью в очередях у закрытых продуктовых лавок. По вечерам вместе с соседней детворой он играл возле заброшенной железнодорожной станции, гоняя по заросшим путям самодельную платформу или взламывая двери пустующих домов и устраивая в них командные пункты.

Он не спешил вырасти: мир взрослых был беспорядочным и лишенным честолубия. После смерти матери он целые дни проводил на чердаке, исследуя ее чемоданы и старую одежду, играя со шляпами, бусами и прочими безделушками, предаваясь воспоминаниям о ней.

В нижнем отделении ее шкатулки с украшениями он нашел маленький плоский золотой предмет, снабженный ремешком. Стрелок не было, но циферблат заинтересовал его, и он надел предмет на руку.

Отец чуть не подавился супом, когда взглянул вечером на его руку.

— Конрад, где ты раскопал это?

— В маминой шкатулке. Можно, я возьму это себе?

— Нет. Дай сюда, Конрад! Прости сын, — и добавил задумчиво: — Погоди до четырнадцати лет. Послушай, Конрад, я все объясню тебе через несколько лет.

Новое запрещение побудило его не дожидаться отцовских откровений. И вскоре он уже все знал. Однако его постигло разочарование, рассказ старших мальчиков оказался скучным.

— И это все? — спрашивал он вновь и вновь. — Не понимаю. Зачем так беспокоиться из-за часов? Разве у нас нет календарей?

Подозревая, что ему рассказали не все, он рыскал по улицам и в поисках ключа к секрету изучал все заброшенные часы. Большинство циферблатов было изувечено, стрелки и цифры оторваны, минутные деления соскоблены, на все словно тень лег налет ржавчины. Трудно было догадаться об истинном назначении часов, разбросанных явно наугад по всему городу, висящих на зданиях банков, магазинов, учреждений. Ясно было, что они предназначены для измерения времени с помощью двенадцати произвольных делений, но это казалось совершенно недостаточным для того, чтобы сделать незаконным пользование ими.

В конце концов, все пользовались самыми различными таймерами — автоматическими приборами, регулирующими продолжительность операций: на кухнях, фабриках, в больницах — всюду, где было необходимо придерживаться определенного периода времени. У постели его отца тоже стоял таймер. Упакованный в небольшой стандартный черный ящичек, он приводился в действие миниатюрными батарейками и, будя отца, издавал тонкий пронзительный свист перед завтраком. Часы были всего-навсего градуированным таймером и гораздо менее полезными, так как они давали сплошной поток ненужной информации.

Формулируя свои вопросы по возможности наивно, Ньюмен проводил долгий тщательный опрос. Из тех, кому не исполнилось пятидесяти, никто, по-видимому, не знал ничего об истории вопроса. И даже старики начинали все забывать. Он также заметил, что чем менее образованные люди, тем охотнее они рассказывали. Это значило, что занимавшиеся физическим трудом не играли роли в перевороте и впоследствии воспоминания не вызывали у них ощущения вины, которое бы приходилось подавлять. Старый мистер Кричтон, водопроводчик, живший в подвале, предался воспоминаниям без подсказываний, но все, что он говорил, немного прояснило.

— Конечно, тогда были тысячи, миллионы часов, у каждого они были.

— Но для чего они были вам нужны, мистер Кричтон? — настаивал Конрад.

— Ну, мы просто... смотрели на них и знали, который час. Два часа или половина восьмого... в это время я уходил на работу.

— Но теперь вы ходите на работу после завтрака. И если вы запаздываете, гудит таймер.

Кричтон покачал головой.

— Не могу я тебе этого объяснить, паренек. Спроси отца.

Но и от мистера Ньюмена добиться толком чего-либо было невозможно. Обещание разъяснить все не было выполнено, когда Конраду исполнилось и шестнадцать. Устав уклоняться от прямых ответов на настойчиво сыпавшиеся вопросы, мистер Ньюмен, наконец, грубо сказал:

— Перестань об этом думать, понимаешь! Ты и себе и всем нам доставишь одни неприятности.

У Стэси, молодого преподавателя английского языка, было искаженное представление о чувстве юмора. Он любил ошеломлять мальчиков, высказывая неортодоксальные суждения о браке и экономике. Конрад написал сочинение, в котором описывалось воображаемое общество, занятые сложным ритуалом наблюдения за тем, как минута за минутой течет время.

Стэси сделал вид, что ничего не заметил, однако ребята стали спрашивать Конрада, чем подсказана такая фантазия. Сначала Конрад пытался уклониться от ответа, но потом сам задал вопрос о главном:

— Почему закон запрещает иметь часы?

Стэси перебрасывал кусочек мела из руки в руку.

— А разве есть такой закон?

— В полицейском участке висит старое объявление, в котором обещается награда в сто фунтов стерлингов за каждые принесенные часы. Я видел его вчера. Сержант сказал, что оно все еще в силе.

Стэси насмешливо поднял брови:

— Вы заработаете на этом миллион. Думаете взяться за дело?

Конрад не обратил внимания на насмешку.

— Закон запрещает иметь оружие, потому что можно кого-нибудь застрелить. Но как можно причинить ущерб часами?

— Разве это неясно? Можно засесть время и узнать, сколько его человек тратит на какую-нибудь работу.

— Ну, и что?

— А потом можно заставить его работать быстрее.

В семнадцать лет, повинаясь какому-то внезапному импульсу, он сделал свои первые часы. Одержимость временем уже давала ему заметные преимущества перед школьными товарищами. Некоторые из них были более умны, другие — более добросовестны, но способность Конрада организовать свой досуг и выполнение домашних заданий позволяла ему ярче проявлять свои таланты. Пока другие еще бездельничали на железнодорожных путях и только собирались домой, Конрад уже наполовину выполнял домашние задания, точно распределяя время на каждое из них.

Покончив с уроками, он поднимался на чердак, который стал теперь его мастерской. Здесь, в старых шкафах и сундуках, он создал свои первые опытные конструкции: градуированные свечи, подобие солнечных часов, песочные часы и сложный часовой механизм мощностью в половину лошадиной силы, который двигал стрелки со скоростью, увеличивающейся в прогрессии, как бы ненамеренно пародируя самого Конрада с его одержимостью.

Первые настоящие часы, которые он сделал, были водяными. Вода медленно вытекала из бака, а опускавшийся вместе с уровнем воды деревянный поплавок двигал стрелки. Устройство было простое, но точное. Несколько месяцев оно удовлетворяло Конрада, который тем временем все расширял свои поиски настоящего часового механизма. Он очень скоро обнаружил, что хотя в лавках старьевщиков и в заброшенных шкафах большинства домов ржавели бесчисленные настольные, золотые карманные и прочие часы, из них были вынуты механизмы вместе со стрелками, а иногда — и с циферблатами. Его собственные попытки создать устройство, которое бы регулировало ход обыкновенного часового механизма, не увенчались успехом. Все рассказы о том, как ходили часы, подтверждали одно — они были инструментами, очень точными по конструкции и отделке каждой детали. Юноша лелеял надежду, что найдет где-нибудь компактные исправные часы, лучше — ручные.

Наконец, он неожиданно стал обладателем часов. Однажды в кино пожилому человеку, сидевшему рядом с Конрадом, стало плохо с сердцем. Конрад с двумя другими зрителями понес его к кабинету директора и вдруг заметил при тусклом свете блеск металла в рукаве мужчины. Он быстро ощупал запястье пальцами и безошибочно узнал линзообразный диск ручных часов.

По дороге домой тиканье часов казалось ему громким, как трубный глас. Он сжимал часы в руке, ожидая, что все прохожие сейчас станут укоризненно показывать на него пальцами, и Полиция Времени арестует его.

На чердаке он достал часы и, зажав дыхание, осмотрел их, пряча под подушку всякий раз, когда доносился шорох снизу, из отцовской

спальни. Позже он понял, что звука часов почти не слышно. Часы были такие же, как и его матери, только не с красным, а желтым циферблатом. Золотой футляр поцарапался и облупился, но ходили часы прекрасно. Он снимал заднюю крышку и зачарованно смотрел на неистово мелькающий мир миниатюрных зубчиков и колесиков. Он заворачивал часы в вату и, боясь сломать главную пружину, заводил их только наполовину.

Он не собирался красть часы, когда взял их у пожилого человека в кино; первым его побуждением было спрятать часы, прежде чем врач обнаружит их, нащупывая пульс больного. Но раз уж часы попали ему в руки, он и не подумал вернуть вещь.

Конрад провел на чердаке немало часов, вглядываясь в желтый циферблат, наблюдая, как медленно вращается минутная стрелка, как незаметно движется часовая — компас, прокладывающий его путь через будущее. Без часов он чувствовал себя так, словно без руля бесцельно дрейфовал по кругу вечных забот. И отец стал казаться ему глупым бездельником, который сидит себе и не знает, когда что случится.

Вскоре он уже не снимал часов весь день. Он ушил рукав, а для того чтобы можно было тайком смотреть на циферблат, прорезал в рукаве узенькую щель. Он отмечал по часам длительность всего: уроков, футбольных игр, перерывов на обед, дня и ночи, сна и бодрствования.

А потом он выдал себя.

Конрад заметил, что уроки английского языка, которые вел Стэси, продолжались ровно сорок пять минут и постепенно привык убирать свою парту за минуту до того, как гудел таймер Стэси. Несколько раз он замечал, что Стэси с любопытством смотрит на него, но очень уж сильным было искушение первым продефилировать к двери перед изумленным учителем.

Однажды он сложил стопкой книги и закрыл перо, как вдруг Стэси многозначительно попросил Конрада прочесть записи, которые тот делал на уроке. Конрад знал, что таймер загудит через десять секунд, и решил продержаться, пока общее бегство из класса не избавит его от неприятности.

Стэси сошел с возвышения и тоже терпеливо ждал. Несколько мальчиков обернулись и хмуро посмотрели на Конрада, который отсчитывал последние секунды.

Он был поражен, он вдруг понял, что таймер вовремя не прогудел! В панике он подумал, что его часы сломались, и еле сдержался, чтобы не посмотреть на них.

— Торопитесь, Ньюмен? — сухо спросил Стэси. Сардонически улыбаясь, он медленно пошел по проходу между партами к Конраду. Сбитый с толку, покрасневший от смущения, Конрад перелистал тетрадь и прочитал записи. Через несколько минут, не ожидая сигнала таймера, Стэси отпустил класс.

— Ньюмен, — позвал он. — Погодите.

Когда Конрад подходил к Стэси, тот рылся у себя в кафедре.

— Что же случилось? — спросил он. — Забыли сегодня утром завести свои часы?

Конрад ничего не сказал. Стэси взял таймер, выключил глушитель, и послышался гудок.

— Где вы достали часы? У родителей? Не бойтесь, Полиция Времени давно распущена.

Конрад внимательно смотрел в глаза Стэси.

— Это часы моей матери, — солгал он. — Я нашел их среди ее вещей.

Стэси протянул руку, и Конрад, нервно, отстегнул часы и отдал их учителю.

Стэси взглянул на желтый циферблат.

— Вашей матери, говорите? Гм.

— Вы хотите сообщить обо мне?

— Чтобы отнять время у психиатра, и без того перегруженного работой.

— А разве носить часы не противопоказано?

— Ну, вы не представляете собой единственную и самую грозную опасность для общественного порядка.

Стэси пошел к двери, махнув рукой, чтобы Конрад следовал за ним. Он вернул часы.

— В субботу днем отложите все свои дела. Мы с вами совершим поездку.

— Куда?

— В прошлое, — весело сказал Стэси. — В Хронополис, в Город Времени.

Стэси взял напрокат машину, громадного мастодонта с помятыми, но блестящими боками. У публичной библиотеки он остановился и радостно помахал Конраду рукой.

— Садитесь, — крикнул он и показал на пузатый портфель, который Конрад швырнул на сиденье. — Вы уже посмотрели это?

Конрад кивнул. Когда они ехали по пустынной площади, он открыл портфель и вытащил толстую пачку дорожных карт.

— Я только сейчас узнал, что город занимает пятьсот квадратных миль. Никогда не думал, что он так велик. А где же люди?

Стэси рассмеялся. Они пересекли магистраль и выехали на длинную улицу, обсаженную деревьями и тесно застроенную домами. Половина из них пустовала, окна были выбиты, крыши провисли. Даже обитаемые дома имели вид временных жилищ, к их печным трубам жались поддерживаемые лесами самодельные водонапорные башни, в заросших палисадниках громоздились кладки дров.

— Когда-то в этом городе было тридцать миллионов жителей, — заметил Стэси. — Теперь население едва превышает два миллиона и продолжает уменьшаться. Мы, оставшиеся, живем в бывших окраинных районах, и город сегодня представляет собой колоссальное кольцо шириной в пять миль, опоясывающее обширный мертвый центр, который имеет сорок — пятьдесят миль в диаметре.

Они плутали по различным переулкам, проехали мимо небольшой фабрики, еще продолжавшей работать, хотя работа должна была

к полудню закончиться, и, наконец, выехали на длинный прямой бульвар, который вел прямо в западном направлении. Конрад прослеживал путь, доставая все новые листы карт. Они уже приближались к краю кольца, которое описал Стэси. На карте оно было отпечатано зеленой краской, а весь центр — невыразительной серой, он казался огромной *Terra incognita* *.

Они проехали последнюю из оживленных торговых улочек, которая запомнилась Конраду как своеобразный пограничный пост, и, миновав ряды ветхих домов, опоясанных балконами, понеслись по мрачным улицам под массивными стальными виадуками. Стэси показал на один из них.

— Это входило в сложную железнодорожную систему, которая когда-то существовала, в громадную сеть станций и узлов, доставлявшую ежедневно пятнадцать миллионов людей на дюжину больших вокзалов.

В течение получаса Конрад не отрывался от окна, а Стэси наблюдал за ним в зеркало. Постепенно пейзаж начал меняться. Дома стали выше, тротуары были огорожены от проезжей части, появились светофоры для пешеходов и турникеты. Машина была уже на подступах к центру, на совершенно безлюдных улицах высились многоэтажные магазины самообслуживания, кинотеатры и универмаги.

Не имея средств передвижения, Конрад никогда не осмеливался отправиться в ненаселенную часть города. Как и другие дети, он всегда совершал походы в противоположном направлении, за пределы города. Здесь же улицы умерли лет двадцать — тридцать тому назад; зеркальные стекла витрин вывалились и разбились об асфальт, старые неоновые знаки, оконные рамы, провода свешивались с каждого карниза, на тротуарах валялись кучи ломаного металла.

Конрад, вытягивая шею, заглядывал в пустые окна, в узкие переулки, но теперь чувство страха и ожидания чего-то необычного оставило его. Эти улицы были просто покинуты людьми и напоминали наполовину пустой мусорный ящик.

Районы предместий следовали один за другим, изредка перемежаясь населенными кварталами. Миля за милей менялся характер архитектуры, стали попадаться громадные десяти-пятнадцатизэтажные дома, облицованные зелеными и синими плитками, со стеклянной и медной отделкой. Конрад ожидал, что увидит прошлое ископаемого города, но они со Стэси скорее совершали поступательное движение во времени.

Через путаницу переулков Стэси направил автомобиль к широкой автостраде, возвышавшейся на железобетонных опорах над крышами домов. Они нашли поднимающийся винтом въезд, выехали на не загроможденную ничем автостраду и быстро помчались по ней.

Конрад напряженно смотрел вперед. Там, милях в двух или трех, были видны высокие четко очерченные прямоугольники громадных жилых корпусов. Сотни тридцати- и сорокаэтажных домов выстроились в бесконечные ряды, напоминая гигантские костяшки домино.

* Неведомая земля (лат.).

— Мы въезжаем в центральные рабочие кварталы, — сказал Стэси.

Здания возвышались по обе стороны шоссе, некоторые прилегали вплотную к его бетонной балюстраде.

Через несколько минут они проехали первый из жилых комплексов: тысячи одинаковых зданий с покосившимися балконами врезались в небо, алюминиевые переплеты с вываливающимися стеклами поблескивали на солнце. Исчезли небольшие дома и магазины, характерные для дальних предместий. На земле не было незастроенного места. В узких интервалах между зданиями теснились небольшие бетонные площадки, торговые комплексы, съезды в громадные подземные гаражи.

И всюду виднелись часы. Конрад тотчас замечал их — на каждом углу, под каждой аркой, просто на стенах зданий. Где бы ни находился человек, с любой точки он мог видеть часы. Большинство из них висело так высоко над землей, что достать их можно было бы только с помощью пожарной лестницы, и поэтому на них еще оставались стрелки. Все они показывали одно и то же время — одну минуту первого.

Конрад взглянул на свои ручные часы и отметил, что на них было без четверти три.

— Их ход зависел от главных часов, — сказал Стэси. — Когда главные часы остановились, то одновременно остановились и все другие часы. Это случилось в первую минуту первого часа ночи. Тридцать семь лет назад.

Становилось все темнее, так как высокие утёсы зданий заслоняли солнце; небо виднелось изредка и только в узкие вертикальные просветы между домами. На дне каньона было уныло, джунгли бетона и матового стекла угнетали. Автострада разветвлялась, но они продолжали ехать в западном направлении. Еще через несколько миль кончились жилые кварталы и начались первые здания учреждений центральной зоны. Они были еще более высокими, шестидесяти- и семидесятиэтажными, связанными между собой спиральными съездами и галереями. Автострада проходила на высоте пятнадцати метров, и только здесь начинались первые этажи зданий, которые на массивных ходулях шагали через одетые в стекло входные помещения лифтов и эскалаторов. Улицы были широки, но ничем не примечательны. Тротуары параллельных улиц сливались под зданиями, образуя широчайшие и длиннейшие бетонные площадки. Повсюду виднелись остатки табачных киосков, ржавеющие лестницы, ведущие к ресторанам, и торговые пассажи, построенные на платформах на десятиметровой высоте.

Но Конрада интересовали только часы. Он не представлял себе, что их может быть так много; местами они были повешены так густо, что заслоняли друг друга. Циферблаты их были разных цветов — красные, синие, желтые, зеленые. Большинство часов имело по четыре-пять стрелок. Главные стрелки стояли на одной минуте первого, а дополнительные — в самых различных положениях.

— А для чего дополнительные стрелки? — спросил Конрад. — И почему часы разных цветов?

— Это временные зоны, — ответил Стэси. — Для разных профессио-

нальных категорий и потребительских смен. Однако поспешим, мы почти у цели.

Они свернули с автостреды и поехали по пандусу, который привел их на северо-восточный угол широкой площади, имевшей в длину ярдов восемьсот и ярдов четыреста в ширину. В центре ее был разбит газон, ныне запущенный и заросший сорными травами. Площадь была пуста. Этот неожиданно свободный участок окружали высокие застекленные скалы, которые, казалось, держали на себе небо.

Стэси остановил автомобиль, и они с Конрадом вылезли и немного размялись. Потом они зашагали к зеленой полосе бывшего газона. Взглянув на улицы, расходящиеся от площади, Конрад впервые понял, как же велик город — эти гигантские геометрические джунгли.

Стэси поставил одну ногу на ограду газона и показал на дальний конец площади, где Конрад увидел кучку невысоких зданий необычной архитектуры, характерной для девятнадцатого века. Они пришли в ветхость от непогоды, и были сильно повреждены взрывами. Но снова его внимание привлекли часы на высокой железобетонной башне, стоявшей немного позади старых зданий. Таких больших часов он еще не видел — метров тридцать в диаметре, они тоже стояли на одной минуте первого. Циферблат у них был белый, первый встреченный Конрадом и Стэси белый циферблат. Под большими часами на широких полукруглых крыльях, встроенных в башню, видна была дюжина расцвеченных всеми цветами радуги циферблатов меньшего размера, не больше шести метров в диаметре. Все часы имели по пять стрелок, остановившихся в разных положениях.

— Пятьдесят лет тому, — пояснил Стэси, показывая на руины перед башней, — эта коллекция древних зданий была одним из величайших в мире законодательных собраний. — Спокойно рассмотрев здания, он обернулся к Конраду. — Нравится поездка?

Конрад горячо закивал.

— Это поражает воображение. Люди, которые жили здесь, по-видимому, были гигантами. И удивительно то, что все выглядит так, будто они ушли только вчера. Почему мы не возвращаемся в город?

— Ну, не говоря уже о том, что нас сейчас мало, мы бы просто не управились. В пору своего расцвета город был фантастически сложным социальным организмом. Глядя на эти пустые дома, трудно представить себе, какие трудности возникали, например, при решении проблемы средств сообщения.

— И проблемы эти были решены?

— Да, конечно. Но люди города сами оказались вне уравнения. Подумай о проблемах. Перевозка пятнадцати миллионов служащих в центр и из центра, разработка маршрутов для бесконечного потока легковых автомобилей, автобусов, поездов, вертолетов, обеспечение связи между каждым учреждением, почти каждым кабинетом с помощью видеофона, обеспечение каждой квартиры телевидением, радио, электричеством, водой, забота о питании и развлечениях колоссального числа людей, работа вспомогательных служб, пожарных команд, полиции, медицинских учреждений — все это зависело от одного фактора. — Стэси ткнул кулаком в

сторону большой башни с часами. — От времени! Только синхронизировав всю деятельность, каждый шаг в любую сторону, каждый завтрак, обед или ужин, каждую остановку автобуса и телефонный разговор, мог существовать такой организм.

Стэси и Конрад медленно шли по площади к башне с часами.

— Пятьдесят лет назад, — продолжал Стэси, — когда в городе было всего десять миллионов жителей, часы пик еще не были страшны, но даже тогда забастовка в какой-нибудь одной важной отрасли парализовала большинство других; у людей уходило два-три часа на то, чтобы постоять в очереди за обедом или доехать до дому. По мере того, как население росло, предпринимались серьезные попытки регулировать часы работы; в некоторых районах работа начиналась на час раньше, чем в других. Соответственно они получили пропуски для проезда и автомобильные номера другого цвета. Если они пытались проехать не в положенное время, их заворачивали обратно. Вскоре эта практика получила широкое распространение; каждый мог включить стиральную машину только в определенное время, отправить письмо или принять ванну только в отведенный для этого период времени.

— Такой порядок кажется вполне осуществимым, — заметил Конрад, слушавший со все возрастающим интересом. — Но как это все было введено?

— Благодаря системе цветных пропусков, цветных денег, благодаря сложному набору расписаний, публикуемых каждый день, как публикуются телевизионные и радиопрограммы. И, конечно, благодаря тысячам часов, которые вы видите вокруг. Дополнительные стрелки показывали число минут, оставшихся для какой-либо деятельности людям, принадлежавшим к определенной цветовой категории и пользовавшимся часами с циферблатами только определенного цвета.

Стэси замолчал и показал рукой на часы с синим циферблатом на одном из зданий, выходивших на площадь.

— Скажем, например, мелкий административный служащий, выходящий из своего учреждения в определенное время, в двенадцать часов, хочет пообедать, обменять в библиотеке книгу, купить аспирина и позвонить жене. Как и у всех служащих администрации, его опознавательная зона — синяя. Он берет свое расписание на неделю или просматривает синие временные колонки в газете и отмечает, что сегодня он может пообедать с четверти первого до половины первого. Пятнадцать минут надо на что-то убить. Тогда он смотрит, когда ему можно пойти в библиотеку. Временной код на сегодня дает цифру 3, что означает третью стрелку на часах.

Он смотрит на ближайшие синие часы. Третья стрелка говорит, что прошло тридцать семь минут, и у него остается двадцать три минуты — вполне достаточное время, чтобы дойти до библиотеки. Он идет по улице, но на первом же перекрестке обнаруживает, что семафоры для пешеходов разрешают идти только красным и зеленым цветам, и он не может пересечь улицу. Этот район временно предоставлен в распоряжение мелким служащим — женщинам (красный цвет) и работникам физического труда (зеленый цвет).

— А что было бы, если бы он не обращал внимания на огни световых фар? — спросил Конрад.

— Ничего особенного, но так как стрелки всех синих часов в данном районе переведены в нулевое положение, то ни в одном магазине, ни в одной библиотеке его не обслужили бы, если бы только он не достал красных или зеленых денег и не подделал бы библиотечный билет. Во всяком случае рисковать не стоило, да и вся система была изобретена для его удобства. Итак, он не может попасть в библиотеку и решает пойти в аптеку. Временной код для аптеки — 5, то есть пятая, самая маленькая стрелка. Часы показывают, что прошло 54 минуты: за шесть минут он должен найти аптеку и сделать покупку. Сделав это, он имеет в запасе пять минут до обеда и решает позвонить жене. Посмотрев телефонный код, он видит, что в этот день на личные телефонные разговоры ему времени не отводится.

— А если бы он все-таки позвонил?

— Он не смог бы вставить монету в щель автомата, а если бы и смог, то его жена, предположим, секретарша, была бы в красной временной зоне и ее не было бы в учреждении в это время. Вот так действовало запрещение вести телефонные разговоры.

Тут все цеплялось одно за другое. Программа использования времени говорила, когда включать телевизор и когда выключать его. Все электрические приборы были с плавкими предохранителями, и если их включали не вовремя, то приходилось платить большой штраф, да и ремонт приборов стоил немало. Экономическое положение потребителя определяло выбор программы и наоборот, так что никакого принуждения не было. В программе на каждый день перечислялось то, что можно делать: можно было пойти в парикмахерскую, банк, кино, коктейль-бар в определенное время, и если вы приходили когда надо, то вас наверняка обслуживали быстро и хорошо.

Стэси и Конрад почти дошли до края площади. Прямо перед ними была башня с громадными часами, возвышавшимися над созвездием своих двенадцати неподвижных помощников.

— Все население делилось на двенадцать социально-экономических категорий: синий цвет был для администраторов, золотой — для врачей, адвокатов, учителей, желтый — для военных и государственных служащих... Между прочим, странно, что у твоих родителей могли оказаться эти часы, в вашей семье никто никогда не был на государственной службе... Зеленый — для работников физического труда и так далее. Но естественно, были и еще более мелкие деления. Мелкий административный служащий, о котором я упоминал, выходил из учреждения в двенадцать, а крупный служащий с точно таким же временным кодом выходил без четверти двенадцать и, имея пятнадцать дополнительных минут, шел по улице спокойно, а не в толпе спешивших на обед канцелярских работников.

Стэси показал рукой на башню.

— Это были Главные Часы, по которым ставились все остальные. Контроль Центрального Времени, своего рода министерство времени, постепенно занял старые парламентские здания, так как функции законода-

тельного собрания уменьшались. На деле абсолютными правителями города были программисты.

Как и Стэси, Конрад не спускал глаз с батареи часов, беспомощно остановившихся на одной минуте первого. Казалось, остановилось само время, а большие служебные здания вокруг площади повисли в безременье между вчера и завтра. Конрад подумал, что если бы только кто-нибудь мог пустить в ход главные часы, то весь город вдруг ожил бы, в мгновение его улицы заполнились бы энергичной толпой людей.

Они пошли обратно к автомобилю. Конрад оглянулся на часы, их гигантские стрелки-руки были подняты вверх.

— Почему они остановились? — спросил он.

Стэси с любопытством посмотрел на него.

— Ну ужели это не ясно из того, что я рассказал?

Конрад оторвал взгляд от десятков часов, окаймлявших площадь, и хмуро взглянул на Стэси.

— Представляете себе, что это была за жизнь для подавляющего большинства тридцатимиллионного населения города?

Конрад пожал плечами. Синих и желтых часов, как он заметил, было больше, чем других; очевидно, главные правительственные учреждения находились в районе площади.

— Это была высокоорганизованная жизнь, и она лучше той, которую ведем мы, — ответил он, наконец, продолжая с интересом рассматривать все вокруг. — Я предпочитаю пользоваться телефоном всего один час в день, чем не иметь его совсем. На то, что дефицитно, всегда устанавливаются нормы, не так ли?

— Но это был такой образ жизни, когда все было дефицитно. Не думаете ли вы, что есть предел унижению человеческого достоинства?

Конрад фыркнул:

— Мне кажется, что здесь все — само достоинство. Поглядите на эти здания, они простоят тысячи лет. И сравните с ними дом моего отца. А подумайте о красоте системы, работающей точно, как часы.

— Только и всего, — строго сказал Стэси. — Человек был лишь винтиком в большом механизме. Все твоё существование расписывалось и публиковалось в газетах, раз в месяц тебе его присылали почтой из Министерства Времени.

Конрад смотрел в сторону, и Стэси заговорил настойчивей и громче:

— И в конце концов вспыхнуло восстание. Интересно, что в любом промышленном обществе раз в век происходят социальные перевороты, и начинают их каждый раз люди все более высоких социальных слоев. В восемнадцатом веке начала городская беднота, в девятнадцатом веке все началось с выступлений мастеровых, а это восстание подняли служащие, жившие в крошечных, так называемых «модерных» квартирах, поддерживавшие с помощью кредитной пирамиды экономическую систему, которая отказывала им в какой бы то ни было свободе волеизъявления личности, приковывала их к тысячам часов...

Конрад вглядывался в одну из боковых улиц. Поколебавшись, он спросил нарочито равнодушным тоном:

— Что приводило в движение эти часы? Электричество?

— Большинство часов были электрические. Некоторые часы имели механизмы. А что?

— Мне просто интересно знать... каким образом все они работали.

Он немного отстал от Стэси и, бросив взгляд налево, посмотрел на свои часы. В переулке на зданиях висело около тридцати часов, ничем не отличавшихся от всех тех, что он уже видел сегодня.

Но там было и нечто примечательное. В центре портика, крытого черным стеклом, над входом в здание, в пятидесяти ярдах от площади, по правой стороне висели часы. Их синий выгоревший циферблат имел дюймов восемнадцать в диаметре. Их стрелки показывали четверть четвертого — точное время! Конрад чуть было не сказал об этом явном совпадении, когда вдруг увидел, что минутная стрелка подвинулась на одно деление. Несомненно, кто-то вновь пустил часы; даже если у них была неистощимая электрическая батарейка, через тридцать семь лет они бы не показывали такое точное время.

Конрад плелся позади Стэси, который говорил:

— Всякий переворот кому-нибудь несет притеснение...

Ярдах в десяти от машины Конрад повернулся и быстро побежал через дорогу к ближайшему зданию.

— Ньюмен! — услышал он крик Стэси. — Вернитесь!

Он добежал до тротуара, проскочил между толстыми бетонными колоннами, поддерживавшими здание. На мгновение он остановился позади шахты лифта и увидел, как Стэси торопливо садится в машину. Двигатель закашлял и заревел, и Конрад помчался под зданием по проходу, который вел к другой улице. Позади он услышал нарастающий рев двигателя, машина рванулась, и дверца ее захлопнулась.

Когда Конрад выбежал на улицу, в нее из-за поворота с площади в тридцати ярдах от него ворвался автомобиль. Стэси свернул с мостовой, въехал, подпрыгнув, на тротуар и погнал машину к Конраду, визжа тормозами и гудя, чтобы испугать его. Конрад отскочил в сторону, чуть не упал на колот, потом бросился вверх по узкой лестнице и выскочил на небольшую лестничную площадку с высокими застекленными дверями. Сквозь них он увидел широкий балкон, опоясывавший здание. До самой крыши вверх поднималась зигзагом пожарная лестница, прерывавшаяся на пятом этаже кафетерием, который перекинулся через улицу к зданию напротив.

Конрад услышал внизу на тротуаре шаги бегущего Стэси. Застекленная дверь была заперта. Конрад схватил висевший на стене огнетушитель и швырнул тяжелый цилиндр в дверь. Стекло осыпалось, разбилось о плиточный пол и каскадом брызнуло вниз по лестнице. Конрад вылез на балкон и стал взбираться по пожарной лестнице. Добравшись до третьего этажа, он увидел внизу Стэси, который, задрав голову, следил за ним. Перебирая руками, Конрад одолел еще два пролета, перевалился через запертую металлическую дверцу на открытую площадку кафетерия. Столы и стулья были опрокинуты, тут же валялись расщепленные остатки письменных столов, которые сбрасывались с верхних этажей.

Двери в крытый ресторан были распахнуты, на полу растекалась большая лужа воды. Зашлепав прямо по ней, Конрад подбежал к окну и

выглянул из-за дряхлой пластиковой имитации какого-то растения на улицу. Стэси, по-видимому, отказался от преследования. Конрад направился в глубь ресторана, перелез через стойку и выкарабкался в окно на открытый переход, пересекавший улицу. Сверху была видна площадь и двойной след шин, ведущий в улицу.

Он было совсем уже перебрался на балкон дома напротив, как в воздухе прогрехотал выстрел. Зазвенели падающие осколки стекла, прогремело эхо выстрела в пустых каньонах улиц.

На несколько секунд Конрад пришел в смятение. Он отскочил от края перехода, в ушах стоял звон, отовсюду на него смотрели бесконечные ряды окон, похожие на фасеточные глаза гигантских насекомых. Значит, Стэси был вооружен! Вероятней всего, он служит в Полиции Времени!

Конрад на четвереньках побежал к балкону, протиснулся сквозь турникет и направился к полукрытому окну. Потом он влез в окно и затаялся в здании.

Наконец он обосновался в угловом кабинете на шестом этаже, кафетерий был внизу, справа, пожарная лестница — как раз напротив.

До самого вечера Стэси разъезжал по соседним улицам, иногда катил по инерции, выключив мотор, иногда летел во весь опор. Дразды он выстрелил, кричал, остановив автомобиль, но слова его терялись в эхо, казавшемся по улицам.

Наконец, он, по-видимому, убрался восвояси, и Конрад сосредоточил внимание на часах, висевших в центре портика. На них уже было без пятнадцати семь — почти столько же, сколько на часах Конрада. Он перевел свои часы, считая, что большие часы более верны, и стал ждать того, кто их заводит. Остальные тридцать-сорок циферблатов, которые были видны с шестого этажа, по-прежнему показывали одну минуту первого.

На пять минут он покинул свой пост и попил из лужи в кафетерии. Подавляя ощущение голода, вскоре после полудня он лег спать в углу за письменным столом.

На следующее утро его разбудил яркий солнечный свет, заливавший кабинет. Встав, Конрад отряхнул одежду, обернулся и увидел невысокого седовласого человека в заплатанном грубошерстном костюме, внимательно разглядывавшего его зоркими глазами. На полусогнутой руке его лежало большое черное ружье с угрожающе взведенными курками.

Человек ждал, когда Конрад придет в себя.

— Что вы здесь делаете? — раздраженно спросил он. Конрад заметил, что его карманы оттопыривались угловатыми предметами.

— Я... э... — Конрад не знал, что сказать. Что-то в пожилом человеке говорило за то, что именно он заводит часы. Конрад решил, что ничего не потеряет, сказав правду, и проговорил: — Я увидел идущие часы. Там внизу, слева. Я хотел помочь завести все часы.

Старик пристально наблюдал за ним. У него было настороженное птичье лицо, двойной подбородок придавал ему сходство с петушком.

— Как же вы предполагаете это сделать? — спросил он.

Сбитый с толку этим вопросом, Конрад неуверенно сказал:

— Найду где-нибудь ключ.

Старик нахмурился.

— Один ключ? Пользы от этого будет немного.

Настороженность его, по-видимому, проходила. Он похлопал себя по карманам, в которых что-то глухо звякнуло.

Несколько минут оба молчали. Потом Конрад словно по наитию засушил рукава.

— У меня есть часы, — сказал он. — Сейчас без четверти восемь.

— Дайте посмотреть, — старик шагнул вперед, схватил руку Конрада и впился взглядом в желтый циферблат. Потом, отступив, он опустил ружье и, казалось, подвел итог своим впечатлениям. — Хорошо. Посмотрим. Вы, наверно, хотите позавтракать.

Они спустились вниз и быстро пошли по улице.

— Иногда сюда приходят люди, — сказал старик. — Любопытствующие и полиция. Я видел, как вы вчера убежали. Вам повезло, что вас не убили.

Они сворачивали то влево, то вправо, пересекали пустые улицы, старик быстро шмыгал между лестницами и колоннами. На ходу он придерживал руками карманы, чтобы они не звенели. Заглянув в один из карманов, Конрад увидел, что он полон ключей, больших и ржавых, самых разных по устройству.

— Наверно, это часы вашего отца, — заметил старик.

— Дедушки, — поправил Конрад. Он вспомнил лекцию Стэси и добавил: — он был убит на площади.

Старик сочувственно нахмурился и коснулся руки Конрада.

Они остановились под зданием бывшего банка, сейчас ничем не отличающегося от прочих зданий. Старик внимательно посмотрел по сторонам, а потом повел Конрада вверх по застывшему эскалатору.

Он жил на третьем этаже, за лабиринтом решеток и стальных дверей. В центре его большой мастерской стояла пачка и висел гамак. Примерно на сорока столах того, что когда-то было машинописным бюро, была разложена огромная коллекция часов, которые все одновременно ремонтировались. Вокруг стояли высокие шкафы, набитые тысячами запасных частей, разложенных по аккуратно пронумерованным ящичкам. Регуляторы хода, храповики, зубчатые колесики трудно было узнать из-за покрывавшего их слоя ржавчины.

Старик подвел Конрада к висевшей на стене схеме и показал на итог, выписанный под колонкой дат.

— Посмотрите на это. Теперь уже ходят 278 часов. На то, чтобы заводить их, у меня уходит половина времени.

Он приготовил Конраду завтрак и рассказал о себе. Звали его Маршалл. Когда-то он работал программистом в Контроле Центрального Времени, пережил восстание и преследования Полиции Времени, и десять лет назад вернулся в город. В начале каждого месяца он уходит в один из окраинных городов, получает пенсию и покупает припасы. Остальное время он заводит все растущее число функционирующих часов и ищет такие, которые можно было бы снять и починить.

— Пребывание все эти годы под дождем не пошло им на пользу, — пояснил он. — И я ничего не могу поделать с электрическими часами.

Конрад бродил между столами, весело ощущая разбросанные часы, которые были похожи на нервные клетки какого-нибудь невообразимо громадного робота. Он был взволнован и вместе с тем удивительно спокоен, он казался себе человеком, который поставил на карту жизнь и теперь ждет решения судьбы.

— А как вы удостоверяетесь, что все они показывают одно и то же время? — спросил он Маршалла, сам удивляясь тому, что этот вопрос кажется ему важным.

Маршалл раздраженно пожал плечами.

— Никак, но разве в этом дело? Такой вещи, как абсолютно точные часы, не существует. Самые точные часы — это те, которые стоят. Они показывают абсолютно точное время дважды в сутки, хотя вы не знаете, когда.

Конрад подошел к окну и показал на большие часы, видневшиеся в просвете между зданиями.

— Если бы мы только могли пустить те, а от них уже все остальные.

— Это невозможно. Весь механизм взорван динамитом. Не тронуты только колокола. Да и электропроводка давным-давно уже пришла в негодность. Нужна целая армия специалистов, чтобы пустить их в ход.

Конрад кивнул и посмотрел на схему. Он заметил, что Маршалл, кажется, запутался в годах — ставя даты пуска часов, он ошибался на семь с половиной лет. Нехотя поразмыслив над ироничным смыслом этой ошибки, он решил ничего не говорить Маршаллу.

Три месяца Конрад жил со стариком, сопровождая его в пеших походах по кругу, нося лестницу и полный ранец ключей, которыми Маршалл заводил часы, помогая ему снимать те из них, которые еще можно было починить, и оттаскивая их в мастерскую. Весь день, а иногда и половину ночи они работали вместе, починая часы, заводили их и относили на место.

Однако Конрад все время думал о больших часах на башне, возвышавшейся над площадью. Раз в день он тайком отправлялся в разрушенные здания, где когда-то обитало Время.

Как Маршалл и говорил, и большие часы, и их двенадцать сателлитов остановились навсегда. Дом, в котором помещался часовой механизм, напоминал машинное отделение затонувшего судна, это была гора искореженных взрывами двигателей и колес. Каждую неделю он поднимался по длинной лестнице на самую верхнюю площадку, находившуюся на высоте шестидесяти метров, и из башни с колоколами смотрел на плоские крыши зданий, тянувшиеся до самого горизонта. Длинные ряды молотков лежали перед ним зашелкнутые в своих гнездах. Однажды он, играючи, пнул защелку дискантового молотка и... над площадью поплыл звон. Звук его оказал на Конрада странное воздействие...

Постепенно он стал ремонтировать механизм, заставлявший звучать колокола: скреплял проволокой молотки и систему шкивов, протянул на верх башни новые тросы, перетянул уцелевшие лебедки из зала с часовым механизмом, переделал защелки.

Они с Маршаллом никогда не обсуждали те задачи, которые поставили перед собой. Слово животные, они подчинялись инстинкту и рабо-

тали неумолимо, вряд ли задумываясь над побудительными мотивами. И когда однажды Конрад сказал Маршаллу, что он собирается уйти и продолжить работу в другом районе города, Маршалл тотчас согласился, поделился с Конрадом по мере возможности инструментами и попрощался.

Ровно шесть месяцев спустя звон колоколов большой башни поплыл над крышами домов. Они забили каждый час, полчаса и четверть часа, постоянно возвещая о том, что день проходит. В тридцати милях от башни, в городах, расположенных по периметру большого города, люди останавливались на улицах и в дверях, прислушивались к тусклому эхо, блуждавшему по длинным ущельям жилых кварталов, видных на горизонте, и невольно считали медленные удары, сообщавшие, который теперь час. Старики шептали друг другу: «Четыре часа или пять? Часы опять пошли. Странно, прошло столько лет».

И весь день они останавливались, когда за многие мили доносился бой часов каждые четверть часа и полчаса — голос их детства, напоминавший об упорядоченном мире прошлого. Они начали ставить свои таймеры по бою часов: ночью, перед сном, они прислушивались к долгому полночному перезвону колоколов, а просыпаясь, слышали его снова в прозрачном чистом утреннем воздухе.

Иные отправлялись в полицейские участки и спрашивали, не могут ли они получить свои часы обратно.

После объявления приговора (двадцать лет за убийство Стэси и пять за четырнадцать нарушений законов о времени, но общий срок не превышал двадцати лет) Ньюмена увели в камеру, находившуюся в подвале суда. Он ждал этого приговора и отказался выступить, когда судья предоставил ему последнее слово. После года ожидания суда день, проведенный на заседании, показался очень короткой передышкой.

Он не пытался защищаться против обвинения в убийстве Стэси. Отчасти потому, что хотел выгородить Маршалла и дать ему возможность продолжать работу без помех, а отчасти и потому, что чувствовал себя косвенно виновным в смерти полицейского. Тело Стэси с черепом, разможенным от падения с тринадцатого этажа, было найдено на заднем сиденье автомобиля, спрятанного в подземном гараже неподалеку от площади. Очевидно, Маршалл обнаружил, что тот бродит повсюду, и расправился с ним голыми руками. Ньюмен припомнил, как однажды Маршалл вдруг исчез, а потом был странно раздражителен до конца недели.

В последний раз он видел старика за три дня до того, как приехала полиция. И каждое утро, когда раздавался бой колоколов, он без шапки быстро шагал через площадь, чтобы приветственно помахать башне рукой.

...Теперь Ньюмен должен был решить проблему, как создать часы, которые помогли бы ему скоротать двадцать лет отсидки. Он стал еще больше беспокоиться, когда его перевели в корпус, где сидели осужден-

ные на длительные сроки. Проходя мимо своей камеры по пути к начальнику тюрьмы, он заметил, что ее окно выходит в узкий колодец. Вытянувшись перед начальником и выслушав его поучения, Конрад отчаянно старался придумать хоть что-нибудь и удивлялся, как это разум еще не покинул его. Кроме отсчета секунд, по 86 400 каждый день, он не видел иного пути определять время.

Запертый в камере, он вяло опустился на узкую койку. Он слишком устал, чтобы распаковать даже небольшой узелок своих пожитков. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в бесполезности колодца. Внизу его горел мощный фонарь, делавший невидимым солнечный свет, который проникал сквозь стальную решетку, расположенную на высоте пятидесяти футов.

Конрад вытянулся на койке и осмотрел потолок. В центре его в углублении была лампочка, но, к своему удивлению, он увидел и вторую лампочку в камере. Она была вделана в стену в пяти футах над его головой. Он видел защитный плафон, достигавший десяти дюймов в диаметре.

Сначала он подумал, что это ночник, но нигде не увидел выключателя. Повернувшись, он встал, осматривая плафон и вдруг подскочил от изумления.

Это были часы! Он прижал обе ладони к стеклу, прочел цифры, отметил расположение стрелок. Без тринадцати минут пять. Так сейчас и должно быть. Так это не просто часы, а часы, которые ходят! Может быть, это зловещая шутка или какая-нибудь ошибка?

На стук в дверь пришел надзиратель.

— Чего шумите? Часы? Что с ними?

Он отпер дверь и вплыл в камеру, оттолкнув Ньюмена от порога.

— Ничего. Но почему они здесь? Это же противозаконно.

— Ах, так вот что вас беспокоит, — Надзиратель пожал плечами, — Видите ли, здесь правила немного другие. У вас тут, ребята, слишком много времени впереди, и было бы жестоко лишать вас возможности узнать, сколько его прошло. Вы знаете, как ими пользоваться? Отлично.

Он захлопнул дверь, закрыл засовы и улыбнулся Ньюмену через решетку.

— Здесь день длинный, сынок. Это ты узнаешь. А часы помогут тебе справиться.

Радостный Ньюмен лег на койку и, положив голову на свернутое одеяло, уставился на часы. Кажется, они в прекрасном состоянии. Целый час после ухода надзирателя он неотрывно наблюдал за часами, а потом стал подметать камеру, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться, что часы все еще здесь и идут. Ирония положения, полностью извращенная справедливость восхитили его.

Он все еще хихикал при мысли об абсурдности всего этого и две недели спустя, когда вдруг впервые заметил, что тиканье часов безумно раздражает...

СОДЕРЖАНИЕ

А. ГОРБОВСКИЙ.	
Стучавшие в двери бессмертия _____	3
Г. ГУРЕВИЧ.	
Опрятность ума _____	41
А. ШАРОВ.	
Загадка рукописи № 700 _____	79
М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ.	
И сгинул день _____	97
ТАКУ МАЙОМУРА.	
Приближается всемирная выставка. Перевод с японского З. и Ю. Сорокиных _____	100
Дж. БОЛЛАРД.	
Хронополис. Перевод с английского Д. Жукова _____	117

Альманах научной фантастики. Выпуск 9

Оформление художника П. Шорчева

Редактор-составитель Н. Огородникова

Технический редактор Л. Атрощенко

Художественный редактор Т. Добровольнова

Корректор Н. Сорокина

А04821. Сдано в набор 8/V 1970 г. Подписано к печати 20/VII 1970 г.
Формат бумаги 60×90/16. Бумага типографская № 2. Бум. л. 4,25.
Печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 10,04. Тираж 100000 экз. Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 302. Типография изд-ва
«Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Цена 35 коп.

35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970